

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

№ 100

БАКУ - 1986

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4 (100)

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ—1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
М. З. ЗАКИЕВ, С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ,
Х. Г. КОРОГЛЫ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор).

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

© «Советская тюркология», 1986 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 21.09.86 г. Подписано к печати 20.01.87 г. ФГ 21503. Формат бумаги
70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 8982. Тираж 2510. Цена 1 руб. 10 коп.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

СОТЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»

Вышел в свет сотый номер всесоюзного научно-теоретического академического филологического журнала «Советская тюркология». Сотый номер!.. Появление его — важная веха и в истории издания самого журнала и всей советской тюркологии. С самого начала журнал был задуман для тюркологов-ученых всей страны. Хотя на титуле журнала названия двух академий — Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР — наш журнал это плод совместного творческого труда широкого круга ученых: лингвистов, литературоведов, фольклористов многих научных и учебных учреждений страны. Широта проблем нашла отражение в следующей постоянной рубрикации журнала: «Структура и история языка», «Языковые связи», «Вопросы фольклористики и литературоведения», «Ономастика», «Дискуссии и обуждения», «История отечественной тюркологии», «Сообщения и обзоры», «Рецензии», «Научная жизнь», «Персоналия», «Хроника».

Тематика публикуемых материалов охватывает наиболее жизненные проблемы и вопросы тюркской филологической науки. В первую очередь это относится к истории тюркских языков, исторической грамматике и истории литературных языков, получающих в журнале, ввиду большой их научной и социальной значимости, наибольшее отражение. Следует также отметить специальные номера, посвященные крупным литературным памятникам средневековья — «Дивану тюркских языков» Махмуда Кашгарского и «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского.

Значительный интерес представляют публикации в рубрике «Дискуссии и обсуждения», где выносятся под огонь научной критики спорные проблемы тюркологии. Наше время, время решительного обновления всех сфер жизни, все же настоятельно требует дальнейшего усиления дискуссионного отдела.

В журнале печатаются рецензии на наиболее значительные тюркологические издания, выходящие в свет как у нас, так и за рубежом.

Журнал постоянно информирует читателей о научных сессиях, конференциях, семинарах, чтениях тюркологического профиля, проводимых в нашей стране и за границей.

На страницах журнала регулярно появляются краткие аннотации о защите научных работ на степень доктора филологических наук.

Подобная полнокровная информация играет большую роль в деле координации и контроля усилий тюркологов страны, сплачивая и направляя их, и в то же время способствует ликвидации дублирования и мелкотемья. По общему признанию, что было подчеркнуто на заседании Отделения литературы и языка Академии наук СССР, где редакция журнала в мае 1984 года отчитывалась за свою пятнадцатилетнюю деятельность, журнал «Советская тюркология» по своему научному уровню и общественному весу стоит в одном ряду с центральными научными периодическими изданиями. В связи с этим на заседании была дана высокая оценка работе и редакции, и редколлегии журнала.

Советский комитет тюркологов приносит большую благодарность руководству журнала!

Необходимо особо отметить, что, последовательно проводя в своих публикациях интернационалистическую линию, идею братства и дружбы народов, отдавая должное вкладу каждого из них в мировой культурный процесс, журнал вносит свою лепту в общенародную борьбу за мир. Ориентиром в этой борьбе являются те важнейшие мирные инициативы, с которыми выступает в последнее время Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

Советский комитет тюркологов горячо поздравляет редакцию и редколлегию журнала с юбилейным номером и желает им новых больших успехов.

Э. Р. ТЕНИШЕВ.
председатель Советского комитета тюркологов,
член-корреспондент Академии наук СССР.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

В. Г. ГУЗЕВ

ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ СТРАДАТЕЛЬНОГО И ВОЗВРАТНОГО ЗАЛОГОВ. СОСТАВ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА

(НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОАНАТОЛИЙСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА)

Настоящая статья продолжает прежние публикации автора¹, в которых тюркские залоговые формы рассматривались с теоретических позиций, определяемых как функционально-семантический подход к лингвистическим фактам. Здесь представляется уместным кратко напомнить основные положения этого подхода.

1. Язык понимается как функциональная система, представляющая собой онтологическую реальность. Ведущей функцией языка признается осуществление коммуникации.

2. Природа, сущность языка и всех его компонентов (включая семантику) определяется нуждами коммуникации. Познавание любого компонента — это прежде всего выявление характера его участия в коммуникативном процессе, что предполагает и уяснение его места в языковой системе.

3. В соответствии с разграничением понятий «язык» и «мышление» проводится различие между **значениями**, или семантемами (единицами языковой семантики), и **смыслами** (не принадлежащими языку мыслительными единицами, передаваемыми в актах коммуникации с помощью языковых и речевых средств).

4. Внимание исследователя, стремящегося к познанию грамматических форм и категорий, прежде всего должно быть направлено на выявление функциональных по своей сути служебных грамматических значений, их коммуникативного предназначения, а также их сочетаний с лексическими значениями².

Следовательно, целью анализа конкретных залоговых форм также является установление служебных грамматических значений, которые репрезентируются в словоформах залоговыми аффиксами, их коммуникативного предназначения, сочетаний, сопряжений лексических и служебных грамматических значений, наблюдаемых в залоговых формах.

5. Как языковые значения, так и содержание высказываний (единиц речи) соотносятся с объективной реальностью не непосредственно, а

¹ В. Г. Гузев. Проблемы основного и медиального залогов в функциональном аспекте (на материале староанатолийско-тюркского языка). — «Советская тюркология», 1984, № 5, стр. 59—63; его же. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка). — «Советская тюркология», 1985, № 4, стр. 3—11.

² Подробнее об этом см.: В. Г. Гузев. Некоторые вопросы теории тюркского словозменения в функционально-семантическом аспекте. — «Советская тюркология», 1985, № 2, стр. 3—11.

опосредованно, через мыслительные единицы и образы, в которых действительность отражается в психике индивидов³.

6. Восприятие человеком действительности представляет собой «живое созерцание»⁴, сложный, активный, «пристрастный» (А. Н. Леонтьев) процесс; еще на этапе восприятия один и тот же объект или фрагмент действительности (ситуация) может рассматриваться под различным углом зрения, по-разному интерпретироваться, отражаться в различных комбинациях образов, в различном мыслительном содержании⁵.

С лингвистической точки зрения сформулированное свойство восприятия означает, что конкретный объект или конкретная ситуация способны выступать по отношению к коммуниканту в качестве различных денотатов⁶ и, «воплощаясь» в различные мыслительные содержания, соответствовать разным **смыслам**, различной семантике высказываний. Интерпретация, «интерпретационный акт» лежит, по-видимому, в основе любого акта коммуникации⁷. С этой точки зрения соотносительные активные и пассивные конструкции (типа «Рабочие строят дом» и «Дом строится рабочими»), традиционно признаваемые синонимичными, могут относиться к одной и той же ситуации, но **передают они различные смыслы**. Синонимичность таких высказываний может пониматься только лишь как возможная отнесенность их к одной и той же или к тождественным ситуациям⁸. Разница же между передаваемыми ими смыслами состоит в том, что последние представляют собой два различных суждения, поскольку у этих суждений разные субъекты и предикаты.

7. Признание справедливости положения о том, что как в участии показателей какой-либо категории в организации словоформ, так и в структуре синтаксических конструкций, строящихся на базе форм этой категории, необходимо видеть проявление внутренних свойств морфем или форм, в первую очередь их грамматических значений⁹, предполагает, что залоговые значения, подобно другим служебным грамматическим значениям, проявляются в высказываниях, содержащих соответствующие словоформы, и что сопоставление подобных высказываний с таковыми, в которых залоговые словоформы не используются, может быть одним из приемов выявления искомого значения (см. ниже).

Залоговые формы. Экспоненты форм страдательного и возвратного залогов имеют частично совпадающие механизмы образования: основы, оканчивающиеся на гласную и на согласную [1], и тот и другой залог образуют соответственно с помощью аффиксов *-и* и *-ул*. Однако все остальные глагольные основы, то есть такие, которые оканчиваются на согласные, кроме [1], образуют форму страдательного залога с помощью аффикса *-yl* (*~-ul*), форму возвратного залога — посредством аффикса

³ См.: Г. П. Мельников. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978, стр. 253—290; М. Д. Степанова, Г. Хельбиг. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978, стр. 154—159.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 152—153.

⁵ См.: Ю. А. Гастев. Гомоморфизмы и модели. Логико-алгебраические аспекты моделирования. М., 1975, стр. 30; А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1981, стр. 62—69; В. А. Лекторский. Субъект, объект, познание. М., 1980, стр. 137—148.

⁶ О различении понятий «предмет» (объект) и «денотат» см.: Г. В. Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, стр. 91, 94.

⁷ А. Ф. Лосев. О коммуникативном значении грамматических категорий. — В кн.: «Статьи и исследования по языкознанию и классической филологии», М., 1965, стр. 198—199.

⁸ Ср.: Г. В. Колшанский. Указ. раб., стр. 93—94.

⁹ В. Г. Гузев. О значениях взаимного и повелительного залогов, стр. 5.

-yn (~-in): словоформы типа оку-н- (оку- 'звать, читать'), bil-in- (bil- 'знать') могут репрезентировать значения как страдательного, так и возвратного залогов. Однако четкое, морфологически выраженное различие залогов наблюдается в таких случаях, как: ög-il- 'быть хвалимым', но ög-in- 'хвастаться'; dut-ul- 'быть схваченным', но dut-yn- 'держаться для себя' и т. п.

Страдательный залог выступает, например, в следующих предложениях: anıñ içün **jaradyldy** bu 'äläm, anıñ içün **düzildi** ins ilä cän, anıñ içün **jaradyldy** bu jerlär [1, 79, 80] 'Для него был создан этот мир, для него были сотворены люди, для него была создана эта земля'.

Анализ той информации, которая добавляется залоговым показателем к лексическому значению глаголов *jarat-* 'создавать' и *düz-* 'творить, устраивать', показывает, что она сводится к **указанию на то, что предмет, о котором идет речь** (в примере «мир», «люди», «земля»), **есть не производитель действия, а его прямой объект**; при этом отсутствует указание на производителя, на источник действия.

Средством указания на источник действия, если была необходимость выразить его при передаче ситуации, истолковываемой как страдательная, выступал исходный падеж: *xudādan mühr uruldy himmätinä* [4, 37a] 'его высокие помыслы'; *xudādan cānupa rahmat saçyldy* [4, 396] 'Богом на его душу были ниспосланы милости'.

И в этих примерах залоговая форма служит сигналом того, что предмет, имеющий отношение к действию, является не агенсом, а пациенсом. Эту же информацию она выражает и в тех случаях, когда глагол выступает в неличной форме и не является сказуемым предложения: *içümdädür oñulmaz bagrum başy* [3, 31] 'В моей груди неизлечимая рана'; *jaradylmyş baña karşı dugamaz* [4, 196] 'Сотворенный [богом] не может устоять против меня'.

Словоформа *jaradylmyş* 'сотворенный' в последнем примере особенно отчетливо обнаруживает наличие в залоговом значении отмеченной служебной информации при сопоставлении ее с однокоренным лексикализовавшимся причастием *jaradan* [1, 25] 'творящий, творец'.

Необходимо подчеркнуть, что сопоставление именно соотносительных словоформ, а не активных и пассивных конструкций, способствует выявлению залогового значения. Так, если в турецком предложении *Koş uer* или в немецком *Der Hammel frißt* 'Баран ест' употребить форму страдательного залога: *Koş jenir*, *Der Hammel wird gefressen* 'Барана едят', то замена формы как раз и обнажает значение этого залога.

Традиционное сопоставление соотносительных активных и пассивных конструкций для уяснения сути категории залога представляется неоправданным.

Конструкция — это уже высказывание или часть высказывания, то есть фрагмент текста, речи. Она едва ли может признаваться единицей языка¹⁰. Залоговые формы проявляют в конструкциях свои сочетательные возможности. Поэтому концентрирование внимания на конструкциях служит лишь изучению порождения с помощью залогов речевых единиц.

Одна и та же ситуация может быть выражена разными высказываниями, что свидетельствует лишь о привлечении различных языковых средств. И это не приближает исследователя к уяснению сути самих языковых средств.

¹⁰ Ср.: L. Johanson. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971, стр. 40.

Авторы концепций, признающих залог сугубо синтаксической категорией, а также концепций, в основе которых лежит «принцип соотношения членов предложения и категорий субъекта и объекта»¹¹, так или иначе признают соотносительные конструкции синонимичными. Однако это, как отмечалось выше, едва ли справедливо, ибо такие обороты передают разное мыслительное содержание, представляющее собой результат различного истолкования, восприятия одного и того же фрагмента объективной действительности. Передаваемые комбинации мыслительных единиц имеют разные субъекты (предметы мысли) и предикаты. Из этого следует, что соотносительные конструкции передают различный смысл.

Упомянутое соотношение членов предложения и категорий субъекта и объекта неприемлемо уже потому, что, как было показано на конкретном материале, страдательный залог может функционировать не только в составе финитных форм в функции сказуемого, но и в составе именных форм в функции других членов предложения.

По нашему мнению, **собственно-страдательное значение** тюркского страдательного залога — это некий образ, в котором отражено и закреплено такое отношение между действием и предметом, при котором предмет выступает как объект прямого воздействия. Содержание этого образа можно, например, передать выражением «подвергаться прямому воздействию». Продуктивная же производная основа этого залога передает информацию типа «подвергаться деланию, делаться».

Собственно страдательное значение страдательного залога не является единственным. Фрагменты объективной действительности, конкретные ситуации, обобщенные и отраженные в собственно-страдательном значении, не содержат реального производителя действия. Это обстоятельство, думается, может быть источником того, что в результате переосмысления в сознании разовьются представления об отвлеченном, неопределенном или обобщенном производителе, что-то вроде «все», «любой, кто совершает действие», «кто угодно» и т. д. Становясь семантическим компонентом монемы, эти представления являют собой значения, получившие в языкознании наименования: «неопределенно-личное», «обобщенно-личное», «фиктивного субъекта», «обобщительное», «безличное» и др. Поскольку названное значение указывает на отвлеченного, абстрактного производителя действия, или агенса, а термин «лицо» рациональнее использовать там, где речь идет о грамматическом лице (например, в финитных формах), представляется более целесообразным обозначать это значение термином **«отвлеченно-агентивное»**.

Известно, что использование форм страдательного залога в отвлеченно-агентивном значении в тюркских языках чрезвычайно продуктивно¹². А наличие этого значения у страдательного залога в других языках, совершенно неродственных тюркским (например, в немецком¹³, болгарском¹⁴ и др.); подтверждает, что его сосуществование с собственно-

¹¹ А. В. Бондарко. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, стр. 60.

¹² См., например: Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 497—509; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 192—193.

¹³ См., например: С. А. Шубик. Категория залога в немецком языке. — «Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках», Л., 1979, стр. 51—53.

¹⁴ См.: Б. Ю. Норман. Переходность, залог, возвратность (на материале болгарского и других славянских языков). Минск, 1972, стр. 64—65.

страдательным значением при одном и том же означающем — закономерное явление¹⁵.

Если вернуться к приведенным выше староанатолийско-тюркским примерам и комментировать их на предмет наличия или отсутствия у соответствующих форм отвлеченно-агентивного значения, то можно утверждать, что в примерах с адресами: 1, 79, 80; 3, 31; 4, 196 — оно отсутствует, ибо в центре внимания авторов высказываний лишь взаимоотношения называемых предметов и действий («создан мир», «сотворены люди», «создана земля», «не поддающаяся лечению рана» и т. д.), в примерах с адресами: 4, 37a и 39b его также нет, поскольку агент (бог) непосредственно назван.

Обсуждаемое значение реализуется в следующих примерах: *okujañ qurāna kulak dutulmaz, şäjtānlar sāmirdi, quvvātlü oldy* [4, 206a, б] 'Не прислушиваются к зовущему корану, черти разжирили, набрались сил' (фразеологизм *kulak dut-* 'слушать' выступает как самостоятельный непереходный глагол); *nä şärbätdür bu? hiç rāngi bilinmāz* [2, 1] 'Что это за шербет? Его цвет совершенно неизвестен!' (использованы оба значения — собственно страдательное и отвлеченно-агентивное). Ср. турецкий пример, в котором присутствует только отвлеченно-агентивное значение: *Keyif için bu saatte yağmur altında dolaşılmaz* (S. Derviş. Geçtiğim şehir) 'В такое время под дождем не бродят ради удовольствия'.

В ранних анатолийских памятниках отвлеченно-агентивное значение реализуется еще очень редко. Оно часто используется в современном турецком языке. В анатолийских памятниках не зарегистрировано встречающееся в среднеазиатском ареале (в «Бабур-наме», в современном узбекском языке)¹⁶ и известное также по нетюркским языкам¹⁷ сочетание страдательного залога в этом значении с прямым дополнением (тип *хатни ёзилди* 'письмо написали').

Таким образом, страдательный залог рассматривается как форма, имеющая два значения. Оба значения едва ли сводимы к какому-либо инварианту. Предполагается, что при порождении высказывания производится отбор нужного значения, каждое из них может вступать или не вступать в действие, реализоваться может или только одно из них, или оба одновременно (последнее имеет место в высказываниях типа «Эта задача решается так»).

Примеры, содержащие формы возвратного залога:

- 1) *gārāk fānī cihāndan dartynasyn*
muxālif işlārdān hāp junasyn [4, 44a-б]
'Надо, чтобы ты остерегался брэнного мира,
Чтобы ты совсем отмылся от противных дел';
- 2) *çün tamām jujyñdy Jūsuf çykdy gidār,*
işid emdi ol bāzırgān neder [3, 22]
'Когда Юсуф полностью помылся, он вышел, идет,
Теперь послушай, что говорит купец';

¹⁵ См., например: О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958, стр. 191—192; Дж. Лайонз. *Введение в теоретическую лингвистику*. М., 1978, стр. 401—403. В германистике получила распространение иная точка зрения, согласно которой формы страдательного залога в собственно-страдательном и «безличном» значениях представляют собой омонимы. См.: С. А. Шубик. *Категория залога в немецком языке*, стр. 51, прим. 13.

¹⁶ См., например: М. С. Михайлов. *К вопросу об аберрации залога в турецком глаголе*. — В кн.: «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961, стр. 220; С. Н. Иванов. *Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные)*. Л., 1959, стр. 69.

¹⁷ См., например: А. А. Потебня. *Из записок по русской грамматике*. Т. IV. Вып. II. *Глагол*. М., 1977, стр. 253—254.

- 3) *dakyndum şajxlyk adyp...* [4, 74 б]
'Я присвоил себе (буквально нацепил на себя) титул шейха...';
- 4) *'Abd-ur-razaq ol dârviş joldaş edindi bâni* [4, 126 б]
'Дервиш Абдулразак сделал меня своим соратником';
- 5) *dursa otursa Jüsufy söjlänür*
kanda kim varsa any zîkr äjlänür [3, 29]
'Стоит ли она, сидит ли она — говорит сама с собой о Юсуфе.
Куда бы она ни отправилась — вспоминает про себя о нем';
- 6) *uçan kuşlar uçunur, sāni jel görsä durur* [4, 157 б]
'Летающие птицы сами собой летят (к тебе), если тебя видит ветер, он стихает'.

В примерах 1 и 2 залоговые формы передают ситуации, в которых предмет производит действие, где прямым объектом является он сам («остерегался», «отмылся», «помылся»). В примерах 3—6 описываются ситуации, в которых действие не прямо, а косвенно (в каждом конкретном случае своим особым образом) затрагивает производителя или находится с ним помимо агентивной в какой-либо иной связи («нацепил на себя», «сделал своим», «говорит сама с собой», «вспоминает про себя», «летят сами собой»). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что переходность обозначаемого глагольной основой действия может сливаться с залоговым значением (как в примерах 1 и 2) и в таких случаях участвовать в передаче ситуации с прямо-возвратным взаимоотношением действия и предмета-производителя, но может также «замыкаться» на иной объект (как в примерах 3—5) и, следовательно, не иметь отношения к передаче тех связей элементов референтного уровня, о которых сигнализирует залоговый показатель. Очевидно, что во втором случае значение залогового показателя выступает более отчетливо. Общим для всех конкретных ситуаций, передаваемых залоговыми формами в приведенных примерах и во многих других случаях, в изучаемых памятниках является **факт наличия иной, помимо агентивной, связи между действием и производителем этого действия**. Именно эта общая черта ситуаций и должна, видимо, быть принята в качестве содержания абстракции, закрепленной за показателем возвратного залога и являющейся его значением. При этом указанное значение индифферентно к характеру этой связи, то есть к тому, имеет ли место прямо-возвратное или косвенно-возвратное взаимоотношение действия и производителя, или наличествует такая связь, к которой сам термин «возвратный» уже не применим. Информация об этих взаимоотношениях не передается самим залогом и относится к области смыслов, с которыми сформулированное залоговое значение взаимодействует в актах порождения и восприятия текстов.

Только в сфере реализации выявленных значений (собственно-страдательного, отвлеченно-агентивного и возвратного) формы страдательного и возвратного залогов — при наличии в языке соответствующих исходных основ («соотносительных форм») — могут признаваться продуктивными. Все остальные образования не имеют непосредственного отношения к залоговому механизму и представляют собой или изолировавшиеся, лексикализовавшиеся словоформы, или реликтовые явления, сохранившиеся в языке с тех времен, когда у соответствующих показателей еще не сформировались перечисленные служебные грамматические значения.

Категория залога. Анализ форм взаимного, понудительного, страдательного и возвратного залогов, «основной формы» и образований с медиальным значением, содержащийся в двух предыдущих¹⁸ и в настоящей

¹⁸ См. работы, указанные в сноске 1.

статье, позволяет сформулировать некоторые общие выводы, относящиеся к тюркской **категории** залога.

1. Значение любой продуктивной залоговой формы является сложным — в его составе выделяются: лексический компонент, носителем которого выступает глагольная основа (лексическая морфема), и служебный грамматический компонент, в качестве носителя которого функционирует морфологический показатель (служебная морфема). Эти сложные значения форм являются **категориальными**¹⁹.

2. **Формы** взаимного, понудительного, страдательного и возвратного залогов объединяются в **категорию** залога на основе однородности, родственности их категориальных значений: каждое из них представляет собой абстрактный образ, отражающий одну из пяти разновидностей связей действий с предметами. **Взаимный** залог означает, что действие совершается более, чем одним предметом-производителем. Содержанием значения **понудительного** залога является образ действия, связанного с каким-либо предметом, «побуждаемым» (каузируемым) к его совершению. Значения **страдательного** залога: 1) абстракция, содержание которой составляет информация о том, что связанный с действием предмет есть не производитель, а его прямой объект (собственно-страдательное значение); 2) образ действия, связанного с отвлеченным, абстрактным производителем (отвлеченно-агентивное значение). Значение формы **возвратного** залога — малосодержательная абстракция, в которой отражен лишь факт наличия между действием и его производителем какой-либо иной (помимо агентивной) связи.

3. Коммуникативное предназначение перечисленных залогов заключается в том, что посредством соответствующих словоформ в речи они сигнализируют о наличии у называемого исходной глагольной основой действия какой-либо из пяти сформулированных разновидностей связи.

4. Построение залоговых словоформ, с одной стороны, представляет собой один из видов технического преобразования слов²⁰, с другой — манифестирует в речи такое «изменение» лексического значения исходной глагольной основы, которое заключается лишь в сочетании, сопряжении его с имеющим дополнительный характер служебным значением. При этом никак не нарушается идентичность лексического значения, его тождественность самому себе. Следовательно, в семантическом плане имеет место типично словоизменятельная операция без каких-либо признаков словообразования. Это обстоятельство позволяет утверждать, что категория залога является чисто словоизменятельной.

5. От залоговых словоформ в речи (продуктов словоизменятельных операций) необходимо отличать лексикализовавшиеся образования, изолировавшиеся от продуктивного залогового механизма (продукты словообразовательных процессов). Лексикализовавшиеся и потому переставшие быть залоговыми образования не дают основания считать категорию залога саму по себе принадлежащей к сфере словообразования. Не может служить основанием для такого мнения и несомненная повышенная (в сопоставлении с другими словоизменятельными категориями) склонность залоговых словоформ к лексикализации.

6. Глагольная основа без материального залогового показателя лишена какого-либо залогового значения и, следовательно, не имеет и ну-

¹⁹ Трактовку автором понятия «категориальное значение» см.: В. Г. Гузев. Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте, стр. 9.

²⁰ Там же, стр. 6.

левого залогового показателя. Это означает, что с функционально-семантической точки зрения она не может признаваться причастной к категории залога.

7. В состав категории залога не входят, по-видимому, и образования с медиальным значением, которые, хотя в них и обнаруживаются аффиксы взаимного, страдательного и возвратного залогов, представляют собой продукты лексикализации.

8. Тюркский материал и предлагаемое его истолкование позволяют согласиться с теми авторами, которые трактуют залого как **морфологическую** категорию²¹, являющуюся «синтаксической»²² лишь в том смысле, что в значениях ее форм отражены не **свойства** действий, а **связи**, в которые они вступают.

9. В свете фактов тюркской морфологии категория залога предстает как совокупность словоизменительных глагольных форм, являющихся грамматическим средством передачи разновидностей отношений между действиями и предметами.

ИСТОЧНИКИ

1. «Çarhnâmâ» («Поэма о превратностях судьбы»). Издание: M. Mansuroğlu. Ahmed Fakih. Çarhnâme. İstanbul, 1956.

2. Анатолийско-тюркские стихи Шейяда Хамзы (середина XIII в.). Издание: M. Mansuroğlu. Şeyyad Hamza'nın üç manzumesinin tıpkıbasımı. — «İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi». Cilt VII. Sayı 1—2. İstanbul, 1956, стр. 108—114.

3. «Jüsuf ü Zulaixa» («Юсуф и Зулейха»). Издание: D. Dilçin. Şeyyad Hamza. Yusuf ve Zeliha. İstanbul, 1946.

4. Стихи Юнуса Эмре. Издание: A. Gölpınarlı. Yunus Emre. Risâlat al-Nushiyya ve Dîvân. Önsöz — Lûgat — Açılama. İstanbul, 1965.

²¹ Такой подход в отечественном языкознании впервые четко был сформулирован Ф. Ф. Fortunatovым (см.: В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, стр. 482—484). Ср. также: Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, стр. 22; М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М., 1964, стр. 12 и сл.

²² См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 59—61.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. МЕМЕТОВ

РУССКИЕ КАЛЬКИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В лексическом составе современного крымскотатарского литературного языка наряду с прямыми заимствованиями из русского языка имеется большое количество калькированных с русского слов и словосочетаний. Кальки, как и заимствованные слова, обогащают словарный состав крымскотатарского языка.

Проблеме калькирования в лингвистической литературе посвящено немало исследований. Однако почти все они сходятся в основном на том, что калькирование — это наиболее сложный способ усвоения слов и словосочетаний из других языков посредством перевода их средствами заимствующего языка. При этом, во-первых, образуются новые лексические единицы по модели калькируемого слова, во-вторых, происходит обогащение новыми значениями уже существующих в языке слов.

Лексические кальки обычно бывают двух видов: структурные (или словообразовательные) и семантические (или смысловые).

Структурные кальки в крымскотатарском языке представляют собой перевод средствами последнего русских слов по их значимым частям. Калькой такого типа является, например, слово *тамирджи* 'ремонтник'. В крымскотатарском языке оно образовалось как калька русского слова «ремонтник» по составляющим его морфемам: непроизводной основе «ремонт-» и суффиксу «-ник». Русская непроизводная основа «ремонт-» была переведена эквивалентной непроизводной основой *тамир-*, а русский суффикс, образующий названия лиц по их профессии — «-ник» — соответствующим крымскотатарским суффиксом *-джи*.

Однако при калькировании русских слов их морфемная структура может и не совпадать с морфемной структурой соответствующей кальки в крымскотатарском языке. Это объясняется прежде всего разнотемностью русского и крымскотатарского языков, из которых первый относится к флективным, а второй к агглютинативным языкам. Каждый из этих языков имеет свои специфические лексико-семантические и морфологические особенности, вследствие чего при калькировании может иметь место морфемное несоответствие структуры кальки и ее прототипа. Так, русское слово «рисовод», состоящее из трех морфем: непроизводной основы «рис-», соединительного гласного «-о-» и «словоэлемента» (термин В. В. Виноградова), то есть основы, наполовину превратившейся уже в суффикс «-вод»¹, переводится на крымскотатарский язык словом *пирниччи*, состоящим из двух морфем: непроизводной основы

¹ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 140.

пирнич- 'рис' и суффикса *-чи*, образующего названия лиц по их принадлежности к определенной профессии. В данной кальке не передается упомянутый выше соединительный гласный «-о-». Кроме того, при переводе вместо русского слова, которое по «морфологической структуре и образованию примыкает к сложным, включающим в свой состав в качестве второго компонента не какую-либо полнозначную основу, а своеобразный словообразовательный элемент, аналогичный суффиксу»², в крымскотатарском образовалось простое производное слово, где суффикс *-чи* передает значение русского словообразовательного элемента «-вод».

Точно так же и русское слово «литературовед», состоящее из трех морфем, переводится на крымскотатарский язык словом *эдебиятшынас*, образованным из двух морфем: непроемной основы *эдебият*- 'литература' и суффикса *-шынас*, образующего названия лиц по роду их занятия.

Таким образом, соответствие количества морфем в кальке и ее прототипе не является обязательным при калькировании с русского языка на крымскотатарский, тогда как образование морфемных соответствий весьма характерно для родственных языков.

Процесс калькирования с одного языка на другой ограничен определенным кругом слов и словосочетаний, так как «можно калькировать только такие слова и выражения, которые имеют сложную морфологическую или синтаксическую структуру в виде отдельных морфем в составе слова или отдельных слов в словосочетании. Слово, состоящее из одного корня, никогда не может быть калькировано»³. (Исключение составляют лишь семантические кальки).

Таким образом, слова и словосочетания, калькируемые с русского языка на крымскотатарский, целесообразно рассматривать в следующих трех группах: 1) калькирование простых производных слов, 2) калькирование сложных слов и аббревиатур (сложносокращенных слов), 3) калькирование словосочетаний.

I. Калькирование простых производных русских слов, образованных способом аффиксации, на крымскотатарский язык осуществляется в виде полных калек и полукалек.

При передаче всех морфологических элементов калькируемого слова языковыми средствами заимствующего языка образуются полные кальки. В современном крымскотатарском литературном языке полные кальки простых производных русских слов по морфологической структуре могут состоять:

а) из простых производных крымскотатарских слов⁴, образованных при помощи словопроизводящих суффиксов: *из+деш* 'последователь', *саф+даш* 'соратник', *гонъюльдеш+лик* 'сочувствие', *ишсиз+лик* 'безработица', *силясызлан+ув* 'разоружение', *сынав+джы* 'испытатель', *интикъам+джы* 'мститель' и др. Примеры: *Ишханеде илери ишчининъ из деш лери эп чокълаша* [3, 1978, № 33] 'На заводе увеличивается число последователей передового рабочего'. *Апрель айы Австралия ичюн сонъки он йыл зарфында ишсизликнинъ энъ юксек севиеге чыкъъан вакъты олды* [3, 1977, № 58] 'В течение последних десяти лет безработица в Австралии в апреле достигла самого высокого уровня';

² Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, стр. 108.

³ М. А. Хегай. К понятию кальки.—«Ученые записки Ташгоспединститута им. Низами», т. 45, вып. 3. Ташкент, 1964, стр. 297.

⁴ Под крымскотатарскими здесь подразумеваются как исконные, так и давно усвоенные слова из иранского и арабского языков.

б) из сложных крымскотатарских слов: *кѳолтутув* 'поддержка', *джумаэртелик* 'субботник', *ишташлав* 'забастовка', *козьэтиджи* 'наблюдатель' и др. Примеры: *Фирманынъ ёлбашчылары ишташлав иштиракчилеринен сёйлешювлер отъкермеге ред эттилер* [3, 1976, № 144] 'Руководители фирмы отказались от проведения переговоров с участниками забастовки'. *Мындаки козьэтиджилер «Умумий базар» векиллерининъ бу кѳарарыны акълы оларакъ кулюнч бир кѳарар дедилер* [3, 1977, № 4] 'Здесьние наблюдатели это решение представителей «Общего рынка» по праву признали одним из смехотворных решений';

в) из крымскотатарских словосочетаний: *ишлеп чыкѳармакъ* 'производить', *янъыдан азырланув* 'переподготовка', *кѳапы бекчиси* 'вратарь' (спорт.) и др. Примеры: *Шахтёрлар даа да чокъ махсулат ишлеп чыкѳармагъа сёз бердилер* [3, 1976, № 48] 'Шахтеры взяли обязательство добыть еще больше угля'. *Джеми оджалар янъыдан азырланув курсларында окъуды* [3, 1976, № 102] 'Все преподаватели занимались на курсах переподготовки'.

При калькировании простого производного русского слова на крымскотатарский язык часть его морфем может быть воспроизведена средствами последнего, а другая часть — заимствована из русского языка (полукалька). В полукальках с одним корнем в составе заимствованная часть — основная, корневая, а переведенная — аффиксальная⁵.

Полукальками с русских производных однокорневых слов в крымскотатарском языке являются, например, *колхоз+джи* 'колхозник', *автомобиль+джи* 'автомобилист', *радио+лаштырув* 'радиофикация', *коллектив+лештирюв* 'коллективизация', *план+лаштырмакъ* 'планировать' и т. д. Примеры: *Колхозджылар былтыр бу пытакътан 395 бинъ рубле эльде эттилер* [3, 1976, № 149] 'В прошлом году колхозники получили с этой отрасли 395 тысяч рублей прибыли'. *Радиолаштырув меселелери чокътан аль олунды* [3, 1977, № 35] 'Проблема радиофикации давно разрешена'.

II. Сложные русские слова на крымскотатарский язык калькируются также в виде полных калек и полукалек, образуя несколько соответствующих групп.

В современном крымскотатарском литературном языке полные кальки сложных русских слов по морфологической структуре могут состоять:

1) из сложных крымскотатарских слов: *беш+йыллыкъ* 'пятилетка', *дунья+бакъыш* 'мировоззрение', *он+кунълик* 'десятидневка', *китап+север* 'книголюб', *орман+кесер* 'лесоруб', *кѳызыл+байракълы* 'краснознаменный' и т. д. Примеры: *Адамларнынъ дуньябакъышында буюк денъишмелер олды* [3, 1976, № 35] 'В мировоззрении людей произошли большие изменения'. *Орта Асия республикаларындаки гонъюлли китапсеверлер джемиетлери конференция тешкиль эттилер* [3, 1977, № 3] 'Добровольные общества книголюбов республик Средней Азии организовали конференцию'. *Бойледже, орманкесерлер ялынъыз иш пай этильгенде корюшелер* [5, с. 34] 'Таким образом, лесорубы встречаются только во время распределения работы';

2) из крымскотатарских словосочетаний. Вновь образованные словосочетания бывают двух видов:

а) словосочетания из двух крымскотатарских слов: *эмек куню* 'трудодень', *сагълыкъ/сакълав* 'здравоохранение', *памукъ темизлев* 'хлопкоочистительный', *гонъюлли оларакъ* 'добровольно', *топракъ ольчейиджи* 'землемер' и т. д. Примеры: *Эмек кунюне 5 рубле 20 капиктен*

⁵ Н. М. Шанский. Русский язык. Лексика. Словообразование. М., 1975, стр. 46.

пара, ...түше [6, с. 106] 'На каждый трудовой день приходится по 5 рублей 20 копеек...'. Селим Тула шеэринде гонъюлли оларакъ Къызыл Ордугъа кирди [7, с. 259] 'В городе Туле Селим добровольно вступил в Красную Армию';

б) словосочетания из трех и более крымскотатарских слов: *юк котерюв къабилиети* 'грузоподъемность', *таш пейда олувы* 'камнеобразование' (мед.), *джам уфюриджи ишчи* 'стеклодув', *озюне мал олув къыймети* 'себестоимость', *озь башына бильги арттырув* 'самообразование', *озь озюни тенкъид этюв* 'самокритика' и т. д. Примеры: *Аметхангъа самолётнынъ юк котерюв къабилиетини сынамакъ авале олунды* [2, с. 20] 'Аметхану было поручено испытать грузоподъемность самолета'. *Бу косьтергичлер махсулатнынъ озюне мал олув къыйметини эксильтмеге давет этелер* [3, 1976, № 143] 'Эти показатели призывают к снижению себестоимости продукции'.

При галькировании сложных русских слов крымскотатарским языком в виде полукалек образуются кальки двух типов:

а) первый компонент сложного русского слова в кальке остается без изменения, а вторая полнозначная основа заменяется соответствующим эквивалентным крымскотатарским словом: *радиоэшиттирюв* 'радиопередача', *тракторяпыджы* 'тракторостроитель', *метроқъурувджы* 'метростроитель', *радиоустахане* 'радиомастерская', *фотосерги* 'фото-выставка', *радиоавескяр* 'радиолюбитель', *киносеятчы* 'кинопутешественник' и т. д. Примеры: *Радиоэшиттирюв программасы ярышны кениш айдынлата* [3, 1976, № 10] 'Программа радиовещания широко комментирует соревнование'. *Луандада бу тарихий вакъиагъа багъышлангъан фотосерги де ачылды* [3, 1977, № 58] 'В Луанде открылась и фотовыставка, посвященная этому историческому событию';

б) первый компонент сложного русского слова в кальке заменяется эквивалентным крымскотатарским словом, а второй значащий компонент в своей основе заимствуется из русского языка: *демирбетон* 'железобетон', *ярыфинал* 'полуфинал', *черикфинал* 'четвертьфинал', *бутюн-союз* 'всесоюзный', *умумкоманда* 'общекорпусной' и т. д. Примеры: *Мая ярыфиналда шимди София шеэринде откерильтмеке олгъан дигер черикфинал ярышнынъ гъалибинен корюшеджек* [3, 1977, № 66] 'Мая в полуфинале встретится с победителем соревнования другого четвертьфинала, который проходит сейчас в Софии'. *Умумкоманда ярышында биринджи ерни 25,5 очко топлагъан Чырчыкъ шеэрининъ векиллери алдылар* [3, 1976, № 31] 'В общекомандном соревновании первое место заняли представители Чирчика, набравшие 25,5 очка'.

Калькирование русских сложносокращенных слов и буквенных аббревиатур на крымскотатарский язык осуществляется следующим образом:

1) русское сложносокращенное слово, состоящее из начальной части первого слова и целого второго слова, восстанавливается в первоначальном виде, после чего его компоненты переводятся на крымскотатарский язык. При этом в последнем образуется либо полная калька, состоящая из сочетания двух крымскотатарских слов: *баш эким* 'главврач', *бала багъчасы* 'детсад', *эмек ордусы* 'трудармия', *сиясий тегерек* 'политкружок'; либо полукалька, состоящая из русского заимствованного слова и слова, воспроизведенного средствами крымскотатарского языка: *дивар газетасы* 'стенгазета', *сиясий бюро* 'политбюро' и т. д. Примеры: *Окъувыны битирген сонъ Айшени бала багъчасына ёлладылар* [3, 1977, № 2] 'После окончания учебы Айше направили на работу в детсад'. *Асан Бекиров дивар газетасыны да чыкъармагъа ярдым*

эте [3, 1975, № 140] 'Асан Бекиров помогает выпускать и стенгазету'. *Озбекистангъа Германия бирдем социалист партиясы Меркезий Комитетининъ сиясий бюро азасы, ...Альфред Нойман кельди* [3, 1977, № 58] В Узбекистан приехал член Политбюро Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии... Альфред Нойман';

2) первый компонент русского сложносокращенного слова заимствуется в таком же сокращенном виде, а второй компонент переводится на крымскотатарский язык: *агрошээрчик* 'агродорожок', *соцярши* 'соцсоревнование' и т. д. Примеры: *Агрошээрчикке хутор типиндеки койлернинъ эалиси кочюрилиджек* [3, 1976, № 161] 'В агродорожок будут переселять жителей хуторов'. *Район механизаторлары соцяршини кенишлетерек биринджи культивацияны 1 Майыс байрамынадже битирмеге сёз бердилер* [3, 1976, № 10] 'Механизаторы района, расширяя соцсоревнование, дали слово завершить первую культивацию до Первомайского праздника';

3) русские буквенные аббревиатуры при калькировании расшифровываются, а затем переводятся на крымскотатарский язык и подвергаются буквенному сокращению, то есть вновь образованное слово состоит из начальных букв каждого крымскотатарского слова. При этом образуются либо полные кальки: *БМТ* (*Бирлешкен Миллетлер Тешкиляты*) 'ООН (Организация Объединенных Наций)', либо полукальки: *МК* (*Меркезий Комитет*) 'ЦК (Центральный Комитет)', *МХР* (*Монголия Халкъ Республикасы*) 'МНР (Монгольская Народная Республика)'. Пример: *МХРде социализм кэзруджылыгъы мувафакъиетли девам этмекте* [3, 1976, № 43] 'В МНР успешно продолжается строительство социализма'.

III. При калькировании русских словосочетаний в крымскотатарском языке образуется несколько разновидностей полных калек и полукалек. Основные виды полных калек русских словосочетаний в крымскотатарском языке следующие:

1) оба компонента русского словосочетания при калькировании передаются соответствующими крымскотатарскими словами. При этом порядок слов в кальке соответствует порядку расположения слов русского словосочетания: *ишчи сынлыфы* 'рабочий класс', *бельгисиз аскер* 'неизвестный солдат', *агъыр санайы* 'тяжелая промышленность', *макътав ярлыгъы* 'похвальная грамота', *фахрий ярлыкъ* 'почетная грамота', *эмек низамы* 'трудовая дисциплина', *кёзл топу* 'ручной мяч' и т. д.;

2) оба компонента русского словосочетания переводятся э: вивалентными крымскотатарскими словами, однако порядок слов в кальке не соответствует порядку слов в прототипе, что является следствием типологических различий между русским и крымскотатарским языками: *кейфиет нишаны* 'знак качества', *истисал илерилери* 'передовики производства', *китапсеверлер джемиети* 'общество книголюбов', *эмек кэараманы* 'герой труда', *джекссюрлик мектеби* 'школа мужества', *медениет эви* 'дом культуры', *дунья биринджилиги* 'первенство мира' и т. д.

Полукальки с русских словосочетаний в крымскотатарском языке образуются в основном четырьмя способами:

1) первый компонент русского словосочетания в кальке заменяется соответствующим крымскотатарским словом, а второй компонент — заимствуется. При этом вновь образованное сочетание слов в крымскотатарском языке оформляется в соответствии с его внутренними законами, а компоненты русского словосочетания сохраняют свое место в кальке: *Баш секретарь* 'Генеральный секретарь', *юкзлары лига* 'высшая лига'.

джыйма команда 'сборная команда', *алтын юбилей* 'золотой юбилей', *сув полосы* 'водное поло', *эмек вахтасы* 'трудовая вахта', *халкъ контроли* 'народный контроль', *сорав бюросы* 'справочное бюро', *тиш чёткиси* 'зубная щетка' и т. д.,

2) первый компонент русского словосочетания при калькировании заимствуется из русского языка с некоторыми фонетическими и морфологическими изменениями: так, например, в большинстве случаев происходит усечение аффиксов прилагательных первого компонента, а иногда и замена усеченных аффиксов соответствующими крымскотатарскими аффиксами. Второй компонент русского словосочетания в кальке передается эквивалентным крымскотатарским словом: *прогрессив арекет* 'прогрессивное движение', *агрессив сиясет* 'агрессивная политика', *информацион билъдирюв* 'информационное сообщение', *интернациональ тербие* 'интернациональное воспитание', *коммунист джумаэртелиги* 'коммунистический субботник' и т. д.;

3) первый компонент русского словосочетания при калькировании заимствуется, а второй компонент передается соответствующим словом крымскотатарского языка. При этом компоненты русского словосочетания в кальке меняются местами, и калькированное словосочетание в принимающем языке оформляется согласно внутренним законам крымскотатарского языка: *Илимлер Академиясы* 'Академия наук', *достлукъ фестивали* 'фестиваль дружбы', *мудафаа министри* 'министр обороны', *сымарышлар столы* 'стол заказов', *истисал ветеранлары* 'ветераны производства' и т. д.;

4) первый компонент русского словосочетания в кальке передается соответствующим крымскотатарским словом, а второй компонент заимствуется, причем порядок слов в кальке — обратный порядку слов русского словосочетания: *Пионерлер эви* 'Дом пионеров', *Союзлар эви* 'Дом союзов', *Морзе элифбеси* 'азбука Морзе' и т. д.

Кальки русских слов и словосочетаний в крымскотатарском языке появились в первой половине XIX века. В их числе можно отметить такие, как *демир ёл* 'железная дорога', *эсарет зынджыры* 'оковы рабства' и т. д.

Количество калек в лексическом составе крымскотатарского языка значительно увеличилось после появления периодических изданий на этом языке. (Первая газета на крымскотатарском языке «Терджиман» — «Переводчик» вышла 10 апреля 1883 года).

После окончательного установления Советской власти в Крыму (1920), когда начали формироваться новые общественно-политические и социально-экономические отношения, процесс калькирования с русского языка на крымскотатарский активизировался. Среди калек, появившихся в этот период, можно отметить такие, как *сиясий ярыкъландырув* 'политическое просвещение', *окъув эви* 'изба-читальня', *кызыл коше* 'красный уголок', *бала багъчасы* 'детский сад', *иш одасы* 'рабочая комната', *эски алына кетирюв* 'реставрация' и т. д. Примеры: *Койлюлер арасында сиясий ярыкъландырув иши окъув эвлери ве кызыл кошелер васитасы иле девам этдирилиюр* [4, 1925, № 6—7, с. 12] 'Политическое просвещение сельских жителей проводится через избы-читальни и красные уголки'. *Бала багъчалары ве къадынларнынъ эсареттен къуртылышы* [4, 1925, № 6—7, с. 35] 'Детские сады и освобождение женщин от рабства'.

То, что эти кальки в крымскотатарском языке появились именно в указанное время, подтверждается тем, что в тексте оригиналов тех лет рядом с калькой в скобках приводятся русские слова или словосочетания, с которых произведено калькирование. Так, например, в тексте

рядом с калькой *иш одасы* в скобках дается «рабочая комната», а после кальки *эски алына кетирюв* — «реставрация» [4, 1925, № 6—7, с. 78].

Как известно, структурные кальки представляют собой продукт книжного творчества; они появляются в основном при переводах. Однако не все новообразования усваиваются языком в равной степени. Большая часть калек русских слов и словосочетаний прочно вошла в лексический состав крымскотатарского языка и их трудно сейчас отделить от исконных слов и словосочетаний. Только этимологический анализ раскрывает историю их калькирования: *сарсылмаз* 'незыблемый', *тайпынмаз* 'непоколебимый', *эльчырма* 'рукоплескания', *косьтергиш* 'показатель' и др.

Вместе с тем в крымскотатарском языке встречаются и неудачные случаи калькирования. Так, в 20-х годах русское словосочетание «ликвидация неграмотности» в крымскотатарском языке передавалось сочетаниями *окъувсызлыкъны ёкъ этюв* и *окъувсызлыкъны битирюв* (букв. 'ликвидация неумения читать'). Пример: *Окъувсызлыкъны битирюв меркезлеринде язы огретюв* [4, 1927, № 1, с. 53] 'Обучение письму в центрах ликвидации неумения читать'. В настоящее время в крымскотатарском языке словосочетание «ликвидация неграмотности» передается эквивалентной калькой *джаилликни ёкъ этюв*.

Калькированное с русского языка слово *бузлаткъыч* 'холодильник' органически не вошло в лексический состав крымскотатарского языка. В настоящее время это понятие передается прямым заимствованием — *холодильник*.

Примеры неправильного калькирования с русского языка⁶: «ответственность» (*джевапкъарлыкъ*) 'месулиет' или 'месуллик', «проводить собрание» (*топлашув алып бармакъ*) 'топлашув кечирмек' или 'топлашув отъкермек', «выступить на собрании» (*топлашувда чыкъышта булунмакъ*) 'топлашувда сёзге чыкъмакъ', 'уделить внимание' (*дикъкъат айырмакъ*) 'дикъкъат этмек' или 'дикъкъат бермек', «отстранить от работы» (*иштен четлештирмек*) 'иштен чыкъармакъ' или 'иштен узакълаштырмакъ' и т. п.

Семантические кальки. В лексическом составе современного крымскотатарского языка имеется целый ряд слов, получивших под влиянием значений соответствующих слов русского языка дополнительную смысловую нагрузку. Такие слова в лингвистической литературе обычно именуются «семантическими кальками» или «семантическими заимствованиями».

При создании семантической кальки используется уже имеющееся в языке слово, но ему придается новое лексическое значение какого-либо слова другого языка. Следовательно, семантической калькой является исконное слово, приобретающее заимствованное, иноязычное значение⁷.

Примерами семантических калек с русского языка в крымскотатарском могут служить слова: *пытакъ* в значении «отрасль», *серги* в значении «выставка», *сайламакъ* в значении «избирать», *арыш* в значении «соревнование» и др.

Первоначально слово *пытакъ* употреблялось в значении «ветка» или «небольшой боковой отросток, побег дерева или кустарника»:

⁶ Примеры взяты нами из статьи: У. Куркчи. Тильнинъ озь ички васталары иш-ленильмели. (Рукопись). В скобках даются неточные кальки, используемые в современном крымскотатарском языке, а в верхних запятых приводятся правильные кальки.

⁷ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938, стр. 160; Н. М. Шанский. Русский язык. Лексика. Словообразование, стр. 45.

Акжэтайынларнынъ тёпе пытакъларында сараргъан ярпакълар тэжюлип битмезден эвель, кэарлы ягъмурлар башилады [1, с. 36] 'Еще не успели опасть пожелтевшие листья с верхних веток: берез, как начались дожди со снегом'.

С появлением многоотраслевых хозяйств слово *пытакъ* под влиянием русского слова «отрасль» приобрело новое, дополнительное значение, и в настоящее время оно употребляется как в своем основном значении «ветка», так и для обозначения «отдельной области деятельности, производства»: *Колхозджылар былтыр бу пытакътан пландаки 360 бинъ ерине 395 бинъ рубле келир эльде эттилер.* (Л. 6., 1976, № 149) 'В прошлом году колхозники получили от этой отрасли 395 тысяч рублей дохода, вместо 360 тысяч по плану'. Однако следует отметить, что сфера употребления слова *пытакъ* в значении «отрасль» ограничена. Так, в лексике, связанной с наукой и воспитанием, используется заимствованное из арабского языка слово *саа: Илим саасында япыладжакъ ишлер* 'Работы, которые предстоит сделать в области науки'. *А. Кэасымовгэ чокъ йыллыкъ оджалыкъ фаалиети эм де яш несильни тербиелев саасындаки буюк хызметлери ичюн «УзССРде нам кэазангъан оджа» укваны берильди* [3, 1977, № 105] 'За многолетнюю педагогическую деятельность и за большие заслуги в области воспитания молодого поколения А. Касымову присвоено звание заслуженного учителя УзССР'.

Крымскотатарское слово *серги* первоначально употреблялось в значении «беседка, покрытая виноградными лозами»: *Эвлер... багъча ве юзюм сергилери арасында ярашып туркмакъта* [1, с. 200] 'Дома утопают в зелени садов и беседок, обвитых виноградными лозами'. Потребность в создании эквивалента, соответствующего русскому слову «выставка», привела к расширению семантики крымскотатарского слова *серги*, которое наряду с прежним значением стало употребляться и для обозначения «собраний каких-либо предметов, расположенных где-нибудь для обозрения, а также места, где они собраны»: *К. Эминовнынъ ...ресими рессамларнынъ Бутюнсоюз сергисинде биринджи дереджелли дипломнен мукафатланды* [3, 1976, № 148] 'Картина К. Эминова ...на Всесоюзной выставке художников была отмечена дипломом первой степени'.

Крымскотатарский глагол *сайламакъ* 'отбирать', 'выделять', 'выбирать' под влиянием русского глагола «избирать» стал употребляться и в качестве общественно-политического термина для передачи понятия «избрание путем голосования депутатов, должностных лиц, членов организации»: *Энъ дюльбер бир гульни... гульдесте ичинден сайламакъ зор дегиль* [3, 1977, № 107] 'Из целого букета нетрудно выбрать один самый хороший цветок'. *Колхозджылар бу теклифни юректен алгъышлан, оны реис сайладылар* [1, с. 70] 'Колхозники от души приветствовали это предложение и избрали его председателем'.

Семантическое калькирование с русского языка на крымскотатарский обычно вызвано необходимостью создания отсутствующего эквивалентного слова в последнем для передачи соответствующего значения русского слова. Как правило, калькирование семантики оказывается возможным только в том случае, когда русское и соответствующее ему крымскотатарское слова имеют семантические точки соприкосновения, обладают близкими или одинаковыми прямыми номинативными значениями.

Однако калькирование семантики русских слов не приводит к возникновению в крымскотатарском языке совершенно новых слов, как это

имело место при структурном калькировании. Калькирование семантики ведет лишь к появлению новых значений у существующих в принимающем языке слов, а также к возникновению омонимов (*пытакъ, серги*).

Таким образом, структурное калькирование с русского языка является одним из путей обогащения лексического состава современного крымскотатарского литературного языка новыми словами и словосочетаниями. Структурные кальки по способу образования и по лексическому материалу ничем не отличаются от исконных слов, но по своему происхождению примыкают к заимствованиям. Тем самым структурные кальки занимают промежуточное положение между исконной и заимствованной лексикой.

Структурное калькирование способствует активизации словообразовательных элементов в крымскотатарском языке: активизируются словообразовательные аффиксы имен существительных: *-джы/-джи, -чы/-чи; -лыкъ/-лик*; имен прилагательных: *-лы/-ли, -сыз/-сиз*; глаголов: *-ла/-ле, -лаш/-леш, -лан/-лен* и др.

Семантическое калькирование является одним из видов развития значений крымскотатарских слов; оно ведет к образованию в крымскотатарских словах переносных значений, не вытекающих непосредственно из семантической системы этого языка; эти переносные значения находят соответствие только в семантической системе русского языка.

Структурное и семантическое калькирование с русского языка на крымскотатарский имеет свои особые закономерности, которые необходимо учитывать при переводе.

В настоящее время, при массовом двуязычии, калькирование с русского языка приобрело широкие масштабы не только в литературном, но и в разговорном языке, что отвечает насущным потребностям развития крымскотатарского языка на современном этапе, содействует дальнейшему сближению лексико-семантических структур русского и крымскотатарского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкез-Али Аметов. Ешил далгъалар (повести, рассказы, очерки). Тошкент, 1976.
2. «Къараманлар». Тошкент, 1973.
3. «Ленин байрагы» (газета).
4. «Окъув ишлери» (журнал).
5. Черкез-Али Аметов. Сабалар къучагында. Тошкент, 1973.
6. Абдулла Дерменджи. Сайлама эсерлер. Тошкент, 1975.
7. «Эдебият хрестоматиясы». Тошкент, 1971.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ИМЯ ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

В произведениях народного эпоса важное значение придается имени героя, ибо, по древним представлениям, личность человека и его имя были органически связаны. У ассирийцев и вавилонян «имя считалось частью материальной сущности человека и божества», что отразилось и в одном из древнейших образцов восточной эпики — эпосе «О все видавшем» (XXIII—XXII вв. до н. э.)¹. Для того чтобы подчеркнуть божественность происхождения древнеегипетских фараонов, к их именам прибавлялось и имя бога — их мифического отца или покровителя. У европейских народов имя человека зачастую отождествлялось с его душой. Эти воззрения восходят к древнейшим представлениям, согласно которым имя человека связано с его душой. Чем больше человек имел имен, тем дольше он мог сохраниться в памяти потомков. В вавилонской поэме о сотворении мира «Когда вверху» (XVI век до н. э.) перечисляется «всего» пятьдесят имен бога Мардука, тогда как их было гораздо больше. Столь же большое количество имен было и у другого бога Вавилонии — Эйа. В «Старшей Эдде» перечисляется пятьдесят четыре имени бога ярлов Одина. Мусульманский аллах имел сто имен².

Поэтому акт наречения именем в древности являлся одним из важнейших событий в жизни человека, приравнивался по своему значению к его рождению. В памятниках древнетюркской письменности и более поздних эпических сказаниях тюркских народов сохранились отголоски обрядов и обычаев, связанных с именем эпического героя. В «Большой надписи памятника Кюль-тегину» сообщается: «В десять лет на радость моей матери — катун, подобной (богине) Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-тегин»³. Аналогичное отношение к имени отмечается и в эпитафиях, в частности в «Памятнике с р. Барлык»: «Я снискал свое геройское, мужественное имя. Из-за своей доблести (геройства) я сам Йигин-Алп-Туран»⁴. В некоторых случаях в памятниках говорится об изменении имени героя в связи с его героическими деяниями, например в «Памятнике из Кежилиг-хобу»: «Мое детское (букв.: мальчика) имя — Шубуш... мое имя Кюмюль-огя»⁵. Далее из текста выясняется, что мальчик получил свое настоящее имя после того, как послужил государству.

В памятниках древнетюркской письменности нет сведений о том, за что конкретно получил человек свое новое имя; лишь подчеркивается, что оно геройское. Можно предположить, что в отмеченных случаях сохранились отголоски древних обрядов посвящения. Именно к такому выводу приводит сопоставление указанных памятников с более поздними образцами народного эпоса, например с соответствующими героиче-

скими песнями огузов. В «Песне о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры» подробно рассказывается о том, как сын Бай-Буры-бека в пятнадцать лет совершил ряд подвигов, за что Коркут-ата нарек его именем Бамси-Бейрек, то есть «владелец серого жеребца»⁶.

В древности в обществе, сохранившем особенности родового строя, двумя именами — обычным и тайным — нарекались, видимо, все взрослые без исключения, поскольку обряды посвящения относились ко всем. По мере развития общества, его классового расслоения, появления единовластия этой привилегией стали пользоваться лишь определенные группы людей. Впоследствии в сознании народа это право было закреплено за эпическими героями, воплощающими в себе силу всего племени, народа. Сообщения о наличии у героя двух имен — обычного и богатырского — уходят в далекое прошлое. «Имя настоящего Манаса вплоть до столкновения с калмыками скрывают, называя его Чон-Джинди»⁷. Хотя в тексте сказания говорится, что Манас получил свое богатырское имя сразу же после рождения⁸, в нем имеются следующие строки:

*Манас Манас болгондо,
Манас атка конгондо...*

*‘Когда Манас стал Манасом,
Когда Манас сел на коня...’⁹*

П. Фалев справедливо считает, что этот перевод не передает точного смысла фразы, что эти строки должны переводиться: «Когда Манас стал называться Манасом»¹⁰. В последнем случае получение богатырского имени связывается с достижением героем зрелого возраста, когда он для свершения подвигов «сел на коня». Обычай получения нового, богатырского, имени нашел отражение и в целом ряде других тюркских сказаний, например в классическом образце народного эпоса — узбекском «Алпамыше»: Хаким — Алпамыш¹¹.

На наш взгляд, не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что в тюркском эпосе почти нет собственных имен, или не имеющих отношения к обрядам и обычаям, первобытным или более поздним верованиям, к истории и этнографии народа. В иных случаях имя героя достаточно прозрачно и не требует особых разъяснений, как, например, имя Ер Таргына из одноименного сказания¹². К такому же типу имен относятся и имена других богатырей казахского эпоса: Ер Кокше, Ер Косай, Ер Когис, Ер Алау. Во всех этих именах подчеркивается лишь одна, но доминирующая черта личности главного героя — его богатырство.

Слово *ер* — *är* часто встречается в произведениях древнетюркской письменности. Уже в давние исторические эпохи оно связывалось с представлением о богатырстве и геройстве, хотя и сохраняло ясно выраженную тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько просто мужчину, чаще всего — воина. И такое, например, выражение из «Памятника с р. Кемчик-Джиргак»: «Äр атым jоla», переведенное С. Е. Маловым «Мое геройское имя Йола»¹³, может быть переведено также и так «Мое мужское имя Йола». В древнетюркских памятниках нередко сохраняется противопоставление имени, данному мальчику в детстве, его новому имени, полученному им по достижении определенного возраста или после совершения богатырских подвигов. Известно, что «у многих народов, далеких один от другого — имена возрастные»¹⁴. Существовал такой обычай и в древнетюркском обществе, о чем пишет Л. Н. Гумилев: «Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей — чин, мужем — титул, а если это был хан — то титул менялся согласно удельно-лествиной системе»¹⁵. Если бы слово

är — *ep* обозначало только богатыря, героя, то в древнетюркском языке не потребовались бы тавтологические выражения типа *alp är* в «Памятнике в честь Кюль-тегина»: *alp är biziña tağmıñ ärti* 'мужественные люди (воины) на нас напали', или в «Памятнике в честь Тоньюкука» в сочетании *şaγany alp armis* 'каган его — герой'¹⁶. Очевидно, в связи с этим в «Словаре» своей книги, изданной в 1951 году, слово *är* С. Е. Малов переводит как «муж, мужчина», а в «Указателе» книги (1952) дает уже несколько иной перевод: *ep* — 'муж, герой'¹⁷. Следует также отметить, что слово *är* — *ep* в древнетюркских памятниках ни разу не употребляется в составе собственных имен, в отличие от слова *alp* — *алп* (см. ниже). Впоследствии, однако, слово *ep* приобретает то значение, в котором употребляется в героических сказаниях казахского (в основном), киргизского, якутского и некоторых других народов.

Так же просты и понятны имена с другим определением богатырства — *батыр*: Карадон-батыр, Ак Жонас-батыр, Жанбырши-батыр и др. По мнению В. М. Жирмунского, имена многих героев ногайского цикла казахского эпоса являются историческими. Прибавление же к ним эпических определений *ep* и *батыр* связано с давними, по крайней мере — с доногайскими, традициями казахского, шире — тюркского и тюрко-монгольского эпоса. Как определение богатырства слово *батур* употребляется во «Втором памятнике с Алтын-келя» в выражении: *ärdämiğ (ардамліг?) батур мән* 'я герой с доблестями (?)'¹⁸.

С данной точки зрения показательны имя героя сказания «Шора-батыр», национальные версии которого имеются в фольклоре ряда тюркоязычных народов. Известно, что среди казанских вельмож первой половины XVI века был активный деятель московской ориентации Чура Нарыков, о котором написано в известной «Казанской истории»¹⁹. В 1547 году Чура Нарыков был казнен казанским ханом Сафа-Гиреем. В фольклоре казанских татар образ Чуры воспроизводится в баите «История Казани». В казахском же эпосе Чура (или Шора) по традиции считается ногайцем, хотя этимологически его имя, по-видимому, связано с именем реального исторического лица. М. Ауэзов отмечал, что одной из тем героических сказаний казахского народа является «покорение Казани Иоанном Грозным (былина о Шоре Нарокове или о Кобландах)»²⁰.

К именам подобного типа относятся и богатырские имена, в состав которых входит определение *мэргэн—бэргэн—мирзэн* 'меткий, меткий стрелок, мудрый'. Оно распространено во многих тюрко-монгольских языках, соответственно — и в народном эпосе. Сказания и сказки, имена героев которых включают эти определения, бытуют на всей территории расселения тюрко-монгольских народов — в Якутии, Южной Сибири, на Алтае, в Средней Азии, Казахстане, Южном Приуралье и Среднем Поволжье. В данном случае имеются в виду имена, составленные по схеме: к нейтральному имени героя прибавляется слово, определяющее одно из его главных качеств. Основываясь на этом, И. В. Пухов писал об общности древних истоков эпоса многих тюрко-монгольских народов²¹.

Значение имени тюркского богатыря *Алпамыша* в различных национальных версиях сказания в сущности одинаково. Незначительным изменениям подверглось лишь его звучание: узбекское — *Алпомиш*, казахское — *Алпамыс*, таджикское — *Альпамыш*, татарское — *Алпамша*, башкирское — *Алпамыша*. Как видим, во всех случаях имя героя начинается с общетюркского *алып* — *алп* 'богатырь'. Впервые это слово было зафиксировано в памятниках древнетюркской письменности — в составе имени Йигин-Алп-Туран и богатыря Ынанчу алп²². В отличие от *ep* — *är*, оно имеет вполне определенное эпическое значение и подчер-

кивает богатырскую мощь и мужество. Поэтому на русский язык оно переводится — «смелый, герой»²³. По мнению И. В. Стеблевой, «тексты надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, возможно, являлись литературной трансформацией песен и героических сказаний, складывавшихся вокруг этих героев»²⁴. Если это так, то можно сказать, что с эпохи тюркских каганатов — тюркской эпической общности — и начинается общетюркское определение эпического богатыря словом *алп*, получившим распространение в фольклоре практически всех тюркских народов.

Иногда в именах героев эпоса подчеркивается царственность их происхождения. Нередко встречаются в тюркском эпосе имена Ак-кана (хана) и Кара-хана. Герой алтайского «Алып-Манаша» воюет против жестокого Ак-кана. Таким же жестоким выступает Ак-хан и в тувинском героическом сказании «Меге Шагаан-Тоолай». Это же имя носят отцы героев в двух национальных версиях одного и того же сказания «Кезюйке и Баян» и «Кузы-Курпач и Баян-сылу»²⁵.

Несколько шире распространено имя *Карахан*. В названных сказаниях его носит отец героини. Так именуется и дед Манаса в двух вариантах сказания; отец Каныкей в орозбаковском варианте, или отец Ханкен, к которой сватается Манас в отрывке, записанном Ч. Ч. Валихановым; бухарский хан в варианте Каралаева того же сказания; отец Огуз-хана у Рашидаддина и Абулгази-хана; старший брат Алпамыша в таджикской версии сказания и т. д.²⁶ Во всех этих случаях имеется в виду не столько ханский титул, сколько имеющий символическое значение для тюркского фольклора смысл обозначений *ак* и *кара*²⁷. Именно этим можно объяснить, что одно из этих слов может входить в состав не только мужского, но и женского имени. Дочь калмыцкого хана в казахском сказании «Орак и Мамай» носит имя Карахан-сылу²⁸ по аналогии с именем Ханэкэ-султан из татарского байта²⁹. Следует, однако, отметить, что именами Ак-хан и Кара-хан никогда не нарекаются главные герои тюрко-монгольского эпоса, хотя иногда к их именам и прибавляется слово *хан*. Из сорока имен героев казахского эпоса, приведенных В. М. Жирмунским, оно входит в состав лишь двух — Муса-хан и Нарык-хан. Последний — отец Шора-батыра (Чуры Нарыковича по русским источникам) в действительности никогда не был ханом.

Во многих эпических произведениях рассказывается о том, как их главный герой становится ханом: Манас, Алпамыш, Қобланды и др. Однако в эпосе воспевались не средневековые феодальные правители, а народные вожди. Хотя эпические герои и наделялись ханским титулом, но воспевались они не как ханы, а как бесстрашные богатыри. Поэтому в состав имен этих героев гораздо чаще включались слова, подчеркивавшие их мужество, богатырские качества: *алп*, *ер*, *батыр*.

В собственных именах героев тюркского эпоса редко отражается их божественное происхождение, хотя во многих произведениях повествуется о том, как бог (кодай, ходай) или аллах, а чаще — пророки и святые даруют детей бездетным супругам. В орхоно-енисейских литературных памятниках, перекликающихся с произведениями литературы Древнего Египта, Ассирии, Вавилонии, неизменно подчеркивается божественность происхождения власти кагана. Тексты указывают на то, что «каган является фигурой самого высокого ранга, лицом божественного происхождения»³⁰. В «Малой надписи памятника Кюль-тегину» сообщается: «Небоподобный, неборожденный, тюркский, мудрый каган, я ныне сел (на царство)»³¹. В «Онгинском памятнике» неоднократно говорится о «Божественном Бильге-кагане»³². В самих именах, однако,

нет ничего божественного, они указывают лишь на титулы и власть. Для выявления признаков «божественности» в самом имени героя требуются дополнительные разыскания. Ибо древние представления обычно оказываются «завуалированными толстым слоем» отложенных более поздних исторических эпох. С этой точки зрения показательны слова П. Н. Беркова об одном из героев алтайского богатырского эпоса: «По „Алып-Манашу“ Кюмюжек-Ару — дочь Кыргыз-кана. Комментаратор переводит это имя „киргизский хан“. Однако необходимо учесть, что у алтайцев существовало божество, называвшееся Кыргыз-каан³³, а у кызыльцев божок — „түсь“, наименование которого было „кыргыз-түсь“. Таким образом, при общем мифологическом характере „Алып-Манаша“ можно без особой натяжки предположить, что Кюмюжек-Ару является в эпосе дочерью не киргизского хана, а божества Кыргыз-каана»³⁴.

Может быть указана божественность имени Ер Саин из казахского героического эпоса, приводимое в форме «отмеченный богом Саин»³⁵. От его прикосновения девяти столетним старухам возвращалась их молодость, а от его взгляда все вокруг расцветало. Имя Ир-Саин (Ирин-Саин) широко распространено в произведениях тюрко-монгольского фольклора, о чем в свое время писал еще Г. Н. Потанин³⁶. Именно это имя присвоил себе Бату Саин — родоначальник ханов Золотой Орды, стараясь тем самым подчеркнуть божественность происхождения не только своей власти, но и своего имени³⁷. При этом хан исходил из глубоких народных традиций, учитывая распространенные в тюрко-монгольской среде легенды и сказания, где Ирин-Саин изображался как божественный шаман и сын неба³⁸. В качестве примера можно сослаться еще на тувинское богатырское сказание «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей», героиня которого побеждает всех своих врагов потому, что ей постоянно помогают хозяева двух гор — гении-хранители родных мест Саин-Улааты³⁹.

На первый взгляд, нет ничего божественного в имени Камбар-батыр из одноименного казахского героического сказания⁴⁰. В казахском героическом эпосе «Кобланды-батыр» приводятся слова матери богатыря, напутствующей сына перед опасным сражением:

*Аланың досты Мухамбет
Тек тапсырдым қолыңа.
Көл иесі, Камбар-ай,
Шөл иесі, Камбар-ай.
Қамбар, өзің қолдасаң
Қолдамайтын кім бар-ай?*

‘Друг аллаха Мухамбет,
Препоручаю лишь тебе одному!
О Камбар, владыка озер!
О Камбар, владыка пустынь!
О Камбар, если не заступишься ты—
Кто же заступится тогда?’⁴¹

Здесь имя Камбара поставлено рядом с именем мусульманского пророка Мухаммеда. В среднеазиатском фольклоре «Камбар — древнее божество, связанное с культом воды, существовавшим в Туркестане. Он же — покровитель скота»⁴². Это имя древнего божества в дальнейшем отрывается от своей мифологической основы и начинает бытовать в качестве имени эпического героя.

На божественность происхождения своего имени и своей власти претендовал не только названный выше Бату Саин, но еще раньше его дед — Чингисхан. Монгольская хроника 1240 года «Сокровенное сказание» сообщает о рождении последнего: «Предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по соизволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал»⁴³. В переводе с монгольского Буртэ-чино — «серый волк», Гоа-Марал⁴⁴ — «прекрасная лань»⁴⁵. Поскольку легенда называет предками Чингиса «серого волка» и «прекрасную лань», можно пола-

гать, что в данном случае в ней нашли отражение древние верования о происхождении героя от тотемных животных. Легенда эта, очевидно, тюркского происхождения и первоначально была связана с именем основателя династии «некогда могущественного рода Ашина»⁴⁶. Этот род с VI по IX век, то есть на протяжении 350 лет, правил многими тюркскими державами. Тюркские версии этой легенды были зафиксированы задолго до создания «Сокровенного сказания»⁴⁷. В связи с тем, что происхождение от волка и лани было недостаточно почетно для великого хана, его имя позже связывалось с именем древнего бога, о чем Г. Н. Потанин писал: «Под именем Чингис-хана или Чингис-кэзэр-кайракана был задолго до XIII века, т. е. до времени Чингис-хана, известен бог, которому приписывалось сотворение мира, и только впоследствии имя бога и сказания о нем были связаны с завоевателем»⁴⁸.

В тюркоязычной среде легенды о рождении хана получили несколько иное развитие без отголосков тотемизма. Казахская легенда повествует о рождении хана от солнечных лучей и непорочной девицы, откуда якобы и пошло его имя. Девица забеременела от лучей солнца, «потом от нее родился ребенок Чин-кыз-хан («Шын-кыз-кан»), т. е. рожденный от истинной (непорочной) девицы: Чин («шын»), значит «истинный», кыз — «девица». Он потом сделался ханом...»⁴⁹.

Отголоски этой легенды проникли и в киргизскую эпопею «Манас», где рассказывается о рождении ближайшего соратника Манаса — Алмамбета от святого луча⁵⁰.

В редких случаях в именах главных героев сказания сохраняются отголоски древних сказочно-мифологических представлений, что связано обычно с приключениями героя в ином — подводном или подземном — мире. В казахской народной сказке «Ер Тостик» в имени героя нашло отражение его чудесное рождение⁵¹. Имея в виду татарскую версию этого произведения, В. В. Радлов писал: «У тобольских татар... главный герой называется Йир Тюшлюк (подземный герой) и получил это прозвание за походы свои в подземном царстве»⁵².

Встречаются в тюркском эпосе и имена, так или иначе связанные с древними тотемистическими представлениями. Присвоение членам рода наименования тотемного животного было распространено достаточно широко, что не могло не отразиться в фольклоре. Позже этим правом стала пользоваться только знать. Исследования этнографов показывают, что туркменские ханы XI—XVIII веков, например, «чаще носили имена хищных зверей и птиц, бывших в свое время тотемами»⁵³. Об этом же свидетельствуют и легенды о происхождении рода Ашина, чье имя в переводе на русский язык значит «благородный волк». Имя Борабек зафиксировано и в «Большой надписи памятника Кюль-тегину», и во «Втором памятнике с Чакуля»⁵⁴. Вообще имена, так или иначе связанные с отголосками тотемизма, были широко распространены у тюркоязычных народностей в V—VIII веках. Верховным ханом тюркютов в VI веке был Арслан («звериное имя» Тобо-хана, греческое — Ар — сила). Зафиксировано у ханов тюркютов и имя Бури-хан, а в VII веке — имя принца крови — Бури-шад⁵⁵. Поскольку тюркютские и тюркские ханы, согласно упомянутой легенде, происходили из рода Ашина, это имя многократно повторяется в истории тюркютов и тюрков. Обозначение волка дважды повторяется в одном и том же имени Ашины-Шэни. На основе этих фактов Л. Н. Гумилев пишет: «Название „волк“ имело для тюрков VI в. огромное значение. Китайские авторы считают понятия „тюркский хан“ и „волк“ синонимами, видимо, опираясь на воззрения самих тюркских ханов... Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах»⁵⁶.

Все эти особенности тюркских имен отразились и в народном эпосе. Большой интерес с этой точки зрения представляет имя Кобланды-батыр в одноименном казахском героическом эпосе. В оригинале одного из вариантов эпоса есть слова *Қобландыдай ұл туды* 'Родился сын, имя его Кобланды'⁵⁷. Однако в оригинале речь идет не об имени богатыря — герой только сравнивается с Кобланды: «Родился сын, как Кобланды». Получается, что герой сравнивается сам с собой. Объяснить это кажущееся противоречие позволяет более глубокий анализ фразы оригинала. Можно предположить, что новорожденный богатырь сравнивается с кобланом (*каблан* — леопард), так же как, впрочем, и Манас. Морфема *ды* является, видимо, поздним наращением, благодаря которому стих становится более благозвучным. Первоначально в произведении — в приведенном предложении было, вероятно, не «Кобландыдай», а «Кабыландай», то есть «как леопард». Форма же «Кобландыдай» является производной от «Кобланды» — имени героя, уже хорошо известного в народе. Такое предположение, на наш взгляд, не противоречит закономерностям казахского языка и эпическим традициям тюркских народов. Слово *каблан*, *коплан*, *коплон*, *гаплаң* во всех тюркских языках обозначает леопарда и в народном языке чаще всего употребляется как постоянный эпитет эпического богатыря⁵⁸. Предположение о непосредственной связи имени героя казахского эпоса с леопардом легко доказывается текстом произведения, в котором богатырь часто называется — *Коблан* — без морфемы *ды*. Вариант сказания, записанный от Е. Т. Аманжолова, называется не «Кобланды-батыр», а «Коблан»⁵⁹. Все эти данные свидетельствуют, что в имени героя сохранились следы тотемистических представлений.

Сложным и до сих пор нерешенным остается вопрос о происхождении и значении имени «Манас», хотя в последние десять—пятнадцать лет появился целый ряд исследований киргизских ученых, посвященных эпосу⁶⁰.

Ни один из исследователей не отрицал и не отрицает древности возникновения эпоса «Манас». Однако в отношении его датировки мнения расходятся. В. М. Жирмунский писал, что древнейший пласт эпоса относится к VI—XIV векам. К этому пласту восходят образы Манаса, Джолоя и Сайкал, Коджоджаша, Тештюка и немногих других⁶¹.

Вопрос о божественном происхождении имени «Манас» тщательно исследовал М. Ауэзов. Он писал: «Лингвистически имя Манас должно означать либо наименование божества из пантеона шаманства, либо, что вернее, оно связано с манихейством, широко распространенным в ту пору в Средней Азии. Может быть, настоящее имя прославленного героя тех времен было иное, а позже, он, благодаря своим доблестям, был прозван именем божества — Манасом»⁶². Не отрицал возможности отождествления Манаса с древним божеством и П. Н. Берков. Можно добавить, что имеются и некоторые другие данные, доказывающие божественное происхождение имени «Манас». Об ассирийском эпосе Эрры «Царь всех обиталищ» (конец II тысячелетия до н. э.) В. Афанасьева пишет: «Эпос об Эрре привиделся во сне Кабтилани-Мардуку (что означает: „Мардук — почтеннейший из богов“), который, восстав ото сна, записал все, что ему приснилось, „не упустив ни единого слова“»⁶³. Подобные легенды позже проникнут в книги христианские (призвание пророка Исаяи), мусульманские (призвание пророка Мухаммеда), получают широкое распространение в фольклоре Востока и Запада. В книге пророка Исаяи рассказывается о том, что он однажды услышал голос господина, «говорящего: кого мне послать? и кто пойдет для нас? и я сказал: вот я, пошли меня. И сказал он: пойдешь и скажи этому наро-

ду: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите»⁶⁴. После чего пророк Исайя стал проповедником слова божьего.

Более сложно содержание легенд о призвании Мухаммеда. Во сне к Мухаммеду явился ангел и потребовал, чтобы он «возглашал» слово аллаха. Когда он увидел ангела в третий раз, то испугался, пришел домой и, закутавшись, лег. «И ниспослал тогда аллах:

„О ты, закутанный,
Встань и увещевай,
Господа твоего величай,
Одежду свою очищай,
Греху избегай” (Коран. Сура 74, 1—5).

После этого откровения последовали друг за другом без перерыва»⁶⁵.

В легендах о призвании Мухаммеда обращает на себя внимание то, что ангел насильно заставляет его стать пророком и проповедовать слово аллаха. Они перекликаются с легендами о призвании Моисея, Иеремии, Иезекиля, Ионы и генетически восходят к первобытному шаманизму, ибо «пророчество явилось на смену шаманству»⁶⁶. Последнее подтверждается многочисленными данными. Например, у целого ряда племен Малайзии и Индонезии существует поверье, что шаманом становится лишь тот, кому приснилось его будущее шаманство⁶⁷, кого духи заставляют стать шаманом. Б. Н. Басилов приводит интересный рассказ о среднеазиатской женщине-шаманке: «Не по своей воле избрала она эту необычную профессию. Духи сами явились к ней и повелели стать шаманкой. Она сопротивлялась, плакала, умоляла духов оставить ее в покое, но пари наслали тяжелую болезнь и сломили ее упорство. Лишь пройдя обряд шаманского посвящения и став „бакши”, она выздоровела»⁶⁸.

Важным во всех этих легендах является то, что Исайю или Мухаммеда «призывает» сам христианский бог или мусульманский аллах, так же как шаманов — духи. В истории создания и распространения киргизской эпопеи ту же роль играет ее главный герой — Манас. О первом известном манасчи Кельдибеке «рассказывают, будто начало его сказительской деятельности связано с явлением ему Манаса. Существует легенда о том, что Кельдибек в 17—18-летнем возрасте видел во сне Манаса и его соратников, которые потребовали, чтобы он пел „Манаса”»⁶⁹. Такая же легенда существует и о другом знаменитом манасчи — Балыке. «Как передавал сам Балык, по пути в Наманган он остановился ночевать у мавзолея Манаса и здесь ему приснился Манас со своими соратниками, который велел ему петь о нем»⁷⁰. Начало своей деятельности манасчи Сагымбай Орозбаков и Саякбай Каралаев тоже связывают с вещими сновидениями. Сказанное относится и ко всем другим более или менее значительным манасчи.

С течением времени исполнение «Манаса» приобретает «божественное» значение. Неоднократно приводилась легенда о том, что, «когда Кельдибек пел, дрожала юрта, в которой он сидел; силой своего пения он потрясал стихии, на аул неожиданно налетал ураган, неведомые всадники, от топота их коней содрогалась земля»⁷¹. Не менее поэтична другая легенда, приводимая С. Мусаевым: «По преданиям сила поэтического и музыкального таланта Токтогула была такова, что когда он пел и играл на комузе, все живое замирало, его слушали горы и скалы;

птицы прилетали и садились на колок комуза, на котором играл Токтогул, чтобы послушать его мелодии»⁷².

В других легендах герой эпосов как бы выступает в роли самих пророков и святых, при содействии которых в тюркской эпической традиции бездетные старик и старуха вымаливают себе детей. В одной из легенд рассказывается, что «манап Осмон из рода Эсенкул, пригласил Кельдибека исполнить „Манас“, после чего жена Осмона якобы забеременела и родила сына»⁷³.

Популярность эпосов «Манас» и имени ее главного героя в киргизском народе — явление уникальное во всей истории мирового эпоса. С. Мусаев пишет: «Киргизы ставят Манаса выше всех известных им культов, связывая имя и деятельность его со всем необычным и особенным. До недавнего прошлого у киргизов существовал обычай: новорожденный нарекался любым именем, не исключая и имен святых и пророков, но ни один киргиз не назвал сына своего Манасом. Манас был настолько чтим, что считалось кощунством называть еще кого-то его именем»⁷⁴.

В имени героя эпоса сохранились отголоски тотемизма. Сразу же после рождения Манаса его нарекают прозвищем *кабылан* 'леопард', *жолборс* 'тигр'. Далее к этим определениям прибавляются *арслан* 'лев', *сырттан* 'гиена', *көкжал* 'сизогриный волк'⁷⁵. Отмечая это, В. М. Жирмунский писал: «Название героя из сравнения часто превращается в прозвище, вытесняющее его собственное имя»⁷⁶. То есть в эпосе происходит то же самое, что и в казахском «Кобланды-батыре».

В процессе развития эпосов имя Манаса как бы входит в ряд имен героев древнетюркского эпоса. В его составе появляется древнетюркское *алп*: «Куда бы он не выехал, всюду открыты ему дороги. Виден в нем характер великана Алпа!»⁷⁷.

При определении значения имени Манаса обычно привлекается алтайский «Алып-Манаш», в действиях и имени героя которого немало общего, типологически близкого к деяниям героя киргизской эпосов. Приводя отрывок из «Манаса», где описывается богатырь, и сопоставляя его с алтайским эпосом, П. Н. Берков писал: «Нет сомнения, что перед нами рудимент прежнего позднемифического представления об Алпе-Манасе — Алып-Манаше»⁷⁸. Формирование «Алып-Манаша» — алтайской версии сказания об Алпамыше, В. М. Жирмунский относил к VI—VIII векам, то есть к тому же историческому периоду, в который формировалось первоначальное ядро «Манаса». Ученый отмечал совпадение имен Алып-Манаша и Манаса и тот факт, что в течение веков эти два произведения бытовали в непосредственном соседстве.

Наиболее поздним наращением к имени Манаса является, вероятно, типичное для древнего и средневекового тюркского эпоса определение *эр* в форме *Эр Манас* по типу киргизского *Эр Тештюк*⁷⁹ или казахских *Ер Саин*, *Ер Таргын*. Иногда имя киргизского богатыря употребляется как *эр Манас* и на русский язык переводится как «герой Манас». Но, как показывает история публикации сказаний «Эр Тештюк», «Ер Саин», «Ер Таргын» и других, такое написание и такой перевод имени героя киргизской эпосов основаны на не совсем верном истолковании имен героев тюркского эпоса. Слово *эр*—*ер* может стоять отдельно как определение лишь в обычных собственных именах, но не в именах героев народного эпоса. Слово *эр*—*ер* превратилось в неотъемлемую составную часть имени эпического героя так же, как слово *Алп*—*Алып*, которое может употребляться и как обозначение сильного человека, великана, исполина⁸⁰, и как составная часть имен эпических богатырей: Алып-Манаш, Алпамыш, Алпамыс. В этом случае слово *Алп*—*Алып* не может

быть переведено ни на какой другой язык. Непереводимы и эпические имена Ер Сани, Эр Тештук, Эр Манас.

Таким образом, в именах героев тюркского эпоса отражаются прежде всего и наиболее полно их богатейство (*алп, эр-ер, батыр*), царственность или божественность происхождения их имен, ясно выраженные отголоски тотемизма и, наконец, представления о сказочно-мифологическом герое, о его приключениях в ином — подводном или подземном — мире. Это явление восходит к первобытным обрядам инициации. И лишь в редких случаях образ и имя эпического героя сохраняют в себе отголоски всех названных особенностей имен героев тюркского эпоса. Последнее, например, наблюдается в имени героя монументальной эпопеи киргизского народа «Манас».

¹ «Я открою тебе сокровенное слово». Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1981, стр. 304, 123.

² Там же, стр. 288—289; Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 109; «Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах». М., 1975, стр. 214—215; А. Массэ. Ислам. Очерк истории. М., 1982, стр. 84.

³ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965, стр. 117.

⁴ Там же, стр. 137.

⁵ Там же, стр. 140.

⁶ «Книга моего деда Коркута», М.—Л., 1962, стр. 33—34.

⁷ К. А. Рахматуллин. Творчество манасчи.—«Манас» — героический эпос киргизского народа», Фрунзе, 1968, стр. 119.

⁸ «Манас». I китеп. Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча. Фрунзе, 1979, стр. 87.

⁹ П. Фалев. Как строится кара-киргизская былина. — «Манас» — героический эпос киргизского народа», стр. 50—51.

¹⁰ Там же, стр. 51.

¹¹ «Узбек халк ижоди». Куп томлик. Т. 19. Алпомиш. Айтувчи: Фозил Йулдош угли. Тошкент, 1979, стр. 9.

¹² «Қазақ эпосы», 2 кітап. «Ер Тарғын». Алматы, 1957.

¹³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 73—74.

¹⁴ В. А. Новиков. Личное имя — социальный знак. — «Глазами этнографов» М., 1982, стр. 38.

¹⁵ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 90.

¹⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 32, 41, 61, 65.

¹⁷ Там же, стр. 365; С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 103.

¹⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 56.

¹⁹ «Казанская история», М.—Л., 1954, стр. 80—81.

²⁰ М. Ауэзов. Казахский эпос и дореволюционный фольклор. — «Песни степей». Антология казахской литературы. М., 1940, стр. 11.

²¹ И. В. Пухов. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия. — «Типология народного эпоса», М., 1975, стр. 19.

²² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 21, 57.

²³ И. В. Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976, стр. 12, 16, 30, 176, 178, 186.

²⁴ Там же, стр. 95.

²⁵ Н. У. Улагашев. Алтай-Бучай. Новосибирск, 1941, стр. 72—126, 241—288; Л. В. Гребнев. Тувинский героический эпос. М., 1960, стр. 9; Л. В. Дмитриева. Язык барабинских татар. Л., 1981, стр. 33—48.

²⁶ «Манас». I китеп, стр. 15; В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть V. СПб., 1885, стр. 1—368; «Манас». II китеп. Фрунзе, 1980, стр. 345; «Манас». III китеп. Фрунзе, 1981, стр. 201—202; «Сочинения Ч. Ч. Валиханова». — «Записки Императорского Русского Географического общества». Т. XXIX. СПб., 1904, стр. 208—222; В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 30, 40; В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 132.

²⁷ А. Н. Кононов. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — «Тюркологический сборник. 1975», М., 1978, стр. 159—179.

²⁸ В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 403—404.

²⁹ Ф. Урманчеев. Халык авазы. Казан, 1974, стр. 21—25.

³⁰ И. В. Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы, стр. 85.

- 31 И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков, стр. 107.
- 32 Там же, стр. 136.
- 33 А. В. Андрианов. Путешествие члена-корреспондента А. В. Андрианова в Кузнецкий край. — «Известия Русского Географического общества». СПб., Т. 17, вып. 4. 1881, стр. 44, 46.
- 34 П. Н. Берков. Алтайский эпос и «Манас». — «Киргизский героический эпос „Манас“», М., 1961, стр. 250.
- 35 «Песни степей», стр. 35.
- 36 Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 720.
- 37 «Сказание о зачатии царства Казанского, изданное Н. Ф. Катановым». Казань, 1902 (см. таблицу).
- 38 Г. Н. Потанин. Указ. раб., стр. 377—379.
- 39 Л. В. Гребнев. Указ. раб., стр. 21, 25.
- 40 «Қазақ эпосы», 1 кітел. «Қамбар батыр», Алматы, 1957.
- 41 «Кобланды-батыр». Казахский героический эпос. М., 1975, стр. 101, 260. Последние два стиха правильнее было бы перевести: «Камбар, если заступишься ты (сам), Кто же (смеет) не заступиться!». Ср.: «Қазақ эпосы», 4 кітап. «Кобланды-батыр». Алматы, 1957, стр. 46.
- 42 «Кобланды-батыр», стр. 439. О культе Камбара см.: Е. В. Антонова, Л. А. Чвырь. Таджикские весенние игры и обряды и индоиранская мифология. — «Фольклор и историческая этнография». М., 1983, стр. 22—42.
- 43 С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. М.—Л., 1941, стр. 79.
- 44 Так у И. Н. Березина.
- 45 И. Н. Березин. Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. История Чингисхана до восшествия его на престол. — «Труды Восточного отделения Императорского Археологического Общества». Часть XIII. СПб., 1868, стр. 148.
- 46 С. А. Плетнева. Хазары. М., 1976, стр. 22.
- 47 Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., 1950, стр. 214—215, 220—221.
- 48 Г. Н. Потанин. Указ. раб., стр. 374.
- 49 «Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина», Алма-Ата, 1972, стр. 66.
- 50 К. А. Рахматуллин. Указ. раб., стр. 125—126.
- 51 «Қазақ ертегілері», I том, Алматы, 1957, стр. 3—41.
- 52 В. В. Радлов. Образцы... ч. I, стр. XIV.
- 53 В. А. Новиков. Указ. раб., стр. 34.
- 54 И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков, стр. 115; С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 37.
- 55 Л. Н. Гумилев. Указ. раб., стр. 58, 195.
- 56 Там же, стр. 23.
- 57 «Кобланды-батыр», стр. 402.
- 58 «Русско-казахский словарь», М., 1954, стр. 313; «Русско-татарский словарь», Казань, 1971, стр. 297; «Русско-узбекский словарь», М., 1954, стр. 333; «Киргизско-русский словарь», М., 1965, стр. 311; «Каракалпакско-русский словарь», М., 1958, стр. 348.
- 59 «Кобланды-батыр», стр. 66, 70, 81, 94, 102, 104, 408—412.
- 60 З. Мамытбеков, Э. Абдылбаев. «Манас» эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери. Фрунзе, 1966; М. Мамыров. Саякбай Каралаевдин «Манас» эпосунун идеялык-көркөмдүк өзгөчөлүгү. Фрунзе, 1962; С. Бегалиев. О поэтике эпоса «Манас». Фрунзе, 1968; Самар Мусаев. Эпос «Манас». Фрунзе, 1979; Э. Абдылбаев. «Манас» эпосунун тарыхый өнүгүшүнүн негизги этаптары. Фрунзе, 1981.
- 61 В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас». — «Киргизский героический эпос „Манас“», стр. 166.
- 62 М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас». — «Киргизский героический эпос „Манас“», стр. 52.
- 63 «Я открою тебе сокровенное слово», стр. 21.
- 64 См.: Н. И. Черняев. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898, стр. 20.
- 65 И. Н. Винонов. Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии. — «Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932», Л., 1934, стр. 127.
- 66 Там же, стр. 135—136.
- 67 Е. В. Ревуненкова. Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980, стр. 65, 66, 73.
- 68 Б. Н. Басилов. Ташмат-бола. — «Глазами этнографов», стр. 160.
- 69 К. А. Рахматуллин. Указ. раб., стр. 79—80.
- 70 Там же, стр. 80—81.

- ⁷¹ М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас», стр. 18.
⁷² Самар Мусаев. Указ. раб., стр. 34—35.
⁷³ К. А. Рахматуллин. Указ. раб., стр. 80.
⁷⁴ С. Мусаев. От редактора. — «„Манас“ — героический эпос киргизского народа», стр. 6.
⁷⁵ «Манас». I китеп, стр. 66; С. Бегалиев. Указ. раб., стр. 48.
⁷⁶ В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас», стр. 121.
⁷⁷ Цитируется по: П. Н. Берков. Указ. раб., стр. 251.
⁷⁸ Там же, стр. 252.
⁷⁹ «Эр Төштүк». Айтуучу С. Каралаев. Фрунзе, 1956; «Эр Тоштюк», Фрунзе, 1958.
⁸⁰ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 137.
-

О Н О М А С Т И К А

Н. Я. МИНГБАЕВ

ОБ ЭТИМОЛОГИИ МАКРОТОПОНИМА «МИРЗАЧУЛЬ»

Рассматриваемому в данной статье макротопониму *Мирзачуль* соответствует русская полукалька — «Голодная степь». Это название дали местности первые русские исследователи, пришедшие в эти края после присоединения Туркестана к России. «В летнее время,—пишет А. Курсиш,—необозримая серая равнина Голодной степи выжжена солнцем и, при полном отсутствии жизни, вполне оправдывает свое мрачное название»¹.

Таким образом, в литературе утвердились два названия этой местности, исконное *Мирзачуль* и новое — «Голодная степь». В «Узбекской Советской Энциклопедии» читаем: «Мирзачуль — равнина в Средней Азии. На ее территории расположена Сырдарьинская область УзССР, районы южного Казахстана, а также Зафарабадский район Таджикистана. Площадь — 10 000 кв. км»². В «Большой Советской Энциклопедии» о той же территории написано: «Голодная степь, Южная голодная степь, равнина на левобережье Сырдарьи, по выходе ее из Ферганской долины (гл. обр. в Сырдарьинск. обл. УзССР). Пл. ок. 10 тыс. кв. км»³.

Многие исследователи значение топонима *Мирзачуль* считали этимологически прозрачным, возможно, этим объясняется то, что и Х. Хасанов в работе «Урта Осиё жой номлари» («Названия местностей Средней Азии»), и С. Караев в своем словаре географических названий подробно на нем не останавливаются. О названии кишлака *Мирзачуль* С. Караев, например, пишет, что название этого ойконима, возможно, произошло от названия степи и что в окрестностях Самарканда много топонимов с компонентом *мирза*: *Мирза кишлок*, *Мирза булок*, *Мирзатуп*, *Мирза-боглон* и т. д.⁴ В литературе существуют две версии происхождения этого макротопонима. Обе они исходят из значения первого компонента этого топонима *мирза*. З. Дусимов, Х. Эгамов указывают на два значения этого топокомпонента: а) сын эмира; б) писарь, секретарь. Далее эти авторы приводят высказывание историка А. Гафурова, по мнению которого происхождение компонента *мирза* связано с именем Амира Тимура, который, не будучи чингизидом, присвоил себе титул *Амир*

¹ А. Курсиш. Голодная степь (Очерк работ по орошению северо-восточной ее части). СПб., 1913, стр. 6.

² «Узбек Совет Энциклопедияси», т. 7, Тошкент, 1976, стр. 268.

³ «Большая Советская Энциклопедия», т. 7, М., 1972, стр. 34.

⁴ С. К. Караев. Географик номлар маъноси. Тошкент, 1978, стр. 79.

(‘полководец’), а его потомство стало именоваться *Мирзода*, впоследствии — *Мирза*, откуда и возникло имя собственное *Мирза*⁵.

Существует определенная закономерность в употреблении титула *Мирза*: «*Мирза*, *Мирза* (персидск. сокр. от *Мирзадэ* ‘сын эмира, принц’).

1) В Иране: а) титул членов царствующего дома, ставится после имени, например *Аббас Мирза*; б) в значении писец, чиновник, секретарь этот термин предшествует имени, например, *Мирза Мухамед*»⁶.

Таким образом, в топониме *Мирзачуль* компонент *Мирза* употреблен в значении «писец, секретарь».

Казахский топонимист Е. Койчубаев отмечает, что «Мирзачоль (оф. Мирзачуль) — безводная степь на юге республики. Из *Мирза* (этноним) и *чуль* ‘безводная’ — безводная (степь) мырзинцев». Здесь же автор упоминает названия *Мырзабай*, *Мырзаколь*, *Мырзайшюкы*, которые, по его мнению, этнонимического происхождения⁷.

Согласно версии С. Муканова, слово *мирза* в некоторых тюркских языках приняло дополнительное значение «щедрый», и *Мирзачуль* может обозначать поэтому «щедрая степь». Изложенное позволяет предположить следующие версии этимологии макротопонима *Мирзачуль*: а) от *мирза* ‘потомок царя’; б) от *мирза* ‘секретарь, писарь’; в) от этнонима *мирза* и г) от *мирза* перен. ‘щедрый’.

Все эти предположения не отличаются обоснованностью и совершенно неубедительны. Поэтому происхождение макротопонима *Мирзачуль* следует искать в другом направлении.

Как известно, географические названия не возникают случайно. Э. М. Мурзаев пишет: «Изучая топонимические закономерности, ученые отметили некоторые характерные черты номинации: 1. позитивность; 2. негативность; 3. калькирование; 4. рядность; 5. переосмысление (народная этимология)». И далее: «Позитивность — это отражение географической реальности называемого объекта в его имени»⁸.

Как известно, степь *Мирзачуль* представляла собой безводную равнину на левобережье реки Сырдарьи (крайняя степь Мавераннахра), которая во все времена была естественной границей сменявшихся здесь государств и ханств.

Второй компонент — *чуль* в рассматриваемом названии также вполне отвечает принципу позитивности. Исторически первый компонент произносился не *мирза*, а *марза*. Этот термин, заимствованный из иранских языков, существует в диалектах узбекского языка, и означает: «край арыка», «расстояние между грядками», «граница между полями».

Э. М. Мурзаев пишет об этом термине: «*Марз* — край, уезд, ныне область (арм.). Из среднеперсидского *marz* — ‘крайний уезд’; перс. *marz* — ‘земля’, ‘поле’, ‘страна’, ‘грунт’, ‘граница’; ср. тадж. *марз* — ‘земля’, ‘страна’, ‘граница’, ‘предел’; туркм. *мерз* — ‘бугорки’, ‘приподнятые участки земли, незатопляемые ирригационными водами’ в оазисах Туркмении»⁹. Стало быть, историческое название объекта было *Марзачуль*, что означало «крайняя степь» или «серединная между орошаемыми оазисами», «пограничная степь». Эта этимология соответствует расположению древней Голодной степи.

⁵ З. Дусимов, Х. Эгамов. Жой номларининг кискача изохли лугати. Тошкент, 1977, стр. 97.

⁶ «Большая Советская Энциклопедия» т. 16, М., 1974, стр. 312.

⁷ Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, стр. 176.

⁸ Э. М. Мурзаев. География в названиях. М., 1982, стр. 119.

⁹ Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов. М., 1984, стр. 363.

Остается проверить такое предположение с точки зрения его соответствия закону рядности. В. А. Никонов пишет: «Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотнесены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названий, необходимо прежде всего понять, что они возникли не изолированно, а лишь в определенном ряду названий»¹⁰.

На наш взгляд, одна из слабых сторон приведенных выше этимологических версий топонима *Мирзачуль* заключается в том, что сравниваемый ряд топонимов с компонентом *Мирза* включает не идентичные виды названий: это и оронимы, и микротопонимы, и ойконимы, и гидронимы, в то время как географические названия следует выделять в идентичные ряды, то есть макроназвания — в ряд макрообъектов, микроназвания — в ряд микрообъектов.

Материалы Словаря Э. М. Мурзаева позволяют сопоставить ряд макроназваний с компонентом *марза*. Например, *Мерз* (протяж. 20 км) — в Туркмении; *Марзай боло*, *Марзайпоён*, *Марз*, *Мерздешт* — в Таджикистане; *Марзван* — в Турции; *Мерз*, *Мерзан*, *Дехмерзе* — в Иране¹¹. Данный ряд географических названий, как нам кажется, подтверждает правильность выдвинутой версии.

Таким образом, первый компонент макротопонима *Мирзачуль* представляет собой переосмысление древнего иранского земледельческого термина *марза*, встречающегося в диалектах узбекского языка в указанных выше значениях.

Рассмотрим ряд названий с компонентом *мирза*, встречающихся на территории Мирзачуля, точнее в Сырдарьинской области: *Мирза Рават*, *Мирзатугай*, *Мирзаарык*.

Мирза Рават. В данном случае топокомпонент *мирза* выступает в роли определения топонимического термина *рабат*, который широко представлен не только в топонимии Средней Азии, но и Европы. Термин *рабат* встречается в письменных памятниках, например в Бабурнаме: «Войско наше было не близко; иные ушли зимовки ради в Рабад-иходжа, другие — в Кабуд, некоторые — в Шираз»¹². Здесь же дается толкование этого термина: «Рабат — караван-сарай, устраивается обычно с благотворительными целями на трудных участках пути, подворье»¹³.

Г. П. Смолицкая и М. В. Горбаневский, говоря о топонимии Москвы, пишут: «В основе топонима Арбат лежит арабское *арбат* форма множественного числа от *рабат* со значением „пригород“, „предмestье“. В Москву оно могло попасть либо через татарское посредничество, либо от торговцев с Востока. Слово *рабат* вошло в лексику таджикского и тюркских языков Средней Азии и Казахстана в значении „городские стены“ и поселения с внешней их стороны, т. е. предмestья»¹⁴.

Следует, однако, отметить, что название московской улицы *Арбат* восходит не ко множественному числу слова *рабат* — *арбат*, как полагают авторы. А это всего лишь фонетическая трансформация арабского *рабат*. Форма же множественного числа данного термина совершенно иная: *رباط* мн. *رباطات* 'квартал' (города); 'предмestье' (в Тунисе)¹⁵.

¹⁰ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 34.

¹¹ Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов, стр. 363.

¹² «Бабурнаме (Записки Бабура)», Ташкент, 1968, стр. 59.

¹³ Там же.

¹⁴ Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. Топонимия Москвы. М., 1982, стр. 144.

¹⁵ «Арабско-русский словарь», М., 1970, стр. 357.

В данном случае арабский формант — *ат* является показателем множественного числа, и форма множественного числа от слова *рабат* должна была бы в русском языке иметь вид *рабатат*.

Утверждение же о заимствовании этого термина в таджикский и тюркские языки только в значении «городские стены», «предместье» необоснованно и свидетельствует о незнании топонимии региона. Как раз в таджикском и тюркских языках термин *рабат* утвердился в значении «караван-сарай», «остановочный пункт», «поселение», что подтверждается данными топонимии. Так, С. Караев приводит ряд названий, включающих термин *рабат* в значении «караван-сарай», в редких случаях — «поселение»¹⁶. Последнее значение тоже восходит к первоначальному *рабат* «караван-сарай». К нему восходит также топоним *Рават* в Джизакской области, а также бывший караван-сарай *Мирза рават* в Сырдарьинской области Узбекской ССР.

З. Дусимов, Х. Эгамов отмечают, что данный термин широко представлен в топонимии Средней Азии и приводят в качестве примеров: *Работкалмык, Работак, Работи Урчин* и др.¹⁷.

Топонимообразующий термин *рабат* был заимствован тюркскими языками из арабского в VI—VIII веках, в период завоевания Средней Азии арабским халифатом. В топонимии этот термин зачастую выступает как самостоятельный топообразующий формант. Например, село *Рават* (Джизакская область), от него — *Раватсай*, ст. *Раватская*.

Мирзатугай. Здесь выступает детализирующий термин *тугай* «непроходимые, густые заросли кустарника и камыша в низменных болотистых местах». Как пишет Э. М. Мурзаев: «*тугай* лес, пойменный лес, сопровождающий реку по долине (тюрк. Средняя Азия, Казахстан, Кавказ, Нижнее Поволжье, Южный Урал, Южная Сибирь)»¹⁸. Говоря об этимологии этого термина, Э. М. Мурзаев приводит формы, указанные В. В. Радловым: «*токаі, тогаі, токоі, токой* в значениях „луг“, „низменность, покрытая лесом“, „острова и полуострова на реке, обросшие лесом и кустарником“, „лес в извилинах реки“»¹⁹.

По всей вероятности, Э. М. Мурзаев не совсем прав, сближая *тугай* с монг. *тохой* (часть тела человека) и толкуя это слово в переносном значении как «извилина реки». *Тугаи* распространены не только в долинах рек, они произрастают во всех низменных и заболоченных местах, по берегам ручьев, рек, озер и морей.

В «Древнетюркском словаре» приведена основа *туу* I. «преграда, завал, запруда»²⁰. Общетюркское слово *ой* означает «впадина», «низина». *Тугаи* возникали в низменных местностях и являлись серьезной преградой на пути не только человека, но и диких животных. Таким образом, *тугай* сложное слово, состоящее из двух основ *туг//тог* «преграда» + *ой* «впадина», «место», «дом».

Детализирующий термин *тугай* продуктивен при образовании ойконимов, гидронимов и других названий *Мирзачуля*. Например: кишлаки *Тугай* и *Чортокой* (Ворошиловский р-н), аул *Тартогай* (Сырдарьинский р-н), коллектор (водосброс) *Тугайный*, урочище *Андреевский тугай* (Гулистанский р-н), *Шалтугай* (Сырдарьинский р-н) и др.

Мирзаарык. Гидронимический термин *арык* в составе сложного

¹⁶ С. Караев. Указ. раб. стр. 162.

¹⁷ З. Дусимов, Х. Эгамов. Жой номларининг кискача изохли лугати. Тошкент, 1977, стр. 119.

¹⁸ Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов, стр. 516.

¹⁹ Там же, стр. 562.

²⁰ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 584.

имени, хорошо известен в научной литературе²¹, довольно часто встречается в составе гидронимов Мирзачуля. Эти гидронимы большей частью сложные, построенные по типу «определение + определяемое». В качестве определения выступают: а) имена собственные: *Аим арык*, *Гадой арык*, *Урунбай арык*; б) названия местности: *Карой арык*, *Огуз арык*; в) слова, определяющие характер местности: *Дон арык* 'верхний арык', *Бўз арык* 'целинный арык (построенный на сероземе)' и др.

Следует отметить, что географические термины *тугай* и *арык* заимствованы и русским языком; они употребляются в специальной, а также в художественной литературе и публицистике.

²¹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 188; Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов, стр. 57; «Узбек тилининг изохли лугати», М., 1981, стр. 54.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. А. БАСКАКОВ

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ЗАДАЧАХ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Всесоюзные тюркологические конференции — в Алма-Ате (1976), Ташкенте (1980) и Ашхабаде (1985) не только подвели итоги разработки основных проблем тюркского языкознания, но и определили главные направления и общие задачи исследований тюркских языков на ближайшие годы.

Не случайно в рекомендациях названных тюркологических конференций на одно из первых мест выдвинута разработка проблемы «Алтайская теория и тюркские языки». Сравнительно-исторический, ареальный, системно-структурный и прочие аспекты изучения тюркских языков у нас до сих пор по существу замыкались в рамках самих тюркских языков. Тюркологи обычно редко выходят из круга тюркской группы языков, ограничиваясь эпизодическими окказиональными ссылками и сопоставлениями с другими языками алтайской семьи, в то время как алтайские языки не только типологически, но и генетически представляют собой совершенно бесспорное единство. Это достаточно убедительно доказывается очевидными фактическими данными как в словарном фонде, так и в традиционно слабо проницаемой для неродственных языков грамматической структуре, прежде всего в словообразовании и словоизменении.

Углубление исследований в области сравнительно-исторического сопоставления алтайских языков, а в дальнейшем — и урало-алтайской семьи, таким образом, является одной из первоочередных задач советских тюркологов и алтаистов [1; 10], а имеющееся уже значительное число исследований по алтайским языкам делает необходимым и возможным создание новых сравнительно-исторических грамматик алтайских языков [ср. 23; 25].

Не менее актуальной и важной задачей тюркского языкознания является изучение истории конкретных тюркских языков (с которым органически связаны вопросы истории литературных тюркских языков, диалектологии и диалектографии), общей истории функционального развития тюркских языков, а также их периодизации и классификации.

Проблема классификации тюркских, алтайских и урало-алтайских языков занимала ученых еще в XVIII веке. Приоритет в установлении родственных отношений алтайских, в том числе тюркских языков, несмотря на сомнения, высказываемые некоторыми тюркологами [12], безусловно принадлежит Ф. И. Страленбергу. Тщательный анализ его работы, проведенный Д. М. Насиловым, позволяет заключить, что «...классификация Страленберга алтайских народов, шире — урало-

алтайских, а также соответствующих языков, явилась весомым вкладом в науку и в дальнейшем подверглась незначительным уточнениям» [16, с. 103; 11, с. 64, 71; ср. 12]. Что же касается высказываний более ранних авторов, например Г. В. Лейбница, то он в своих перечислениях языков и народов не был достаточно точен, хотя и пытался объединить некоторые языки в определенные группы [17, с. 95; 12, с. 154].

Только в конце XIX и начале XX века появились подлинно научные классификации тюркских языков, предложенные В. В. Радловым [24], Ф. Е. Коршем [13], А. Н. Самойловичем [19]. Дальнейшую разработку этой проблемы продолжали В. А. Богородицкий [7], С. Е. Малов [15], И. А. Батманов [6] и др.¹

Несмотря на некоторое несходство в установлении принципов и критериев классификации тюркских языков, тюркологи в своих последних исследованиях по существу пришли к единой и общей классификации, частичные расхождения имеются только в некоторых названиях группировок. Что же касается состава языков, входящих в каждую группу и подгруппу, то расхождения имеются лишь в отношении двух-трех конкретных языков.

Последние классификации И. Бенцинга и К. Менгеса [22], а также Т. Текина [21] по существу полностью совпадают как по группам, так и по подгруппам и составу языков с нашей классификацией [4]. Так, состав западных (resp. западно-хуннских) тюркских языков в указанных выше классификациях представлен теми же четырьмя группами с тем же составом языков:

1. Булгарской («булгарской» по Бенцингу, «гунну-булгарской» по Менгесу и «I группой» по Текину).

2. Огузской («южной» или «огузской» по Бенцингу, «юго-западной» или «огузской», по Менгесу — без дифференциации по подгруппам, «XII группой» по Текину — с дифференциацией на четыре подгруппы).

3. Кыпчакской с подгруппами: 1) кыпчакско-половецкой («черноморско-каспийской» по Бенцингу, Менгесу и «X, 3» по Текину); 2) кыпчакско-булгарской («уральской» по Бенцингу с неправомерно отнесенным к этой подгруппе крымскотатарским языком, который по основным показателям относится к предыдущей кыпчакско-половецкой подгруппе, «волжско-камской» по Менгесу, с неправомерно отнесенным к этой подгруппе кюэрикским ~ чулымским языком и «X, 2» по Текину); 3) кыпчакско-ногайской («арало-каспийской» по Бенцингу и Менгесу с неправомерно отнесенным Менгесом к этой подгруппе — киргизским языком и «X, 1» по Текину).

4. Карлукской («восточной» или «уйгурской» по Бенцингу, «центральной А, 1» по Менгесу и «IX, 1, 2» по Текину).

Тот же состав групп и подгрупп по всем указанным классификациям, но под различными названиями, составляют и восточные (~ восточно-хуннские) языки:

1. Уйгурская или уйгурско-огузская группа с подгруппами: 1) уйгуро-тукуйской («алтае-саянской» по Бенцингу, «восточной» или «тувинской Д» по Менгесу и «IV группой» по Текину); 2) якутской («северо-сибирской» по Бенцингу, «северо-восточной», «восточно-сибирской» или «якутской» по Менгесу и «III группой» по Текину); 3) хакасской («северной» по Бенцингу, «южно-сибирской», «абаканской» или «хакасской» по Менгесу и «V, 1, 2, 3» по Текину);

¹ См. подробнее о классификациях тюркских [2], алтайских и урало-алтайских языков [1].

2. Киргизско-кыпчакская группа, которая в классификациях Бенцинга, Менгеса и Текина отсутствует. Языки этой группы Бенцинг относит: алтайский — к алтае-саянской группе, а киргизский — к арало-каспийской, вместе с казахским языком; К. Менгес относит киргизский язык также к арало-каспийской группе, а алтайский — к С, 1; Текин же относит киргизский к VIII, а алтайский — к VII группе.

Наибольшие расхождения в отнесении языков к той или иной группе связаны с киргизским и алтайским языками, являющимися пограничными между западными и восточными тюркскими языками и составляющими, по нашей классификации, отдельную киргизско-кыпчакскую группу, а по Текину — две особые группы. В основном же все последние классификации по существу повторяют классификацию, установленную в 1952 году. Однако, если классификация 1952 года была создана на общей историко-генетической основе, с единой терминологией и на базе синтеза фонетических, грамматических и лексических признаков, то классификации И. Бенцинга, К. Менгеса и Т. Текина основаны главным образом, а иногда и единственно, на фонетических критериях. Авторы их используют эклектичную терминологию, смешивая географические термины (алтае-саянская, арало-каспийская и другие группы) с историко-генетическими (кыпчакская, болгарская, огузская и другие группы), а также с терминами ориентации по странам света (южная, северная и другие группы).

Современные фонетические, грамматические и лексикологические исследования по тюркскому языкознанию, на наш взгляд, убедительно подтверждают правомерность классификации 1952 года, нуждающейся в настоящее время лишь в уточнении и развитии.

Таким образом, первоочередными задачами, относящимися к классификации тюркских языков, являются, во-первых, продолжение уточнения фонетических, грамматических и лексических признаков выделенных групп и подгрупп; во-вторых, синтез в определении каждой группы и подгруппы, то есть не только установление историко-генетического их отношения к тем или иным исторически сложившимся общностям: болгар, огузов, кыпчаков, карлуков и других, но и отношения к ареалам и регионам, то есть географического их распространения и ориентации по странам света [ср. 1].

Однако классификация тюркских языков, а также периодизация истории их литературных форм служат только вспомогательными средствами для разработки основных исторических исследований по конкретным тюркским языкам.

История конкретного языка — сложная проблема для некоторых тюркских языков, не имеющих длительных традиций соответствующего письменного языка. Выдвинутые в последнее время концепции о том, что для отдельных языков возможно признание так называемых «устных литературных языков», сохранивших якобы в эпических произведениях данного народа древние черты языка, могут быть приняты лишь условно, ибо устный язык произведений народного творчества, в том числе и крупных эпических поэм, не в полной мере отражает хотя бы и частично обработанные черты какого-либо общего наддиалектного койнэ, характерного для той или иной определенной эпохи, и во многом зависит от исполнителя, как правило, всегда сохраняющего диалектные особенности своего устного языка. В этой связи следует более четко разграничивать: 1) письменные и так называемые устные литературные языки, имеющие письменность, последовательное по всем уровням языка нормирование и разветвленную стилистическую дифференциацию;

2) наддиалектное устное койнэ с относительным нормированием и частичной стилистической дифференциацией; 3) устную диалектную речь и соответствующее просторечье.

Что же касается некоторых эпических произведений, например «Китаби Деде Коркуд» или «Кёр-оглу» и т. д., зафиксированных в более раннюю эпоху в письменности некоторых тюркских народов, то они, безусловно, могут рассматриваться как источники, отразившие особенности языка того исторического периода, в который они были письменно зафиксированы. Эпические же поэмы, сохранившиеся в устной передаче современных сказителей, не могут быть квалифицированы как памятники литературного письменного языка, так как содержат индивидуальные, литературно необработанные черты устной, диалектной разговорной формы.

Вместе с тем проблема создания истории каждого конкретного тюркского языка все же существует, и тюрколог должен найти те или иные средства и методы для ее решения.

Следует отметить, что до настоящего времени в некоторых работах по истории конкретных тюркских языков смешиваются такие принципиально различные методы и приемы исследования, как сравнительно-исторический и историко-типологический методы, с одной стороны, и методы и приемы, связанные с разработкой истории литературных языков, — с другой. Исследования по истории данного конкретного языка характеризуются прежде всего анализом внутренних и внешних законов развития самой структуры языка, формирования его фонетической, грамматической и лексической систем, процессов постепенного их изменения и закономерностей развития. Основными источниками для этого служат исторические памятники письменного литературного языка и диалектные данные. Если работы по сравнительно-историческому и историко-типологическому изучению тюркских языков уже как-то представлены в тюркологии, то исследования по истории развития структуры конкретных тюркских языков до сих пор выполнены только по весьма немногочисленным тюркским языкам.

Между тем для решения задач как истории литературных языков, так и истории структурного развития каждого конкретного языка большое значение имеют исследования, посвященные истории и периодизации функционального развития всей группы тюркских языков, поскольку тюркские языки, во-первых, чрезвычайно близки между собой по своей материальной основе и имеют общие закономерности исторического развития, а во-вторых, в течение довольно длительного периода существовал единый литературный письменный язык, характеризующийся незначительными, локальными для каждого языка особенностями.

История и периодизация формирования всей семьи или группы родственных языков, функциональной их значимости, усиления роли тех или иных отдельных языков данной семьи, различных форм их существования и, в особенности, развитие самих литературных языков — тесно связаны со всеми политическими, экономическими и культурными изменениями в истории соответствующих народов, поскольку язык как явление социальное непосредственно зависит от развития общества. Особенно необходимо изучать язык в связи с историей народов при исследовании той или иной семьи или группы языков в функциональном плане, в отличие от изучения истории языков в структурном аспекте, не связанной непосредственно с историей народа и часто зависящих от господства того или иного диалекта, внутренних имманентных изменений, главным образом структурного и в меньшей степени функционального характера, например, изменения вокализма или консонантизма,

форм склонения и спряжения, различного выражения грамматических категорий и т. д.

Таким образом, существуют как бы два аспекта изучения проблемы периодизации формирования как отдельной семьи или группы языков, так и отдельных конкретных языков.

Первый аспект касается в основном развития того или иного языка или группы языков в функциональном плане, формирования языков в связи с консолидацией родовых или племенных языков, процессов их дифференциации и интеграции. Этот аспект истории языков непосредственно, хотя может быть и не прямолинейно, связан с историей их носителей. С ним связана и периодизация функционального развития литературных языков.

Второй аспект—структурный—связан с историей конкретных языков как объектов языкознания, вторично связанных с историей данного народа. При этом изучаются главным образом внутренние закономерности развития структурных сторон языка: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические, стилистические и другие изменения. С данным аспектом связана периодизация структурного развития языка и его отдельных уровней.

Вместе с тем элементы того и другого аспектов как бы пересекаются, следовательно, параллельное изучение их необходимо. Задача лингвиста заключается в нахождении определенных методов совмещения этих основных координат изучения истории языков. Сложность заключается в том, что не всегда те или иные построения в развитии фонетических, грамматических и лексических уровней в истории языков, основанные на отдельных фактах, взятых из различных диалектов и языков, соответствуют действительным процессам развития изучаемых языков.

Актуальным является решение трех основных проблем: 1) истории конкретных языков в структурном аспекте, то есть создание исторических грамматик для каждого конкретного языка; 2) периодизации функционального развития тюркских языков (создание монографий, посвященных истории тюркских языков в связи с историей тюркских народов и их литературных языков); 3) истории конкретных тюркских литературных языков (создание монографических описаний развития письменности и формирования отдельных литературных языков и их связей со средневековыми и древними письменными тюркскими языками).

С разработкой вопросов истории функционального и структурного развития языков, истории литературных языков тесно связаны исследования по диалектологии и диалектографии, а также вопросы развития и нормализации тюркских языков и их взаимодействия между собой и с языками неродственными, и, наконец, проблемы социолингвистики на материале тюркских языков. При разработке вопросов истории литературных языков необходимы также углубленные исследования и публикации рукописных литературных памятников тюркской письменности. Вся эта историческая проблематика тюркского языкознания ждет своих фундаментальных исследований как аналитического, так и синтетического характера.

Данные по диалектологии и описательной диалектографии слабо используются для исследований по исторической грамматике тюркских языков, чрезвычайно важной не только для изучения общих вопросов языка, но имеющей и практическое назначение как учебное пособие для вузов. Еще большее значение данные диалектологии имеют для построения исторических грамматик младописьменных языков, которые могут быть созданы только на основе живых современных диалектов этих

языков при полном отсутствии старых письменных памятников. Существующие диалектологические и диалектографические исследования не всегда отвечают этим задачам. Каждый диалект и говор должны быть представлены в исследованиях в полном системном виде, включая: описание их фонетической структуры с фонологическими обобщениями, полное изложение всех средств словообразования и категорий словоизменения, полную характеристику основного лексического фонда, в особенности той его части, где лексика диалекта или говора расходится с таковой соответствующих литературных языков и других диалектов данного языка. Из задач ареальной диалектологии следует отметить, как актуальную и первоочередную, разработку ареальных исторических атласов, а также проведение специальных исследований, посвященных определению основных критериев и соответствующих комплексных изоглосс, характеризующих такие исторические ареалы формирования тюркских языков, как болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский, уйгурский и другие, их хронологии, установлению характерных признаков, определяющих фонетические, лексические и грамматические особенности.

Первостепенное теоретическое и практическое значение имеют грамматические исследования. Можно с уверенностью утверждать, что все основные грамматические (синтаксические и морфологические) категории в тюркских языках интерпретируются в подавляющем числе исследований близко к сложившимся грамматическим концепциям индоевропейского и, в частности, русского языкознания с небольшими отклонениями. Эти традиционные ныне и для тюркского языкознания воззрения часто мешают познать истинную структуру тюркских языков и вообще природу основных языковых единиц на уровне синтаксиса, морфологии и фонологии.

Настало время пересмотра основных принципов разработки теоретической и практической грамматики тюркских языков с учетом специфики каждой грамматической категории.

В тюркском языкознании по существу нет единого общепринятого определения предложения и словосочетания. В грамматических исследованиях в большинстве случаев приняты определения предложения и словосочетания, сформулированные либо исследователями индоевропейских языков, чаще всего русского языка, либо последователями арабской грамматической школы. Как правило, эти определения не отражают природу предложения и словосочетания как категорий, прошедших длительный процесс формирования. Так, например, не учитывая становления конструкций предложения и его основных элементов — сказуемого и подлежащего, — исследователи неправомерно устанавливают первичность природы сказуемого как форм *verbum finitum* [14], в то время как эти формы являются результатом длительного развития самой структуры предложения, представлявшего собой вначале нерасчлененный комплекс, а затем конструкцию, сопоставляющую два понятия — конкретное и абстрактное, объединенные общим динамическим глагольным признаком — отношением говорящего к действительности, выраженным глагольными категориями времени и модальности. Эта конструкция прошла эволюцию. Она состояла сначала из основы глагола, выраженного его функциональной атрибутивной формой синтетического или аналитического причастия и субстантивного элемента, выраженного абстрактным понятием типа *peŋ* или *çüve* 'вещь, нечто, некто, что-то, кто-то', или указательным местоимением *ol* 'тот, он', например: а) с синтетическим причастием в функции атрибута: древнетюркское *ol taruγ tarγt-γan ol* 'он постоянно сеет семена'; тувинское

ol bistiñge künnün kelir çüve 'он приходит к нам каждый день'; duñmam sandajda olur ol 'мой младший брат сидит на стуле'; mal xowuda cor(ur)ol 'скот пасется на пастбище'; б) с аналитическим причастием в функции атрибута, например: сарыуйгурское *sen mañu du-gur ol (>dro)* 'ты идешь сейчас'; мен *t'utup turur ol (>tro)* 'я схватил'; *sen t'utup turur ol (>tro)* 'ты схватил' и т. д.

Позже обобщающий абстрактный элемент в составе сказуемого: *çüve* 'вещь' ~ *ol* 'он', имевший только формальное значение, выпал, и сказуемое стало совпадать с причастием. Следы этого сохранились почти во всех современных тюркских языках, где в качестве сказуемого выступает причастие, получившее статус *verbum finitum*.

Анализ этого процесса раскрывает первичную природу составных элементов предложения. Если конструкция подлежащего, выражающего отдельное понятие, обобщаемое сказуемым, не претерпела деформации, то конструкция сказуемого, как это видно из последовательного его развития, существенно изменилась, превратясь в конечном итоге в форму *verbum finitum*.

Эволюция структуры сказуемого со всей очевидностью показывает, что первоначально сказуемое представляло собой словосочетание, состоящее из атрибутивной функциональной формы глагола (причастия) и абстрактного обобщающего понятия—имени.

Как известно, не только в тюркских, но и во всех индоевропейских, в том числе русском, языках, сказуемое возводится к причастной форме. Однако первичность этой формы в составе сказуемого не объясняется в должной степени, в то время как это можно легко объяснить с помощью фактов тюркских языков, зафиксировавших все ступени развития словосочетания, лежащего в основе сказуемого, — от более древней и полной его формы до стянутой формы *verbum finitum*.

Задача исследователя заключается в том, чтобы объяснить, почему в основе сказуемого лежит глагольная форма, исторически общая с причастием, то есть с функциональной атрибутивной формой глаголов, но не с деепричастной или субстантивной формой — масдаром, которые могут выступать в качестве сказуемого только в сочетании с причастием или связкой, восходящей также к причастной форме глагола. Это, в свою очередь, предполагает наличие какого-то определяемого элемента, генетически лежащего в основе сказуемого. Сведение же формы *verbum finitum* к той же первоначальной форме *verbum finitum*, без объяснения диахронии ее развития, не выявляет ее сущности, подобно тому как в свое время форму прошедшего времени на *-dy/-di* объясняли той же формой на *-dy/-di* в связке прошедшего времени *e-di* от глагола *er->-e(r)-* 'быть' [9].

Наиболее эффективным методом изучения процессов последовательного формирования предложения и конструктивных его элементов является, на наш взгляд, ретроспективное сопоставление различных синхронных моделей, когда можно «определить диахронический процесс их развития от наиболее древней конструкции к более новой, образовавшейся под воздействием внутренних и внешних факторов их развития» [3]. Установление же единичной синхронной модели, одного хронологического среза для конкретного современного языка может быть использовано только в практических целях, например при разработке теории перевода или методики преподавания языка.

Диахрония развития структуры тюркских языков устанавливается сопоставлениями синхронных моделей конкретных языков. При этом определяется характерный для данного типа языков эталон структуры конкретного хронологического среза, «по которому можно определить

как ретроспективные фазы развития данной структуры, так и перспективу развития языков данной группы» [3, с. 29]. Однако характерный для определенного типа языка эталон структуры не является чем-то постоянным и неизменным, как это представляет себе мой рецензент [8, с. 142]. В процессе развития данного типа языка он изменяется и приобретает новые черты.

Аналогичные процессы изменения структуры языка присущи и отдельным ее элементам. Так, например, структура сказуемого, как это видно из сопоставления его синхронных форм, во всех существующих тюркских языках изменялась от сочетаний атрибутивной формы глагола (причастия) + субстантивный элемент *şıwe* 'вещь' — в тувинском и *ol* 'он, тот' — в тувинском и древнетюркском — до современных форм *verbum finitum*. Кстати, несмотря на замечание, что не все предложения исторически двусоставны и что в некоторых предложениях нельзя логическим путем восстановить согласованное в лице элиминированное подлежащее [8, с. 143], следует указать, что в приведенном примере из турецкого языка *olturulmaz* 'не садятся' подлежащее, согласованное в лице со сказуемым, легко восстанавливается, так как исторически это высказывание восходит к предложению (*Bu jer*) *oldurulmaz* букв. ('Это место) не седом'. Следует вместе с тем отметить, что подобные выражения не составляют систему и встречаются в тюркских языках, и в том числе в турецком, как редкие исключения. А в связи с этим можно, по нашему мнению, настаивать также и на том, что природа сказуемого во всех предложениях обязательно восходит к структуре, содержащей функциональную атрибутивную форму глагола, либо связку, восходящую к той же форме. Достаточно отметить, что отсутствие связки в той или иной конструкции сказуемого характерно только для настоящего времени; это вызвано оппозицией настоящего времени прошедшему и будущему, где связка является обязательной.

Нельзя, конечно, каждый эталон, в том числе эталон идеальной структуры агглютинативных языков, рассматривать как неподвижную структуру с различного рода «отклонениями» и «пульсацией» [8, с. 143]. Эталон идеальной структуры тюркских агглютинативных языков явился результатом первоначально иного эталона строя, близкого к изолирующим языкам, как один из синхронных срезов в диахроническом развитии данных языков, характерный для современных агглютинативных тюркских языков, конкретные структуры которых либо сохранили еще древние элементы, либо приобрели уже новые черты. Это было показано на конкретных примерах развития как всей структуры языка в целом [3, с. 88—91], так и конструкций сказуемого [там же, с. 76—88]. Невозможно судить об истории и формировании тех или иных конкретных языков только по одному синхронному срезу. Лишь сопоставление целого ряда синхронных срезов, относящихся к различным фазам развития языков, позволяет определить диахронию развития каждого языка [там же, с. 28—29].

Следует отметить, что обобщение подлежащего посредством сказуемого в акте предикации (в предложении) это обобщение особого рода — по динамическому признаку, многообразному по своей семантике. Обобщающий признак предиката может иметь, например, следующие значения: 1) имя действующего лица, совершающего в указанное время определенное действие (*он—идет, шел, пойдет*); 2) единичное имя как признак субъекта (*он—есть, был, будет Навои*); 3) понятие профессии, звания и т. д. (*он—есть, был, будет студентом*); 4) понятие качества (*он—есть, был, будет синим*); 5) понятие количества (*он—есть, был, будет один ~ они—есть, были, будут трое*); 6) понятие

отношения (*он—тот, который есть, был, будет*); 7) понятие пребывания где-либо, состояния и т. д. (*он—есть, был, будет в деревне*) и т. д.

Некоторыми авторами акт предикации, как акт абстрагирования, обобщения по динамическому (sic!) признаку, отражающему действительность в данный момент высказывания [3, с. 75], почему-то сводится только к «объемному анализу» [20, с. 9—10]. Обобщение по одному указанному динамическому признаку, напротив, исключает «объемное» значение. Тот же автор, будучи сторонником предложений не только глагольного, но и именного типа и устанавливая наличие таких предложений, «оба главных члена которых выражены существительным» [там же, с. 12], утверждает будто мы выдвигаем «концепцию, согласно которой все предложения в тюркских языках возводятся к именному типу», тогда как нами со всей определенностью было сказано, что все предложения могут быть только глагольными. Даже в предложениях типа *ol student (-tur)* 'он является студентом', *ol student edi* 'он был студентом', *ol student boldy* 'он стал студентом' и т. д. обязательная связка, помимо настоящего времени, где она исторически также присутствует, всегда восходит к атрибутивной форме глагола — причастию. Именно связка в данном типе предложений указывает на динамический глагольный признак, выражающий отношение к действительности в данный момент речи.

Неточна также ссылка [20, с. 48] на то, что тюркское предложение восходит якобы к атрибутивному словосочетанию, в то время как в действительности оно восходит не к одному словосочетанию, а к сопоставлению двух атрибутивных словосочетаний, что коренным образом отличается словосочетание от предложения [3, с. 57—62]. Искажается, таким образом, и само положение о том, что «предикация восходит к сопоставлению двух определительных словосочетаний — конкретного и обобщающего», которое интерпретируется следующим образом: «...предикативная конструкция сближается или совпадает с атрибутивной конструкцией в том, что в составе каждой из них имеются две основные части (члены), выступающие в качестве определяемой и определяющей» [20, с. 48].

Понимание предикации как модально (субъективно) характеризующего атрибутивного отношения [там же] неверно уже потому, что это же атрибутивное отношение наличествует и в собственно атрибутивных конструкциях типов *alğan adam* 'взявший человек' или *aladžaq adam* 'человек, который должен взять' и т. п.

Таковы проблемы изучения основных синтаксических единиц — словосочетания и предложения.

Не менее сложным представляется также вопрос о частях речи. Сочетание семантических, морфологических и синтаксических признаков не дает при исследовании удовлетворительных результатов. Более приемлемое решение этого вопроса может быть осуществлено при условии классификации частей речи в двух координатах — в лексико-семантическом плане они подразделяются на три основных класса: 1) имена с разрядами предметно-качественных имен (существительного, прилагательного и наречия), количественных (числительных) и заместительных (местоимений); 2) глаголы, составляющие знаменательные части речи; 3) служебные части речи (частицы, послелоги и союзы); особое место занимают междометия и звуко- и образоподражательные слова; в функциональном плане они подразделяются на два основных класса: 1) субстантивы и 2) атрибутивы с подклассами: а) атрибутивы субстантива; б) атрибутивы признака [см. подробнее: 5].

С вопросом о частях речи тесно связана проблема границ словооб-

разования и словоизменения, в отношении установления которых, а также специфики различных разрядов аффиксов словообразования, в современном тюркском языкознании отсутствуют общепризнанные критерии и концепции. В большинстве грамматических исследований все морфемы в слове обычно подразделяются на корневые и группы морфем словообразования, формообразования и словоизменения, причем границы в этих разрядах морфем остаются до сих пор неясно очерченными. Так, в большинстве грамматик конкретных языков к группе морфем словоизменения относятся не только действительные словоизменятельные аффиксы, выражающие синтаксические отношения слов в составе словосочетания и предложения, каковыми являются аффиксы числа, принадлежности, падежей и лица, но и аффиксы залога, вида, наклонения и времени, причем последние, безусловно, входят в систему словообразования, как это (пока только в отношении вида и залога), и было указано в последней грамматике русского языка [18].

Еще меньше ясности в традиционных грамматических концепциях в отношении морфем словообразования и так называемого формообразования. Здесь следует отметить, что в данном вопросе тюркологи-грамматисты чаще всего следуют представлениям русской грамматической школы, в то время как специфика тюркских языков требует выделения более соответствующих этим языкам классов аффиксов словообразования.

Основным критерием установления этих классов морфем словообразования является семантика тех словообразовательных моделей, которые образуются посредством присоединения данных морфем к корневой морфеме, а именно: с одной стороны, могут быть определены морфемы, способствующие изменению лексического значения данного слова, а с другой — морфемы, изменяющие только отношения, определяющие функцию данного слова в составе предложения или словосочетания. К первой группе, таким образом, могут быть отнесены аффиксы лексико-семантического словообразования, определяющие, с одной стороны, тот или иной класс понятий: статических понятий — имен и динамических понятий — глаголов (аффиксы, конвертирующие части речи, — имя в глагол и глагол в имя), с другой стороны — аффиксы, уточняющие значения слов без перехода из одной части речи в другую (аффиксы, модифицирующие значение). Ко второй же группе относятся аффиксы функционально-грамматического словообразования, создающие модели, определяющие их функциональное назначение в составе предложения или словосочетания, но еще без определения синтаксических отношений, а именно: модели с субстантивным значением, например, имени существительного — в именах и масдара — в глаголе; модели с атрибутивным значением атрибута субстанции, например, имена прилагательные — в именах и причастия — в глаголе; и с атрибутивным значением атрибутов атрибута, например, наречия — в именах и деепричастия — в глаголе. Некоторые тюркологи неправомерно относят модели лексико-функционального словообразования к синтаксическим категориям, в то время как последние формируются только в системе словообразования.

Что же касается категорий словоизменения, то все тюркологи пришли к единой концепции в отношении категорий склонения — как выражения отношений предиката и объекта, а также в отношении категории принадлежности — как выражения отношений определения и определяемого. Отчасти спорным вопросом остаются категории лица и числа, выражающие отношения субъекта и предиката. Во многих исследованиях по грамматике тюркских языков эти категории квалифицируются

как категории сказуемости, которая, по мнению их авторов, объединяет не только категории лица и числа, но и все сопутствующие предикату категории: модальности, времени, наклонения, выраженные либо причастной формой глагола, либо простой или сложной связкой, исторически восходящей к той же причастной форме глагола. Не соответствует истинному соотношению явления и то, что категории лица и числа именуются категорией сказуемости, так как понятие сказуемости включает прежде всего функциональную атрибутивную форму глагола, выражающую не только характеристику имени действующего лица, но и модальность и время, а также собственно категорию числа и лица. Функциональная же атрибутивная форма глагола (причастие) является не словоизменительной категорией, выражающей только сказуемое, а категорией лексико-функциональной, выступающей, в зависимости от оформления ее теми или иными аффиксами словоизменения, в различных синтаксических функциях в составе предложения и словосочетания с сохранением тех же сопутствующих категорий вида, залога, наклонения и времени, которые присутствуют и в том случае, когда причастие выступает в качестве подлежащего, дополнения или определения.

Наиболее спорным вопросом в определении границ между словообразованием и словоизменением является вопрос о категориях вида, залога, наклонения и времени, которые в большинстве грамматических исследований как по тюркским, так и по другим языкам обычно относятся к категориям словоизменения и реже — к так называемому формообразованию, хотя они по своей сущности, безусловно, являются категориями словообразования, поскольку сами по себе, без оформления аффиксами словоизменения, не выражают синтаксических отношений каких-либо членов предложения или словосочетания. Все эти четыре категории — вида, залога, наклонения и времени — прежде всего являются категориями глагола.

Категории вида и залога присущи всем основам глагола, независимо от оформления их аффиксами лексико-функционального словообразования, и, таким образом, они относятся к лексико-семантическому словообразованию, то есть к лексико-семантическим моделям, характеризующимся изменением лексического значения. Ср., например, видовые формы глагола: *at-* 'стрелять, бросать' и *at-ɣu-la-* 'стрелять, бросать многократно' или залоговые формы *jaz-* 'писать' и *jaz-dɣ-* 'заставить писать'. Категории вида и залога присущи всем функциональным формам глагола: масдару, причастию и деепричастию, и поскольку эти категории выражают отношения только лексические, то есть отношения к субъекту и объекту действия, но не к субъекту и объекту в составе предложения, они имеют то же значение, что и корневые основы, например, *аҗ-* 'открывать' или *kel-* 'приходить', которые в синтаксическом отношении так же зависимы, как и залоговые или видовые основы, например, *аҗ-yl-* 'открываться' или *kel-tir-* 'привозить, приносить'.

Категории наклонения и времени, как известно, в тюркских языках являются категориями, сопутствующими только одной функциональной форме глагола — причастию, и формальное их выражение совпадает с аффиксами, образующими причастие. Ср., например, *al-ɣap* 'взявший' (форма причастия прошедшего времени изъявительного наклонения) или *al-sa* 'если возьмет' (исторически форма причастия настояще-будущего времени условного наклонения *al-sa < al-sa-(r) < al-(yɣ)-sa-(r)* и т. д.

Только категория модальности может выступать в масдарных функ-

циональных формах, да и то только в тех случаях, когда масдар выступает в качестве составной части связочного причастия.

Итак, категории вида, залога, наклонения и времени относятся к словообразовательным категориям, нейтральным в части выражения каких-либо синтаксических отношений в составе предложения или словосочетания. Они не являются словоизменительными категориями, но представляют собой: первые две категории — вида и залога — словообразовательные модели, модифицирующие основное лексическое значение слова, а вторые две категории — наклонения и времени — относятся к категориям, сопутствующим лексико-функциональным атрибутивным формам глагола — причастиям [см. подробнее: 5].

В исследовании фонологии и фонетической структуры тюркских языков некоторые успехи достигнуты в области сравнительно-исторической фонетики. Примером этого могут служить значительные по охвату материала работы А. М. Щербака и коллективный труд Сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР — «Сравнительно-историческая фонетика тюркских языков» (М., 1984). Успешно ведутся исследования по экспериментальной фонетике. Основанная в свое время в Ленинграде школа Л. В. Щербы, М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндера и других, способствовала развитию работ по экспериментальной фонетике в Казахстане (Ж. А. Аралбаев), Узбекистане (А. Махмутов) и особенно плодотворно в Сибири (В. Н. Наделяев).

Современное состояние изучения проблем фонетики, основы которой в достаточной мере разработаны для всех тюркских языков, требует дальнейших обобщений и обобщающих трудов, посвященных не только анализу фонетических систем конкретных тюркских языков, но и фонологическим проблемам, относящимся к определению типов фонологической структуры как отдельных языков, так и всей группы тюркских языков. Основное внимание при этом должно быть обращено на историческую фонетику и историко-типологическую фонологию, а также на практическую реализацию данных по фонетике и фонологии в связи с усовершенствованием графики тюркских языков и унификации существующих алфавитов.

Исторический аспект изучения необходим также и в области лексикологии и фразеологии. Пока еще нет фундаментальных исследований по исторической и сравнительно-исторической лексикологии конкретных языков. Назрела необходимость разработки словарей на новых теоретических основах, обеспечивающих изучение процессов развития лексики и семантики. Не начаты лексико-семантические исследования, нет и соответствующих словарей, не изучена лексика и в историко-типологическом и сравнительно-историческом плане.

Тесно связана с лексикологией и, в частности, с лексикографией, проблема разработки фразеологии. Наряду с имеющимися исследованиями по фразеологии конкретных тюркских языков необходима разработка фундаментальных трудов по общей, исторической и сравнительно-исторической фразеологии для всех тюркских языков. Некоторый опыт в этом плане накоплен благодаря переводам общественно-политической литературы, трудов классиков марксизма-ленинизма, а также публицистики и художественной литературы.

Из основных проблем теории фразеологии следует отметить необходимость разработки более четких критериев определения фразеологизмов и свободных словосочетаний, калькирования и определения типов семантических фразеологизмов, фразеологии и идиоматики, а также составление специальных фразеологических словарей.

Расширение многообразных форм общения в связи с ускорением социально-экономического развития способствует появлению как в старописьменных, так в особености и в младописьменных литературных тюркских языках новых стилистических модификаций. Для установления природы различных стилей и их определения еще не достаточно дифференцированы, с одной стороны, понятия форм языка (разговорный и письменный литературные языки) и литературных жанров (проза и поэзия), а с другой — структурные (временные и пространственные) и функциональные (научно-публицистический, художественный, деловой, культовый и др.) стили, внутри которых не различалась также индивидуальная манера речи (отдельных авторов, поэтов, писателей), а для некоторых стилей и их эмоциональные стилистические уровни (нейтральный, высокий и низкий — просторечный). Существующие стилистические пометы в толковых словарях в отношении лексики и фразеологии не имеют соответствующей типологической градации и иерархии и приводятся, как правило, без должной системы.

Исторический аспект изучения проблемы стилей позволяет установить наличие стилистических разновидностей языка на самых ранних этапах его развития. Так, в тюркских языках в эпоху формирования племен и племенных союзов уже существовали стилистические различия между языком общеплеменным разговорным, то есть языком нейтрального стиля, и языком устного поэтического творчества и, в частности, героического эпоса, а также между стилем художественным, с одной стороны, и языком шаманских мистерий, то есть стилем культовым, — с другой.

Особого внимания при разработке вопросов стилистики требует изучение, с одной стороны, структурных стилистических модификаций, а с другой — собственно функциональных стилей. К первым относятся: а) временные стилистические модификации (стили с окраской элементами, характеризующими различные этапы архаических языков XV—XIX вв.), б) пространственные модификации (стили с окраской элементами, характеризующими диалектные особенности языка). Ко вторым относятся уже собственно функциональные стили: а) художественный, характеризующийся различными типами разговорного и письменного языка и двумя основными жанрами — поэтическим и прозаическим; б) научно-публицистический, характеризующийся теми же формами и жанрами; в) деловой стиль с теми же формами языка, но исключительно прозаический; г) культовый стиль с теми же формами разговорного и письменного языка и с теми же жанрами — прозаическим и поэтическим.

Наконец, большое значение в развитии каждой науки имеет изучение ее историографии. В опубликованном капитальном труде по историографии тюркского языкознания и тюркской филологии [11] определены основные направления дальнейшего исследования данной проблемы. На очереди освещение истории специальных научных организаций и учреждений по ориенталистике и, в частности, по тюркологии, а также создание монографий, посвященных анализу деятельности наиболее выдающихся отечественных и зарубежных тюркологов. Эти монографии должны содержать не только биобиблиографические сведения о каждом авторе, но и подробно излагать их основные концепции по отдельным проблемам тюркского языкознания.

Таковы, как нам представляется, актуальные и первоочередные задачи изучения тюркских языков на данном этапе развития нашей науки — тюркологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Баскаков. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
2. Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
3. Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975; его же. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979.
4. Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1952, № 2; его же. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. — «Труды Института языкознания АН СССР», 1, М., 1952; его же. К критике новых классификаций тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1963, № 2.
5. Н. А. Баскаков. Части речи и их функциональные формы в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1985, № 1.
6. И. А. Батманов. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947.
7. В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.
8. С. Н. Иванов. Рецензия. — «Вопросы языкознания», 1981, № 4.
9. А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарских языков. Изд. 2-е, Казань, 1846.
10. А. Н. Кононов. Актуальные задачи тюркского языкознания. — «Вопросы языкознания», 1984, № 6.
11. А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982.
12. И. В. Кормушин. Тунгусо-маньчжурские языки. — В кн.: «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей». М., 1982.
13. Ф. Е. Корш. Классификация турецких племен по языкам. — «Этнографическое обозрение», кн. 84—85, М., 1910.
14. П. И. Кузнецов. К обоснованию теории вербальности тюркского предложения. — «Советская тюркология», 1980, № 3; его же. Является ли строй тюркских языков изначально именным. — «Вопросы языкознания», 1980, № 6.
15. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
16. Д. М. Насилов. Из истории алтаистики. — «Советская тюркология», 1977, № 3.
17. Д. М. Насилов. Об алтайской языковой общности (К истории проблемы). — В кн.: «Тюркологический сборник. 1974», М., 1977.
18. «Русская грамматика», т. I, М., 1980.
19. А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.
20. Р. Г. Сибагатов. Теория предикативности. Саратов, 1984.
21. Т. Текин. Проблема классификации тюркских языков. — В кн.: «Проблемы современной тюркологии», Алма-Ата, 1980.
22. J. Benzing and K. H. Menges. II. Classification of the Turkic languages «Philologiae turcicae fundamenta», I. Wiesbaden, 1959.
23. N. Poppe. Vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960.
24. W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen. Leipzig, 1882.
25. F. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Laut lehre. Helsinki, 1957; II. Formenlehre, Helsinki, 1952.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

**О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ АРГУМЕНТОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ
ДЛЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЗВУКОПЕРЕХОДА R В Z**

Некоторые тюркологи доказательство перехода r в z в истории тюркских языков рассматривали как особую, престижную задачу советской тюркологии, нимало не заботясь о доказательности своей аргументации.

А. З. Абдуллаев в статье «К вопросу $r \sim z$ в тюркских языках»¹, стремясь поставить под сомнение предполагаемый переход $z \sim r$, выдвинул четыре вопроса. Первый: «Почему закономерное фонетическое соответствие $r \sim z$ проявляется только в чувашском языке, противостоящем по этому признаку всем остальным тюркским языкам и их диалектам?»².

Здесь удивляет уже то, что недоказанный переход $r \sim z$ назван закономерным. Кроме того, не выдерживает критики сама постановка вопроса. На таком же основании можно было бы поставить вопрос: «Почему во французском языке образовались носовые гласные, а в других романских языках их нет?». Ведь известно, что тот или иной звуковой закон вовсе не обязательно должен распространяться на все родственные языки.

Второй вопрос: «Почему по мере углубления в историю тюркских языков доля r возрастает, а доля z соответственно уменьшается?»³. Это утверждение не подкрепляется фактами. Автору здесь следовало привести соответствующую статистику. Кроме того, если бы в тюркских языках существовал фонетический закон $r \sim z$, то он бы охватил все слова, включающие z . Почему же в части слов сохраняется z ?

Третий вопрос: «Что является причиной того, что в анализируемых алтаистами лексемах монгольских языков оказывается представленным именно r ?»⁴. Сам А. З. Абдуллаев, очевидно, объясняет это тем, что монгольские языки древнее тюркских. Но этого еще ни одному алтаисту доказать не удалось.

Четвертый вопрос: «Как, наконец, объяснить то, что в древнейших тюркских заимствованиях ряда соседних иносистемных языков сохраняется не z , а r ?»⁵.

Данный вопрос лишен необходимой конкретности. О каких иносистемных языках идет речь? Если слова, содержащие r , встречаются в вен-

¹ А. З. Абдуллаев. К вопросу $r \sim z$ в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1984, № 2.

² Там же, стр. 36.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

герском языке, то это явление нашло уже объяснение в специальной литературе. Подобного рода слова заимствованы венгерским языком либо из языка камских булгар, либо из древнечувашского.

Далее А. З. Абдуллаев стремится опровергнуть гипотезу о возможности перехода *z* в *r* и приводит целый ряд доводов, которые можно разделить на определенные группы.

Первая группа доводов указывает на то, что А. З. Абдуллаев не учитывает основных особенностей фонетических законов. Классическая компаративистика утверждает, что фонетический закон обычно проявляется во всех случаях при одинаковых условиях. Если наблюдается исключение, то обязательно следует указать его причину. Например, в истории мордовского языка интервокальное *s* превращалось в *z*; ср. эрзя-морд. *кудозо* 'его дом' из *кудосо* 'в доме' *s* не превратилось в *z*. Это объясняется тем, что, когда действовал фонетический закон превращения интервокального *s* в *z*, форма *кудосо* 'в доме' существовала в форме *кудосно*, то есть в тот период *s* не было интервокальным.

Однако А. З. Абдуллаев и его сторонники этим правилом почему-то пренебрегают.

В азербайджанском языке, как отмечает А. З. Абдуллаев, формы *jog* и *joz* употребляются параллельно, например: *juxu jog-/joz-* 'толковать сны'⁶. Но почему же параллельно с архаической (по мнению А. З. Абдуллаева) формой *jog-* существует новая форма *joz-*? Никаких объяснений автор по этому поводу не дает.

В карачаево-балкарском языке, пишет далее А. З. Абдуллаев, слова *терк* и *тез* употребляются как синонимы⁷. Но почему же все-таки *r* в *терк* не превратилось в *z*?

В азербайджанском языке имеется слово *гарым* (обводная ганавка для стока дождевой воды): *гар + ым < газ + ым*⁸. Но здесь опять слово *гар-* представляет собой исключение из фонетического закона, поскольку в других случаях утвердилось форма *газ-* со значением «копать».

Автор утверждает, что встречающиеся в тюркских языках прилагательные *бор* и *боз* 'серый' будто бы имеют одно и то же происхождение⁹.

Если слово *bor* 'серый' имеется в ряде тюркских языков, то почему наряду с ним встречаются слова типа *кыз* 'девушка' и *каз-* 'копать'? И здесь слово *bor* является исключением из фонетического закона.

Заявление А. З. Абдуллаева, что слово *хыр* 'поле' якобы связано с *каз-* 'копать'¹⁰ также им не обосновывается. Почему же в слове *хыр* сохранилось *r*?

То же можно сказать и о примере *дирсак*: *диз* 'колени' — *дирсак* 'локоть' (локоть, напоминает колени)¹¹. Если не раскрывать причину сохранения в слове *дирсак* старого *r*, то пример ничего не доказывает.

Другая группа доводов, приводимых А. З. Абдуллаевым, свидетельствует о том, что он не учитывает типологии изменения звуков.

А. З. Абдуллаев утверждает, что тюркское слово *гысыр* 'корова' возникло следующим образом: *гысыр < уксыр < ыксыр* 'яловая', тат. диал. *јөксез* 'яловая' ('лишенная груза')¹².

⁶ А. З. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 38.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 39.

¹⁰ Там же, стр. 38.

¹¹ Там же, стр. 37.

¹² Там же.

Совершенно очевидно, что из первоначального *jūk* 'груз' никак не мог возникнуть слог *зы*. И почему, собственно, корова всегда должна быть яловой?

Далее А. З. Абдуллаев утверждает, ссылаясь на Г. Хазаи, что современное венгерское *каго* восходит к прототипу современного турецкого *kağış* 'рытье'¹³.

Достаточно хорошо известно, что интервокальное положение способствует раскрытию затвора. Если в каком-либо звуке звуко сочетание *ата* переходит в *ада*, то это означает, что затвор при произношении *t*, благодаря влиянию окружающих гласных, стал более широким и *t* озвончилось. У сторонников гипотезы *г* > *з* получается все наоборот. Если слову «котел» в древности в тюркских языках соответствовало слово *қағап*, то для того, чтобы получилось современное татарское *qazan*, затвор у *г* должен стать более узким, что, конечно, противостоит естественности.

А. З. Абдуллаев ссылается на Г. И. Рамstedта, который приводил древнетюркское *toŋuŋ* 'море'. Это слово в венгерском языке выступает в форме *tenger*, в чувашском — *кăнтăр*, тунгусском — *tunqer* ('озеро')¹⁴.

Тюркской формы слова *toŋuŋ* 'море' быть не может. В тюркском праязыке море звучало как *tāŋiz*. Отсюда тат. *диңез*, азерб. *дәниз* и венг. *tenger*. Г. И. Рамstedт искусственно уподобил эту форму тунгусскому *tunqer* 'озеро'. Кроме того, никакого конечного *i* в тюркском архетипе также не могло быть.

А. З. Абдуллаев пишет: «Несомненна также связь *бөрү* (ср. русск. обл. „бирюк“, т. е. „волк-одиночка“) с *боз* 'серый' (ср. „серый волк“»)»¹⁵. Однако в тюркских языках нет фонетического закона превращения *о* в *ө*.

Законное возражение вызывает следующее высказывание А. З. Абдуллаева: «Как и в других тюркских языках, в азербайджанском имя числительное *ијурми* 'двадцать' относится к наиболее древним. Это слово распадается на части: *ијур* + *ми* [*икар* + *ми* (*и*)]. Такое разделение мотивируется существованием в азербайджанском языке форм *бирәр*, *үчәр*, *бешәр* и т. п., с одной стороны, и *алтыш*, *жетмиш* — с другой (*миш* 'десять', ср. *алтыон*, *једдион* в алтайском, тувинском и других тюркских языках). Таким образом, *ијурми* означает *икар он* 'дважды десять'. *Икар* впоследствии преобразовалось в *екиз*»¹⁶.

Следует заметить, что история азербайджанского числительного истолкована здесь неверно. Архетип этого числительного звучал как *јиг'ирбә*. *Ики* 'два' и *јиг'* — фонетически не сопоставимы, так как в *ики* нет начального *ј* и срединного *г'*. Также не было и *миш* в конце слова. Реконструкция архетипа в виде *јиг'ирбә* производится на основании данных якутского, шорского и тувинского языков, ср. якут. *су:рбә*, шор. *чегирбе*, тув. *че:рби*.

Ссылаясь на Н. К. Дмитриева, А. З. Абдуллаев приводит формы будущего времени типа *алмар* > *алмаз* 'он не возьмет', где, по его мнению, замена этимологического *г* звуком *з* производится только в 3-м лице¹⁷.

Однако этого не могло быть, так как *г* в тюркских языках не превращался в *з*. Звонкий конечный *з* в отрицательной форме аффикса *-маз* мог возникнуть в форме 3-го лица множественного числа типа *jazmazlar* из *jazmaslar* и затем проникнуть по аналогии в форму 3-го лица единственного числа.

¹³ А. З. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 38.

¹⁴ Там же, стр. 37.

¹⁵ Там же, стр. 39.

¹⁶ Там же, стр. 37.

¹⁷ Там же, стр. 40—41.

Что касается формы аффикса *-мар*, то здесь *р* представляет собой показатель обычного настоящего-будущего времени *г*, перенесенный по аналогии в отрицательный аффикс, отсюда *-таг* вместо *-таз* (из *-таз*).

Соноризация конечного *з* в аффиксе *-таз* наблюдается и в турецком языке, ср. турецкие формы *уазтаSSIP* 'ты не напишешь', *уазтазлаг* 'они не напишут'.

Далее А. З. Абдуллаев указывает на одинаковое происхождение аффиксов понудительного залога, ср. *tur-yur-du* 'он заставил встать' и *tur-yüz-du*¹⁸. Здесь речь идет, собственно, об аффиксах *-yur* и *-yüz*. В аффиксе *-yur* элемент *-ur* генетически родствен аффиксу настоящего времени *-ur*, ср. *уазур* 'он пишет'. А этот аффикс ни в одном из тюркских языков не чередуется с аффиксом настоящего времени *-üz*. Такого аффикса вообще нет.

Потом А. З. Абдуллаев приводит аффиксы глаголов *-суга*, *-сиге*, ссылаясь при этом на Н. К. Дмитриева, который писал по этому поводу: «Старинные тюркские глаголы типа *қауап-суга* 'лишиться хана' и *el-sige* 'лишиться племенного союза' происходят, по вероятным предположениям П. М. Мелиоранского (позднее были развиты Бангом и Рясняном), от основ с привативным аффиксом *-сыз/-сиз*, т. е. ближайшим образом от *қауап-сыз* 'не имеющий хана, без хана' и *el-siz* 'не имеющий племенного союза, без племенного союза'»¹⁹.

Однако это, на наш взгляд, не доказательство. Почему же переход *z~r* осуществился только в этих аффиксах? Во всех других случаях осталось *з*. Здесь требуется объяснение причины подобного явления, в противном случае это явление лишается какой бы то ни было доказательности.

Кроме того, само сопоставление аффиксов *-суга*, *-сиге* с привативным аффиксом *-сыз*, *-сиз* не обосновано. Аффиксы *-суга*, *-сиге* входят в ту категорию аффиксов, в которую входят также глагольные аффиксы *-сыз*, *-сиг*, *-тсыга*, *-тсиге* и т. д.

Аффикс *-сыг*, *-сиг* в древнетюркском языке имел значения симулятивности, например, ег *külsirdi* 'мужчина сделал вид, что смеется'.

Аффикс *-тсыга*, *-тсиге* в тюркских языках выражает малую меру действия, ср. тат. *көлемсиге* 'чуть смеяться', шор. *ылгамзыра* 'чуть плакать' и т. д.

Отсюда можно заключить, что привативное значение у суффиксов *-суга*, *-сиге* развилось на основе первоначального значения малой меры действия. Никакого отношения к привативному суффиксу *-сыз* эти аффиксы не имеют. Следует также добавить, что объяснение происхождения этих аффиксов алтаистами противоречит законам сочетаемости аффиксов в тюркских языках. Для тюркских языков совершенно не типичны глаголы типа *кулсыза* 'лишаться рук', *башсыза* 'лишаться головы', *аяксыза* 'лишаться ног' и т. д.

Сторонником идеи о возможности перехода *z~r* является и чувашский лингвист М. Р. Федотов²⁰.

В нашей статье, посвященной вопросу о том, что было первичным —

¹⁸ А. З. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 40.

¹⁹ Там же, стр. 37. См. также: Н. К. Дмитриев. Соотношение *р//з*. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I. Фонетика», М. 1966, стр. 194.

²⁰ Свои взгляды он достаточно ясно выразил в статье: М. Р. Федотов. Чувашско-монгольский ламбдаизм и ротацизм в свете двух тохарских заимствований в пратюркском языке. — «Советская тюркология», 1984, № 1.

*г*² или *з*²¹, мы утверждали, что причиной ротацизма *з* является ослабление смычки затвора *з* в интервокальном положении и в конце закрытого слога. Каким же образом полемизирует с этим положением М. Р. Федотов? От пишет: «Однако есть немало примеров того, что ослабление щели затвора не повлекло за собой перехода *з* > *г*. Так, в алтайских языках древнего периода встречаются слова с признаками *з* ~ *г*, хотя в них не произошло ослабления смычки согласных: *qutur* ~ *qutuz*... Даже в том случае, когда завершен процесс ослабления смычки согласных, *з* не ротируется. Например, переход заднеязычного глухого смычного *k* в спирант *x* (ослабление смычки налицо) не повлиял на качество звука *з*: кыпч.-половец. *хыз* (<кыз), но чув. *хёр* 'дочь, девушка'; крым.-тат. *хаз*, хак. *хас*, як. *хаас* (<каз), но чув. *хор/хур* 'гусь'...»²².

Приводя в качестве примера слова *qutur* и *qutuz*, М. Р. Федотов совершает ту же ошибку, что и А. З. Абдуллаев. Он не доказывает, почему единичное слово *qutuz* является исключением из фонетического закона. Помимо того, эти слова имеют совершенно разные аффиксы. В *qutur-ur* — это глагольный аффикс, а *-uz* в *qutuz* — аффикс прилагательного на *-uz*, ср. *jaуuz* 'бурый, темный'. Согласный *г* в *qutur* не произошел из *з*.

В нашей упомянутой выше статье отмечалось, что ослабление смычки могло произойти в самом *з*, что позволило ему превратиться в *г* в большинстве тюркских языков.

Причины ослабления начального *q* в тюркских языках совершенно другие. Здесь более трудно произносимое *q* превратилось в спирант *x*. Нельзя произвольно приравнивать одно ослабление затвора к другому. Ослабление смычки *k* в хакасском *хас* 'гусь' не имеет к нашему утверждению никакого отношения.

Интересна полемика, в которую вступает М. Р. Федотов с И. Бенцингом.

И. Бенцинг утверждает, что чувашское слово *пир* 'холст' некогда имело на конце *з* (ср. арабск. *bāzz* 'холст')²³.

Полемизируя с И. Бенцингом, М. Р. Федотов указывает, что «в чувашском языке есть не только слово *пир* 'холст, полотно', но и *пйс*, представляющее собой татарское заимствование: чув. *пйс* < тат. *бүз* < др.-тюрк. *böz* 'хлопчатобумажная ткань, холст, бязь'... ср. тат. *бәзәз* (<араб.) 'торговец тканями'... Об отношении чув. *пир* 'холст, полотно' к приведенным выше формам — судить трудно, но арабская форма *bāzz* (>др.-тюрк. *bez*, тат. *бәз/бәс* и др.) в чувашском языке в результате ротации превратилась бы в **пар*, ср. чув. *пар* 'желез' — др.-тюрк. *bez* 'желез', бубон', ср. калм., бур. *бер* 'затвердение на теле' и т. д.»²⁴.

М. Р. Федотов, очевидно, не учел, что древнее *ä* в чувашском языке могло превратиться не только в *а*, но и в *и*, ср. чув. *кил-* 'приходить' (из *kal-*).

«Тем не менее можно допустить, — пишет далее М. Р. Федотов, — что чувашские *пир* и *пйс* являются такой же парой, как, например, чувашское *кус* 'глаз' (~тюрк. *köz*) и *кур-* 'смотреть, глядеть' (~тюрк. *kög-*)»²⁵.

Но, по нашему мнению, это не доказательство первичности *р* в тюркских языках, а лишь предположение, причем не доказуемое. Кроме

²¹ Б. А. Серебrenников. Что было первичным *г*² или *з*? — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 13—19.

²² М. Р. Федотов. Указ. раб., стр. 66—67.

²³ «Philologiae Turcicae Fundamenta», I, Wiesbaden, 1959, стр. 697.

²⁴ М. Р. Федотов. Указ. раб., стр. 65—66.

²⁵ Там же, стр. 66.

того, *кус* 'глаз' и *кур* 'видеть' не составляют пары, так как конечное *с* в *кус* возникло под влиянием *пус* 'голова' (влияние целого на его часть).

И. Бенцинг предполагает, что чувашское слово *хырă/хыр* 'сосна' восходит к финно-угорской зетацирующей форме со значением «ель». Но чувашское *хырă/хыр* по своим звуковым особенностям (**a* > *ы*, **к* > *х*) и значению явно тюркское, ср. тув. *хады*, хак. *хазы* 'сосна' < каду²⁶. Однако какое это имеет отношение к доказательству первичности *г*, если первичным было *δ*? Кроме того, вряд ли И. Бенцинг был абсолютно неправ. Он считал, что в тувинском языке слово *хады* представляет собой заимствование из самодийских языков, а ненецкое *хады* 'ель' соответствует коми-зыр. *коз*, эрзя-морд. *коз* 'ель'.

М. Р. Федотов ссылается также на встречающееся в тюркских языках слово *jēs* 'медь', которое в настоящее время считается заимствованием из тохарского языка. Рона-Таш считает, что оно проникло в тюркские языки до появления ротацизма²⁷.

В современном чувашском языке «желтая медь», «латунь» называется *йес* и, судя по конечному -*с*, слово это скорее всего кыпчакского происхождения: башк. *ез*, миш. *йиз*, тат. *жиз*. Для решения этого вопроса М. Р. Федотов считает необходимым обратиться к следующему высказыванию В. И. Лыткина о том, что в русско-коми разговорнике XVIII века имеется слово *широе* 'свинец', которое может быть воспроизведено в виде *с'ир-ис* или *с'ыр-ис*, ср. названия металлов в коми языке типа *эз-ись* 'серебро', *оз-ись* 'олово'. Вторая часть этих слов (-*ись*), соответствующая удмуртскому -*весь* (в словах *аз-весь* 'серебро' и *уз-весь* 'олово'), обозначала какой-то металл; ср. фин. *vaski* 'медь', эрзя-морд. *уське* 'провода', венг. *vas* 'железо' и т. д. Какое значение имела первая часть слова *с'ыр-ис*? Имеются ли параллели к этому слову в других языках? На эти вопросы дают ответ чувашский и мокша-мордовский языки. Далее В. И. Лыткин приводит следующие слова из этих языков: мокша-морд. *серя* (*с'ер'я*) с разными значениями по диалектам: «медь», «железо», «серебро», «провода», «латунь», «металл». Паасонен это мордовское слово считает заимствованием из древнечувашского, предполагая в последнем форму *с'ег*, что соответствует тат. *jiz* 'латунь, желтая медь'. «Нам кажется, — отмечает В. И. Лыткин, — что данное мокшанское слово пришло из тюркского мира... по своему звуковому виду это слово совпадает с воспроизводимым чув. *с'ег*... Впрочем, не имеет ли отношение рассматриваемое древнекоми слово к следующим тюркским словам: чув. *с'ёрё* 'кольцо', *кус'ла* *с'ёрё* 'перстень, кольцо', которому соответствует тат. *йөзек*, башк. *йөзөк* 'перстень, кольцо' и т. д.? Таким образом, — заключает В. И. Лыткин, — имеется основание считать коми *с'ир* или *с'ыр* (в слове *с'ыр-ис* 'свинец'), как и мокша-мордовское *с'ер'я* 'медь, железо, латунь', древнечувашским заимствованием»²⁸.

Допустим, что в древнечувашском действительно существовало слово *с'ег*, означающее «желтая медь, латунь». Но как доказать, что конечное *г* здесь древнее конечного *з* в соответствующем татарском слове?

М. Р. Федотов считает, что лучше всего обратиться вновь к высказываниям Г. М. Рамstedта и Л. Лигети о том, что чувашский язык сохраняет наиболее древнее состояние (*г* из *з'*)²⁹.

²⁶ М. Р. Федотов, Указ. раб., стр. 66. Ссылка на «Этимологический словарь чувашского языка» В. Г. Егорова (Чебоксары, 1964, стр. 314).

²⁷ См.: «Вопросы языкознания», 1974, № 2, стр. 42.

²⁸ «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV. Ижевск, 1967, стр. 134—135.

²⁹ М. Р. Федотов, Указ. раб., стр. 70.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- 1) противники гипотезы о переходе z в r применяют совершенно неубедительные методы ее опровержения;
- 2) эти методы не опровергают указанную гипотезу, а, напротив, убеждают в бесплодности попыток ее опровержения;
- 3) z является первичным, а образующееся из него r вторичным явлением;
- 4) ротацизм z происходил самостоятельно в двух центрах: камско-булгарско-чувашском и в другом, находившемся где-то в Сибири.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. М. МУСАЕВ

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВ ОГУЗСКОЙ ГРУППЫ)

При изучении синтаксиса сложных предложений тюркских языков огузской группы придаточные предложения, в частности придаточные определительные, в большинстве случаев рассматривались в структурном аспекте, то есть по способам связи зависимых частей с главным компонентом [3, с. 162—164; 4, с. 121—181; 5, с. 18—20, 35—37, 44—45, 57—60; 6, с. 543—544; 7, с. 35—45; 8, с. 74—76; 10, с. 23—26; 11, с. 227—229; 12, с. 205—210; 13, с. 361—364]. Функциональная классификация определительных придаточных предложений в азербайджанском языке сводится рядом исследователей к трем типам [1, с. 225—249]. Однако сравнительно-сопоставительное изучение языков огузской группы показывает, что в современном азербайджанском языке существует не менее пяти функциональных типов определительных придаточных предложений. Конфронтативное и отчасти сравнительно-историческое изучение сложных предложений тюркских языков названной группы позволяет выявить все структурно-функциональные типы определительных придаточных предложений в этих языках. Подробная же структурно-функциональная классификация определительных придаточных предложений позволяет уточнить некоторые узловые моменты, то есть уровневые связи синтаксиса сложных предложений с морфологией в целом и, в частности, словосочетаний с категорией падежа.

В тюркских языках огузской группы придаточные определительные предложения связываются с главным предложением четырьмя синтаксическими способами: а) аналитическим; б) синтетическим; в) аналитико-синтаксическим; г) лексико-морфологическим.

Установленное А. Н. Кононовым бессоюзное лексическое подчинение [6, с. 514—527] должно, по-видимому, включаться в систему синтаксических способов связи компонентов сложноподчиненного предложения.

Однако изучать определительные придаточные предложения только на основе данных синтаксических способов связи, как это было принято раньше в большинстве исследований, недостаточно, поскольку во всех видах сложноподчиненных предложений эти синтаксические способы выступают в том или ином варианте, то есть по сути дела являются омонимичными моделями в системе тюркского синтаксиса. С учетом же указанных синтаксических способов функциональная классификация придаточных предложений позволяет глубоко проанализировать синтаксис тюркских сложных предложений.

В тюркских языках огузской группы предположительно существу-

ет семь структурно-функциональных типов сложноподчиненного предложения с придаточными определительными. Первые два типа этих предложений распространены в азербайджанском, турецком, гагаузском языках; третий — в азербайджанском, гагаузском, туркменском; четвертый — в азербайджанском; пятый — в азербайджанском, турецком, туркменском; шестой — в туркменском и седьмой — в азербайджанском, турецком языках.

Первый тип. В этом типе сложноподчиненного предложения придаточная часть находится в постпозиции и определяет любой член главного предложения, выраженный существительным. В главном же предложении перед определяемым словом употребляется «заменитель» определения — союзное слово, уточняющее тот или иной тип придаточных определительных предложений.

В системах сложноподчиненных предложений с придаточными определительными и в целом в сложноподчиненных предложениях, в которых зависимая часть грамматически относится к конкретному члену главного компонента, позиция придаточных предложений более устойчива. В таких системах сложноподчиненных предложений с точки зрения актуального членения компонентов придаточные предложения могут быть определены как рема, а главные — как тема, ибо в системе синтаксиса языка различные виды сложноподчиненного предложения определяются не главными, а придаточными предложениями.

В азербайджанском и турецком языках сложноподчиненные предложения с придаточными определительными не отличаются по синтаксической структуре. В этих языках присутствуют союзные слова: азерб. *елә* 'так, такой'; *бир* 'какой-то, еще, что-нибудь' и т. д. тур. *oyle* 'так, такой' и союз *ki* и т. д. Например: *Бир заман кәләчәкдир ки, вахти лә Мәһсәти ханьларна нифрәт бәсләјәнләрин нәвләри өз бабаларына нифрәт бәсләјәчәкдир* (М. С. Ордубади «Гылыч вә гәләм») 'Настанет время, когда внуки тех, которые питали ненависть к таким, как Мехсети-ханум, будут питать ненависть к своим дедам'; *Hala oyle yorgunsun ki, dinlemege tahammülün yok gibi geliyor bana* (N. Hikmet «Yeşil Elmalı») 'Мне кажется, ты такой усталый, что у тебя нет сил выслушать меня'.

В главных компонентах таких сложноподчиненных предложений обоих языков опускаются либо сказуемое, либо аффиксы сказуемости. Например: *Елә гудабурмасы, јери өмүрлүк ағрыјыр* (журн. «Улдуз») 'Такая острастка запомнится на всю жизнь'; *Həm bir milyon ki, hava ya sarfoluntuya* (A. Həmit «Finden») 'Нужен также один миллион, но чтоб его не пускать на ветер'.

В отличие от азербайджанского, в турецком языке употребляются сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, в которых компоненты связываются не подчинительными, а сочинительными союзами *ya, da/ve* [3, с. 163]. Например: *Dişarda benim bir odacı var ya, her zaman ki gibi sululuğa kaçan bir samimiyetle girdi içeri* [3, с. 163] 'Вне дома я держу привратника, который, как обычно, входит в комнату (букв. внутрь) с непринужденностью, переходящей в нахальство'; *Bu Tahir amcanın dört erkek karadaşı varmış da kimse bilmezmiş* [3, с. 163] 'У этого дяди Тахира было четыре брата, которых никто не знал'.

В современном азербайджанском литературном языке отмечается очень интересный вид подобных синтаксических единиц, представляющих собой придаточные предложения, выделившиеся из состава сложных. Например: *Бизә үмумијјәтлә шә'р дејил, заманәмизин, һәја-*

тымызын проблемлэри илэ ајаглашан, онун инкишафына тэкан верэн, бөжүк идеалларымызы вэсф едэн, инсанлары учалдан поезија лазымдыр. Елэ поезија ки, бир јел кими өтүб кечмэсин, һәмишэ өз атрини, тэравәтини сахласын (Газ. «Коммунист») 'В целом, нам нужен не стих, а поэзия, идущая в ногу с нашим временем, освещающая проблемы нашей жизни, дающая толчок ее развитию, воспевающая наши великие идеалы, возвышающая людей. Такая поэзия, которая не была бы мимолетной, как ветер, всегда сохраняла бы свою свежесть и аромат'.

В гагаузском языке сложноподчиненные предложения с придаточными определительными распространены более широко. Союзы здесь располагаются в зависимых предложениях. Кроме союза *ки* употребляются еще союзы *ани*, *аники*, *ангысы* 'который'; *ачан* 'когда'. Причем союз *ки* стал малоупотребительным. Например: *Кыз өлә гөзәлмиш, ани (аники, ангысы, ки) онун гиби хич бүйтүн дүйннедә йокмуш* («Буджактан сесләр») 'Девушка была такой красавицей, подобно которой не было во всем мире'; *Шиндийә кадар унудамыерим о гүнй, ачан бастым педучилищдә сөфте ешик ашыры* [5, с. 59] 'До сих пор я не могу забыть тот день, когда впервые переступил порог педучилища'.

В гагаузском языке в таких сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными компоненты связываются также союзными словами: *нәнда*, *нердә/нәанда* 'где'; *нерейи*, *нәаны* 'куда'; *нердән*, *нәандан* 'откуда'. Например: *Мити гезә-гезә, буләр бир ев, нәнда йашармыш Таш Фалайан, хем Гүрген Кыврадан, онун да карсыны йапмышлар изметчи* («Буджактан сесләр») 'Понскав, Мити нашел тот дом, где жили Таш Фалайан с Гургеном Кывраданом, которые сделали его жену своей прислугой'.

Второй тип. Придаточное определительное предложение находится в большинстве случаев в интерпозиции — после подлежащего и определения главного компонента [13, с. 362]. В таких сложноподчиненных предложениях части главного предложения располагаются в препозиции и постпозиции придаточного.

В лингвистической литературе подобные придаточные определительные предложения часто смешиваются с придаточными предложениями, включающими «предикативное» определение, которые необоснованно относятся к группе придаточных определительных [1, с. 240—243].

Однако придаточные предложения с «предикативным» определением, при их внешнем сходстве с придаточными определительными, по своей синтаксической структуре представляют с последними различные синтаксические единицы. Путаница связана с тем, что в придаточных предложениях с «предикативным» определением определяемое существительное актуализируется особой просодией и актуализатором *ki*. Однако это определяемое, следующее после так называемого [1, с. 240] придаточного предложения, не имеет никакой синтаксической связи с главным компонентом, расположенным в препозиции придаточного. Оно непосредственно связано лишь с придаточным компонентом. В таких предложениях актуализируемой и определяющей частью является неделимая синтаксическая единица, и тип этих придаточных предложений в целом зависит от конкретного главного компонента. Словом, **придаточные предложения с «предикативным» определением образуют единую систему подчинительной связи, что является отличительной особенностью придаточных предложений, формирующихся в процессе раз-**

вития азербайджанского литературного языка. Их синтаксические функции в сложноподчиненных предложениях определяются в основном местоимениями, входящими в главные компоненты в качестве союзных слов, расположение которых в предложении факультативно.

В зависимости от падежей союзных слов, выступающих в разных синтаксических функциях, определяемых главными компонентами, классифицируются и виды придаточных предложений. Когда эти союзы употребляются в именительном и родительном падежах, придаточный компонент является определительным придаточным предложением, когда же эти союзные слова выступают в других падежах, придаточный компонент, в зависимости от синтаксических функций «заменителя» — местоимения, квалифицируется как дополнительное придаточное предложение места, времени и т. д. Придаточные предложения с «предикативным» определением находятся в сложноподчиненных предложениях обычно в препозиции. Например: *Бир үрәк ки, дөндү, она сиз нејләјә биләрсиниз?* (М. Ибраһимов «Бөјүк дајаг») 'Если сердце от-вернется, что вы сможете с ним сделать?'; *Һәм ин евдә ки, биз јашајырдығ, орада бөјүк бир мағазә да вар иди* (Разгов. язык) 'В том доме, в котором мы жили, был еще и большой магазин'; *О чағы ки, о вахт һеч Тәһминә дә јер үзүндә јох и миш, һәлә атасыла анасы тәзә-тәзә кәзмәјә башлајыблармыш* (Журн. «Азербайчан») 'В то время, в ту пору, когда еще Тахмины не было на свете, ее отец с матерью только-только начинали встречаться'.

Придаточные определительные предложения, располагающиеся в интерпозиции, как указывалось выше, распространены в азербайджанском, турецком и гагаузском языках. Эти предложения встречаются на всех этапах развития азербайджанского литературного языка. Например: *Руһим ки, бәдәндәдир, сәниндир* (Физули) 'Пока душа в моем теле, она — твоя'; *О шәһәр ки, бу әһвәләт орада вагә олуб, Араз чајына јәвуг Азербайчан шәһәрләриндән биридир* (Ч. Мәммәдгулузадә «Өлүләр») 'Тот город, в котором произошло это происшествие, является одним из азербайджанских городов, расположенных вблизи реки Аракс'; *О иши ки, кәндистан јериндә сән башламышсан, мән давам етдирәчәјәм* (М. Ибраһимов «Бөјүк дајаг») 'То дело, которое ты начал в сельской местности, я продолжу'.

Исследуемые сложноподчиненные предложения с придаточными определительными в турецком языке структурно не отличаются от употребляющихся в азербайджанском языке. Например: *O kadınlar ki, dalları yerlere değen koyu gölgeli meyve bahçelerinde gülüp türkü söylemek, süslenip salına salına dolaştıktan başkasına alışmamış rahatlıktan se-mirmiş kadınlardı* (О. Kemal «Cemile»). 'Те женщины, которые ни к чему не способны, кроме как к смеху и распеванию песен, к неторопливым прогулкам по тенистым садам с раскидистыми деревьями, ветви которых касаются земли, пресытились пустым времяпрепровождением'.

В гагаузском языке весьма распространены придаточные определительные предложения в интерпозиции. Например: *О йыл, ани бан гечирдим сендә — ең анылмаа йылым беним* (Д. К. Чобан «Таманнык») 'Тот год, который я провел рядом с тобой, — самый памятный год во всей моей жизни'; *Күйн каршыкы йамажында, ани хайваннар хер йылын чийнәрдиләр, патакажыклар сыра-сыра чыкардылар та пайлар башына* [8, с. 74] 'На холме против деревни, на котором каждый год пасся скот, все тропинки вели к земельным участкам'.

Приведенные выше факты опровергают утверждение, что интерпозиция придаточных предложений в системе сложноподчиненных предложений в тюркских языках является следствием персидского влияния [9, с. 64—71], в частности, на азербайджанский язык. Между тем гагаузский язык, где это явление весьма распространено, территориально весьма отдален от персидского языка. В то же время он непосредственно контактирует с соседними нетюркскими языками — русским, румынским, молдавским, болгарским и т. д. Таким образом, есть все основания заключить, что в целом пре-, пост- и интерпозиции придаточных предложений в системе сложноподчиненного предложения представляют собой синтаксические универсалии, то есть типологическое явление, весьма характерное для многих языков мира, в том числе и для ряда тюркских.

Третий тип. Придаточное предложение заменяет определение, выраженное указательным местоимением в главном предложении. Расположение этих союзных слов, употребляющихся в главных компонентах, обычно бывает факультативным. Зависимый компонент предложения связывается с главным, помимо союзных слов, союзом *ki* и афоригированными частями *-mı¹*, *-sa²*. По синтаксическим функциям союзные слова, употребляющиеся в главных компонентах сложноподчиненного предложения с придаточными определительными предложениями, можно подразделить на две группы.

1. Главные предложения с союзными словами-местоимениями, употребляющимися в именительном падеже. Такие сложноподчиненные предложения с придаточными определительными имеются в азербайджанском и гагаузском языках. В азербайджанском языке они употребляются с «предикативным» определением. Например: *Бир мэмләкәтдә ки, эли габарлы экинчи балаларына чөрәк вермәк үчүн јол кәсмәјә мәчбур олачагса, о мәмләкәт чан үстүндәдир* (Ф. Кәримзadə «Худафәрин көрпүсү») 'Страна, в которой пахарь с мозолистыми руками будет вынужден разбойничать на дорогах, чтобы дать кусок хлеба своим детям, находится накануне гибели'.

В гагаузском языке придаточный компонент, выполняющий данную функцию, не имеет такой синтаксической структуры, точнее «предикативного определения». Например: *Ани бана ел верди, о адам колхозун конабили* (Разгов. язык) 'Человек, который поздоровался со мной за руку, — колхозный бухгалтер'.

2. Главное предложение с указательным местоимением в родительном падеже может быть и факультативным в том же падеже; придаточная часть при этом может находиться в пре- и постпозиции. Этот тип сложноподчиненных предложений с придаточным определительным распространен в азербайджанском и туркменском языках.

Данные придаточные предложения в азербайджанском языке выступают в соответствующей синтаксической функции в двух структурах:

а) с «предикативным» определением. Например: *Бир хөрәјә ки, сәнин элин дәјди, дадындан дојмагмы олар?* (М. Ибраһимов «Бөјүк дајаг») 'Можно ли насытиться едой, которой коснулась твоя рука';

б) с «непредикативным» определением. В этом случае придаточное предложение употребляется уже в пре- и постпозиции. Например: *Ки мичәри ахырда кирсә, онун билетини диггәтлә јохлајын* (Разгов. язык) 'Внимательно проверьте билет того, кто войдет последним'; *Бу онун нәтижәсидир ки, инди өлкәмиз совет вымпелини Аја кәндәрмәјә гадирдир* (газ. «Коммунист») 'Все это яв-

ляется результатом того, что наша страна в состоянии отправить советский вымпел на Луну'.

В туркменском языке в подобных сложноподчиненных предложениях придаточное предложение употребляется в препозиции и связывается с главным компонентом наряду с союзными словами и частицей *-ту*⁴. Например: *Сен яшмы, яш дәлми, онунам пархы ёкдур* (журн. «Совет әдебияты») 'Ты молод или нет, — неважно'; *Кимиң гойны йүз, онуң иши дүз, кимиң гойны элли, онуң гепи белли* («Накыллар ве аталар сөзи») 'У кого сто овец, у того дела в порядке, у кого полсотни овец — у того дела известны'.

Четвертый тип. Подобные сложноподчиненные предложения с придаточными определительными сходны с указанными выше предложениями, но лишь по внешнему виду. Они отличаются от анализировавшихся выше синтаксической структурой: в них определяемое выступает в функции союза, поскольку главное предложение располагается в препозиции. Придаточная часть связывается с главной при помощи определяемых, употребляющихся в главном компоненте в качестве указательного местоимения и союза *ki*, то есть сложного союза, связывающего компоненты сложноподчиненного предложения.

Такой тип связи компонентов сложноподчиненного предложения с придаточными определительными был обнаружен нами пока только в современном азербайджанском языке, прежде всего в языке азербайджанской прозы 70—80-х годов. Например: *Бағын јанына бурулду, о бағын ки, и јун күну јашыл «Москвич» ин и чиндә Тәһминәни көзләјирди* (журн. «Азәрбајчан») 'Завернул к саду, тому саду, где в июньский день в зеленом «Москвиче» он ждал Тахмину'; *Башга гадынларын нәвазиши онда өзүнә инам һисси ојадырды, о һисси ки, Тәһминәлә оlanda итирирди* (Журн. «Азәрбајчан») 'Ласки других женщин пробуждали в нем чувство уверенности в себе, то чувство, которое он терял, бывая с Тахминой, вернее, он никогда не мог ощущать его, будучи с нею'.

Как видно из примеров, в данных предложениях части *о бағын ки* 'тому саду, который', *о һисси ки* 'то чувство, которое' представляют сложные союзы, связывающие компоненты сложноподчиненного предложения. Такая синтаксическая структура сложноподчиненного предложения с придаточными определительными должна быть квалифицирована как новое языково-речевое «явление», обусловленное внутренними законами и литературным развитием данного языка и представляющее одну из отличительных особенностей сложных предложений изучаемых языков в целом.

Пятый тип. Придаточное предложение употребляется в препозиции и связывается с главным компонентом коррелятивной связью и аффиксом *-sa*². В азербайджанском и турецком языках в компонентах таких сложноподчиненных предложений с придаточными определительными употребляются коррелятивные союзные слова: *һансы* 'который', *нә* 'что', *о* 'он, оно, тот' и т. д., а определяемые члены повторяются в компонентах данных синтаксических единиц. Например: *Лакин нә кими шәртлә һөкмдар олмушсунузса, о шәртләри јеринә јетирмәлисиниз* (М. С. Ордубади «Гылынч вә гәләм») 'Однако на таких условиях, став правителем, вы обязаны выполнять их'; *Hangi köye vardılarsa, о köyü bomboş buldular* (Ү. Kemal «Açridağı Efsanesi») 'В какую бы деревню они не заходили, все были в запустении'.

Синтаксические единицы пятого типа наиболее широкое распростра-

нение получили в туркменском языке. В компонентах данных сложно-подчиненных предложений туркменского языка употребительны коррелятивные слова: *хайсы* 'какой, который, когда', *шол* 'тот, та, то', *ким* 'кто', *шонуң/шоң*, *кимиң-шонуң* 'чей, чье', *на хили* 'как', *шол ялы* 'подобно тому' и т. д. Например: *Он соң, хайсы гызы оңат гөр-йән болсан, шол гыз ядына дүшер* (А. Гурбанов «Гүлнар») 'После этого, какую бы девушку он не увидел, ему вспоминалась та девушка'.

Шестой тип. Данный тип сложноподчиненных предложений с придаточными определительными встречается только в туркменском языке. Он имеет специфичную синтаксическую структуру. Стоящее в препозиции придаточное предложение представляет собой чужую речь, определяющую конкретные члены главного предложения. Компоненты данных синтаксических единиц связываются союзными словами и лексико-морфологическим способом:

а) придаточное определительное предложение связывается с главным союзными словами *диен*, *дийлен* 'говоря, основываясь, исходя', *дабы* 'чтобы' и т. д. Связь придаточных предложений с главными посредством данных союзных слов широко распространена в туркменском языке и едва ли не является основным способом связи в системе туркменского синтаксиса. Например: *Бабаларымызын еди елчән бир бич диен накылы шулар ялы затдан гелип чыкандыр* (Х. Деряев «Ыкбал») 'Семь раз отмерь, один раз отрежь—эта мудрость наших дедов родилась в таких деяниях';

б) придаточное предложение связывается с главным бессоюзной связью, то есть лексико-морфологическим способом. Например: *Уруш ятды хабары тиз вагтда бүтүн дүняй ярады* (Разгов. язык) 'Известие об окончании войны за короткое время обошло весь мир'.

В тюркских языках бессоюзными сложными предложениями можно считать только такие синтаксические структуры, в которых союзные средства не употребляются даже факультативно. Компоненты таких синтаксических единиц связываются лексико-морфологическим способом, то есть предикативным оформлением сказуемых. Такой тип связи компонентов сложных предложений в исследуемых языках в целом отмечается, как уже указывалось выше, в турецком [6, с. 514, 521] и туркменском языках.

Седьмой тип. Этот тип сложноподчиненных предложений с придаточными определительными, употребляемый в письменных памятниках азербайджанского языка и в турецком языке, следует квалифицировать как особый вид изучаемых синтаксических единиц. В данных структурах придаточное предложение располагается в препозиции и связано с главным компонентом бессоюзной связью, определяя один из его членов, выраженный именем существительным. Характерно, что в таких синтаксических единицах сказуемое придаточных предложений всегда выражается спрягаемой формой глагола *демак* 'сказать'. В главном же предложении вместо союзных слов в качестве «заменителя» определения употребляется усилительная частица *бир* 'какой-то, еще, что-нибудь' и т. д.

В азербайджанском языке данные синтаксические структуры отличаются устойчивостью сказуемых компонентов сложноподчиненного предложения. Например: *Тәрсузамыш дерләрдди, оғузда бир јикит варды* [2, с. 63] 'У огузов был такой богатырь по имени Тарсузамыш'.

В турецком же языке сказуемое придаточной части таких синтаксических единиц употребляется, как и в азербайджанском, без форманта служебного глагола *idi*. Например: *Solak Karaca derlerdi*

sultan Bayleridin bir kulu var idi [6, с. 543] 'У Султана Баязеда была наложница по имени Сулак-Караджа'; *Kul Hasanın karısı derler kır saçlı bir kadın var* [6, с. 543] 'У слуги Гасана есть жена — седоволосая женщина'.

Таким образом, в грамматиках тюркских языков синтаксические структуры сложноподчиненных предложений, в которых придаточные предложения относятся к конкретным членам главного, должны изучаться на основе синтаксических функций слов, выступающих в главных предложениях в конкретных падежах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Э. З. Абдуллаев. Мүасир Азербайжан дилинде табели мурәккәб чүмләр. Баки, 1974.
2. Э. З. Абдуллаев. «Китаби Дәдә Горгуд» дастанларында табели мурәккәб чүмләр.—«С. М. Киров адына АДУ. Елми әсәрләр. Дил вә әдәбијјат серијасы», Баки, 1973, № 2.
3. А. Н. Баскаков. Предложение в современном турецком языке. М., 1984.
4. Н. З. Гаджиева. Типология придаточных предложений в современном азербайджанском языке.—«Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. III. Синтаксис», М., 1961.
5. Г. А. Гайдаржи. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союзного подчинения. Кишинев, 1981.
6. А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка М.—Л., 1956.
7. Н. Нартыев. Хәзерки заман түркмен дилинде гошма сөзлемин гурлушы. II. Эержеңли гошма сөзлем. Ашгабат, 1982.
8. Л. А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
9. Э. Ш. Садыгов. Азербайжан дилинин јазылы абидәләриндә ишләнмиш тәјин будаг чүмләли табели мурәккәб чүмләнни хусуси бир нөвү һаггында.—«Азербайжан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијјат, дил вә инчәсәнәт серијасы», Баки, 1976, № 1.
10. Д. Н. Танасоглу. Сложноподчиненное предложение в современном гагаузском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1965.
11. М. Хамзаев. Кәбир эержеңли гошма сөзлемлерин гурлушынын айратылыклары.—«Түркмен дилинин морфологиясынын ве синтаксисинин меселелери», Ашгабат, 1969.
12. М. Һүсејзадә. Тәјин будаг чүмләси.—«Мүасир Азербайжан дили. Синтаксис», Баки, 1962.
13. М. Ш. Ширәлијев. Тәјин будаг чүмләси.—«Азербайжан дилинин грамматикасы. II, Синтаксис», Баки, 1959.

Р. РАСУЛОВ

АГЕНСНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ СОСТОЯНИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Выражение отношения движения (состояния) к субъекту и объекту является одной из главных функций семантики глагола. Это аспектуальный и проблематический вопрос, непосредственно связанный с категорией залога глагола¹, составляет его объективную, экстралингвистическую сущность.

Залог как отдельная грамматическая категория полностью охватывает глагол, все его микросистемы. Глаголов, стоящих вне залога, не существует², так как категория залога считается «врожденным» грамматическим свойством, семантической потенцией глагольной части речи. «Залог — это категория, образуемая противопоставлением таких рядов морфологических форм, значения которых отличаются друг от друга разным представлением одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом»³. С категорией залога тесно связано и деление глаголов на переходные и непереходные⁴.

Отношения между движением (состоянием) и субъектом и объектом различны. В одной залоговой форме выражается непосредственная связь движения (состояния) логического субъекта с объектом, а в другой движение (состояние) субъекта заключено в нем самом. Объектом и субъектом состояния является сам процессор⁵. Ср.: *олмоқ* 'брат', *қолмоқ* 'оставаться', *тарамоқ* 'расчесывать', *беришмоқ* 'давать'. Поэтому А. Хаджиев правильно констатирует, что «...с изменением залоговой формы глагола изменяется и отношение движения к субъекту и объекту»⁶. Однако, независимо от отношения между движением (состоянием) и субъектом и объектом, движение (состояние) не выходит за пределы круга логического субъекта и объекта, оценивается как присущий им динамический или статический атрибут.

Различные отношения между движением (состоянием), субъектом и объектом выражаются в семантической структуре глагола, в реализа-

¹ См.: С. Н. Иванов. К вопросу о категории залога в определительных сочетаниях с формой на -ган в узбекском языке. — «Вопросы языкознания», 1957, № 2; его же. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959; В. В. Мартынов. Категории языка. М., 1982, стр. 111; И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981, стр. 74.

² «Русская грамматика», том I, М., 1980, стр. 614.

³ Там же, стр. 613.

⁴ Там же, стр. 614; «Современный русский язык», II, М., 1981, стр. 184.

⁵ См.: У. Турсунов, Ж. Мухтаров, Ш. Раҳматуллаев. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1975, стр. 182.

⁶ А. Ходжиев. Фейл. Тошкент, 1973, стр. 91.

ции его в предложении в определенной грамматической форме, каждая из которых связывается с конкретным залогом. Категория залога образуется совокупностью взаимно оппозитивных залоговых форм, и, в свою очередь, грамматическое категориальное залоговое значение в речи конкретизируется и репрезентируется в этих формах, так что взаимоотношения между категорией и формой залога связываются диалектически-ми отношениями общего и единичного. Другими словами, для выражения отношения между движением, субъектом и объектом категория залога не только «заставляет» глагол реализоваться в определенной залоговой форме, но и создает своеобразную грамматическую модель для предложения.

Категория залога расширяет семантическую универсальность глагола по отношению к предмету (объекту). В то же время она активно влияет также на лексико-семантическую, морфологическую и синтаксическую природу глагола.

Глаголы состояния в узбекском языке по экстралингвистическому субстрату выражают огромное множество процессов, связанных с явлениями природы, формированием мышления и поведением человека и т. д.

В процессе анализа глаголов состояния в узбекском языке по их семантическим компонентам удалось выявить следующие лексико-семантические группы данного семантического поля: 1) глаголы продолжительного состояния, 2) глаголы состояния, являющегося результатом движения, 3) глаголы состояния исполнения, 4) глаголы состояния движения, 5) глаголы состояния навыка, 6) глаголы образного состояния, 7) глаголы биологического состояния, 8) глаголы физиологического состояния, 9) глаголы психического состояния. В данных лексико-семантических группах «состояние» является архисемой, а «продолжительность», «результат движения», «исполнение», «движение», «навык», «образность», «биологическое», «физиологическое» и «психическое» — интегральной семой в пределах своей лексико-семантической группы.

Отношение глаголов состояния к залоговой форме в узбекском языке своеобразно. Несмотря на то, что глаголы состояния в основном непереходные, они могут иметь все залоговые формы, существующие в узбекском языке. В синтаксических конструкциях эти глаголы в действительном, возвратном, понудительном, страдательном и взаимном залогах реализуются в определенной семантико-грамматической функции.

I. Валентность агенса глаголов состояния в действительном залоге.

Глаголы состояния с интегральной семой «продолжительность», «результат движения», «исполнение», «движение», «навык», «образность», «биологическое», «физиологическое» и «психическое» употребляются в основном в действительном залоге. В этой категориальной форме они сочетаются со словом (именем существительным, местоимением и др.), реализующим валентность агенса, и вступают в соответствующие отношения с актантом. Агенсный актант глаголов состояния в действительной залоговой форме проявляется в характере объекта. Объектом состояния, выраженного в семантике глагола, является сам агент.

Агенсный актант глаголов состояния в действительном залоге с интегральной семой: «продолжительность» (*турмоқ* 'стоять', *ўтирмақ* 'сидеть', *ётмоқ* 'лежать...'), «результат движения» (*тўхтамоқ* 'остановиться', *тинмоқ* 'прекратиться', *зангламоқ* 'ржаветь...'), «исполнение» (*салқинламоқ* 'отдыхать в прохладном месте...'), «движение» (*кучаймоқ* 'усиливаться', *оғирлашмоқ* 'тяжелеть', *тезлашмоқ* 'ускоряться...'), «навык» (*кўникмоқ*, *одатланмоқ* 'привыкать...'), «образность» (*алангаланмоқ*

‘воспламеняться’, *михланмоқ* ‘быть пригвожденным’, *қаққаймоқ* ‘торчать...’, «биологическое» (*қаримоқ* ‘стареть’, *чанқамоқ* ‘жаждать’, *гулламоқ* ‘расцветать...’), «физиологическое» (*ухламоқ* ‘спать’, *озмоқ* ‘худеть’, *чарчамоқ* ‘уставать...’), «психическое» (*қўрқмоқ* ‘бояться’, *ҳаяжонланмоқ* ‘волноваться’, *ғазабланмоқ* ‘гневаться’) и т. д. реализуется в логических субъектах объектного характера.

В предикативных сочетаниях выражаются имеющиеся в виду состояния данных логических субъектов: *Дадам икки кечаю кундуз дастархонанинг эшиги олдида ўтирди* (А. Каҳҳор) ‘Отец два дня и две ночи сидел около двери...’. *Ёмғир тинди* (журн. «Гулистон») ‘Дождь прекратился’. *Оққушча аввалига уйга, одамларга кўникди* (Шухрат) ‘Лебеденок вначале привык к дому, людям’. *Дарахт гуллади* (журн. «Саодат») ‘Дерево расцвело’ и др. Здесь взаимосочетание компонентов предикативных словосочетаний—образование предикативных синтагм—осуществляется по классемам: «человек», «осадки», «птица» и «растение».

Следует отметить, что агенс определенных глаголов состояния в действительном залоге с интегральной семьей «результат движения», «исполнение», «образность», «физиологическое» и «психическое» в синтаксических конструкциях не встречается в функции объекта. Иными словами, в этом типе агенсный актант глаголов состояния не может быть объектом состояния, так как это не входит в его функциональную сферу. Объект выделяется, он отдельно реализуется в предложении в определенной словоформе. Именно в этом агенс отличается от вышеуказанного типа (агенса). Таким образом, в анализируемом типе не агенс, а объект переходит в определенное состояние. Необъектность агенса, а только его субъектность возникает из переходности определенных глаголов состояния с интегральной семьей «результат движения», «исполнение», «образность», «физиологическое» и «психическое».

В анализируемом типе агенсный актант реализуется только как первопричина состояния и вступает в необходимое логическое отношение с отдельным объектным актантом посредством значения глаголов состояния.

Агенсным актантом переходных глаголов состояния в действительном залоге с интегральной семьей: «результат движения» (*тамомламоқ* ‘заканчивать’), «исполнение» (*сақламоқ* ‘хранить’, *асрамоқ* ‘сохранять’, *ўқталмоқ* ‘направлять’), «физиологическое» (*чимирмоқ* ‘хмуриться’, *ёшламоқ* ‘прослезиться’), «психическое» (*ўртамоқ* ‘терзать’)—является лицо одушевленное: *Чол тўр ямашни тамомлади* («Ўзбек халқ эртаклари») ‘Старик закончил латать сетку’. *Бой ҳам отини сақлайди* (Ғ. Жаҳонгиров) ‘И бай бережет коня’. *Муаттар қошини чимирди* (А. Каҳҳор) ‘Муаттар нахмурила брови’. *Қиз юрак—бағримни ўртади* («Саодат») ‘Девушка истерзала мое сердце’ и др.

В функции агенса глаголов состояния с интегральной семьей: «результат движения» (*қопламоқ* ‘покрывать’), «образность» (*кўз-кўзламоқ* ‘выставлять напоказ’)—реализуются слова, обозначающие растения: *Ҳовузнинг ичини... супурги... қоплаган* (А. Каҳҳор) ‘Сорго покрыл пруд’. *Паркларда, боғларда... атир гуллар... ранглар нафосатини кўз-кўзлайди* (М. Исмоилий) ‘В парках, садах... благоухающие розы... красовались яркими красками’. Агенсный актант глагола состояния, являющегося результатом движения — *қопламоқ*, используется при обозначении частей тела, вещества, явления природы: *Кўксини қоплаган қордай оқ соқол* (Т. Ҳамид) ‘Белая как снег борода, покрывала его грудь’. *Осмонни қоп-қора булут қоплади* (Ф. Мусажонов) ‘Черное облако покрыло небо’. *Йўлларни қор қоплади* (А. Мухтор) ‘Снег покрыл дороги’.

Агенсным актантом переходного глагола состояния в действительном залоге с психической интегральной семой (*чулғамок* 'охватывать') является слово со значением «мысль», а агенсом глагола состояния этой же семантической группы — *ўртамоқ* — слово, обозначающее понятие «слава»: *Шоирни чулғайди ўйлар дафъатан* (А. Орипов) 'Поэта внезапно охватывают думы'. *Душманни ўртайди шаъни шавкатинг* (Ал-помиш) 'Слава твоя терзает врага'.

Таким образом, выполнение агенсом глаголов состояния функции объекта определенной лексико-семантической группы в действительном залоге, а иногда реализация агенса только в функции агенса (субъекта) непосредственно связано с непереходным и переходным характером глаголов состояния.

Некоторые переходные глаголы состояния в действительном залоге, обладающие отдельным объектным актантом, не отличаются от рассмотренных нами переходных глаголов. Однако, несмотря на это, агенс данных глаголов состояния считается не только «источником» состояния, но и его объектом. Поэтому он (агенс) адекватен агенсу объектного характера непереходных глаголов состояния. Семантический объект рассматриваемых переходных глаголов состояния в конструкциях предложения, несмотря на реализацию в отдельных грамматических формах и семантико-синтаксическую самостоятельность, не может быть в состоянии, произведенном агенсом. Он не является объектом, переходящим в состояние, произведенное агенсом, но точно показывает появление определенного состояния в агенсе, возникающего под воздействием какого-либо предмета.

Агенсным актантом в функции объекта переходных глаголов состояния в действительном залоге с интегральной семой: «исполнение» (*қўриқламоқ* 'охранять', *пойламоқ* 'поджидать') и «психическое» (*қизғанмоқ* 'ревновать', *қўмсамоқ* 'тосковать') — является преимущественно человек: *Орлов қишлоқ йўлларини қўриқлаёттибди* (Х. Фулом) 'Орлов охраняет сельские дороги'. *Сахарлаб йўлимни пойлар онажон* (О. Хожиева) 'Спозаранку мать поджидает меня'. *Искандаро уни қаттиқ қизғанди* (Ойбек) 'Искандара сильно приревновала его'... *Уйда гўдагингиз қўмсайди кўкрак* (Зулфия) 'Дома младенец тоскует по груди'.

Таким образом, независимо от реализации логического субъекта переходных глаголов состояния в функции агенса (субъекта) и объекта (агенс — объект), состояние в семантике глагола всегда находится в непосредственной связи с определенным объектом.

II. Валентность агенса глаголов состояния в возвратном залоге. Глаголы состояния с интегральной семой «исполнение», «физиологическое» и «психическое» в возвратной залоговой форме обладают валентностью агенса, реализующейся в основном именем существительным.

Основная характерная особенность возвратного залога заключается в том, что он преобразует объектный глагол в неobjектный. При этом исчезает понятие грамматического объекта⁷, однако утрачивается только речевая реализация, в действительности же объект не исчезает.

Когда глаголы состояния с интегральной семой «исполнение», «физиологическое» и «психическое» формируются в возвратном залоге, то вследствие их перехода в неobjектные, объектный актант перемещается

⁷ А. Хожиев. Указ раб., стр. 93; см.: Х. Г. Нигматов. Залоги глагола в восточно-тюркском языке XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 49.

в агенсный актанта. Агенса становится объектом⁸, то есть объектным актанта глаголов состояния выступает сам агенс. Поэтому исчезновение объекта относительно. Источник состояния семантически является и агенсом, и объектом. Следовательно, изменяется характер объекта, он становится агенсом. В то же время, сохраняя логическое выражение объекта, его грамматическое выражение (прямое дополнение) не реализуется, но переходит в потенциальную форму.

Агенса является объектом, а слово, реализующее агенса в речи, выполняет функцию подлежащего. При этом появляется семантико-грамматическая частичная симметрия.

Глаголы состояния в семантическом плане становятся адекватными непереходным и некоторым переходным глаголам состояния в действительном залоге и — непереходным глаголам состояния взаимного залога.

Агенса глагола состояния в возвратном залоге с интегральной семой «исполнение» (*сақланмоқ* 'сохраняться') является лицом одушевленное. В предикативном словосочетании выражается состояние исполнения, в котором находится субъект. Сема «личность» является классемой, соединяющей семемы компонентов словосочетания: *Эстетик туйғуси кучли одам... бировларнинг турмушини захарлашдан сақланарди* (М. Исмоилий) 'Человек с сильным эстетическим чувством... воздерживается от отравления жизни других'.

В функции агенса глагола физиологического состояния (*ёшланмоқ* 'прослезиться') реализуются слова, обозначающие части тела человека и животных. Классемой является сема «орган»: *Чолнинг кўзлари ёшланган* («Узбек халқ эртаклари») 'Глаза старика наполнены слезами'. *Сигирнинг тиниқ кўзлари ёшланган* (Н. Норматов) 'Прозрачные глаза коровы полны слез'.

Глаголы состояния с интегральной семой «физиологическое» (*намланмоқ* 'увлажняться') и «психическое» (*эзилмоқ* 'страдать') в действительности образуются присоединением формантов *-н*, *-ил* к лексемам, узואльно означающим значение движения. В данном типе образуется не только возвратный залог, но и окказионально реализуется значение состояния. То есть форманты *-н*, *-ил*, кроме типичной семантической функции, образуют в семеме глагола и сему «состояние». Взаимосвязь компонентов предикативного сочетания осуществляется классемами «орган» и «личность»: *Упкаси тўлиб, кўзи намланди* (М. Исмоилий) 'Он не сдержал себя, и глаза его увлажнились'. *Йўлчининг кўз олди қорайди, руҳан чуқур эзилди* (Ойбек) 'У Юлчи потемнело в глазах, он почувствовал глубокое душевное волнение'.

III. Валентность агенса глаголов состояния в понудительном залоге.

Глаголы состояния с интегральной семой «продолжительность», «результат движения», «движение», «биологическое», «физиологическое» и «психическое» реализуются в речи в понудительном залоге. Они составляют определенную семантическую синтагму с именем существительным, реализующим агенса.

Когда глаголы состояния употребляются в словоформе в понудительном залоге, возникают отношения субъекта и отдельного объекта, так как формант понудительного залога имеет потенциальную возможность выявлять такое отношение.

⁸ См.: А. Ф. Фуломов. Феъл. Тошкент, 1954, стр. 59; М. Миртожнев. Нисбат категориялари семантикаси ва улар формантлари генезиси. Утимишлик ва ўзлик нисбати. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1983, № 2, стр. 33.

Реализация глаголов состояния в понудительном залоге показывает, что они переходные, то есть в семеме непереходных глаголов состояния под воздействием форманта понудительного залога образуется переходность⁹. Переходность отмечает связь состояния, выраженного в глаголе, с определенным объектом. Этот объект не является агенсом, а представляет собой отличающийся от него самостоятельный объект. Агенса переходных глаголов состояния перестает быть объектом, ибо при образовании грамматической формы в понудительном залоге возникает не субъект (агенса) состояния, а объект. Следовательно, в этом типе агенса сохраняется только функции источника состояния. Поэтому глаголы состояния в понудительном залоге характеризуются агенсным и отдельным объектным актантом. Именно в этом выражается сходство с определенными переходными глаголами в действительном залоге.

Семантика глаголов состояния с интегральной семой: «продолжительность» (*қолдирмоқ* 'оставлять'), «результат движения» (*ўчирмоқ* 'выключать'), «движение» (*пасайтирмоқ* 'понижать'), «биологическое» (*ўлдиrhoқ* 'убивать'), «физиологическое» (*ухлатмоқ* 'усыплять') и «психическое» (*зериктиrhoқ* 'надоедать') — связана с понятием человека. Предикативные синтагмы указывают, что агенса является источником различных состояний, выраженных в объекте. Сема «личность» является классемой: *Марғуба... радиони ўчирди* (А. Каҳҳор) 'Марғуба... выключила радио'. *Иқбол хола овозини пасайтирди* (Ҳ. Ҳошимов) 'Тетя Икбал понизила голос'. *Эхсон иши ҳақида сўзлаб зериктиради* (А. Каҳҳор) 'Эхсан надоедает, говоря о работе'.

Предикативные сочетания в приводимых ниже фразах указывают на то, что «ветер» и «умолять» являются производителями (источниками) состояния, наблюдаемого в объекте. Компоненты предикативных словосочетаний связываются между собой по классемам «ветер» и «умолять»: *Чўл шамоли унниқтириб юборибди* (Н. Нуруллаев) 'Степной ветер сделал его черным'. *Фосих Афандини Ҳаётнинг ёлворишлари асабийлантирди* (М. Исмоилий) 'Мольба Хаята раздражала Фасиха Эфенди'.

IV. Валентность агенса глаголов состояния в страдательном залоге. Глаголы состояния с интегральной семой «результат движения», «исполнение» и «движение» в страдательной залоговой форме обладают валентностью агенса.

В глаголах страдательного залога внимание направляется не на агенса, а на объект: движение (состояние)¹⁰. В этом случае отношение объекта и состояния является основным, а агенса отходит на второй план и его активность ослабевает. Однако агенса не исчезает, его значение

⁹ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 193; А. Ҳожиев. Указ. раб., стр. 96; У. Турсунов, Ж. Мухторов, Ш. Раҳматуллаев. Указ. раб., стр. 186; Х. Г. Нигматов. Указ. раб., стр. 56.

¹⁰ См.: А. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей. — «Филологические записки», вып. 4—5, 1879; вып. 1, 2, 3, 4, 5, 1880; А. Ф. Гуломов. Указ. раб., стр. 58; А. Ҳожиев. Указ. раб., стр. 99—100; С. А. Шубик. Структура и функционирование залоговых конструкций в немецком языке. — В кн.: «Структура и объем предложения и словосочетания в индоевропейских языках», Л., 1981, стр. 79; «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог», Л., 1974; Х. Г. Нигматов, А. А. Цалкаламанидзе. Семантико-синтаксические группы глаголов и значение залоговых аффиксов в узбекском языке. — «Советская тюркология», 1979, № 3, стр. 54.

имплицитруется и носит неопределенный или обобщенный характер¹¹. Благодаря этому глаголы в страдательном залоге отличаются от глаголов в других залогах, особенно от глаголов в возвратном залоге.

В страдательном залоге сосредоточение основного внимания на диалектические отношения между объектом и состоянием закономерно, потому что цель предложения, составленного из предиката в страдательной залоговой форме,—охарактеризовать объект, определить присущие ему особенности и на этой основе сообщить определенную информацию.

Таким образом, причиной появления информации является объект, который переходит в состояние, выраженное страдательной залоговой формой, то есть указывает на определенный процесс. Поэтому логический субъект в предложениях с пассивной конструкцией в большинстве случаев не имеет эксплицитного выражения, ибо потребность в его употреблении не возникает. По нашему мнению, это можно расценивать как один из своеобразных видов речевой экономии. Такие предложения характеризуются выражением акта результата, который заключается в наблюдении за отношением объекта и состояния. В этом и заключается причина факультативности агенса. Однако существование агенса вполне закономерно, потому что каждое движение (состояние) — это результат непосредственного воздействия субъекта. Деятельность же субъекта реализуется в ситуациях, выражаемых глаголом. Различие состоит в том, что в таких (то есть пассивных) синтаксических конструкциях агенс наименее конкретен. А в активных конструкциях агенс отличается максимальной конкретностью. Активность или пассивность агенса определяются в зависимости от его связи с предикативным центром, реализующим предикат в определенной залоговой форме. Поэтому слова, реализующие агенс, будучи как единицы речи главными или второстепенными членами предложения, различаются в синтактико-функциональном плане. Такая речевая—функциональная—универсальность их в семантическом плане ограничивается выражением агенсного актанта.

Глаголы состояния в страдательном залоге с интегральной семой: «результат движения» (*ўчирилмоқ* 'тушиться'), «исполнение» (*сақланмоқ* 'храниться'), «движение» (*кучайтирилмоқ* 'усиливаться') в действительности образуются от переходных глаголов состояния присоединением к ним формантов *-ил*, *-н*.

Характерно, что и агенс, и объект состояния, выраженные в данных лексико-семантических группах глаголов состояния, являются самостоятельными. Благодаря этому они (глаголы состояния) отличаются от непереходных глаголов состояния в действительном, возвратном и взаимном залогах. Агенс непереходных глаголов состояния (употребляемых в действительном, возвратном и взаимном залогах) в то же время является объектом, ибо у этих глаголов не существует отдельного, самостоятельного объектного актанта.

То, что глаголы состояния в страдательном залоге обладают агенсом и объектом, объясняется их переходностью: переходом от формы повелительного залога к форме страдательного залога, следовательно, сохранением и объекта, и агенса. В действительном и взаимном залогах реализуется необъектность (агенс в характере объекта) непереходных глаголов.

¹¹ С. А. Шубик. Указ. раб., стр. 76; См. также: С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 126; Х. Г. Нигматов. Указ. раб., стр. 54, 55.

ходных глаголов состояния (в корневом виде), а в возвратном залоге — переходных глаголов (становящихся непереходными). Однако, несмотря на то что в страдательном залоге и агенс, и объект глаголов состояния самостоятельны, агенсный актант, как было уже сказано, в большинстве случаев грамматически не реализуется.

Важно также, что в предложениях словоформа, обычно реализующая агенс, расценивается не как агенсная, а как объектная валентность. Она (объектная валентность) в данном случае только формальна, а по особенностям реализации в основном падеже — адекватна валентности агенса. В действительности последняя означает объектный актант в состоянии, выраженном глагольным сказуемым. Поэтому она и считается валентностью объекта. В синтаксическом плане она также реализуется в форме подлежащего и поэтому сходна со словом, означающим агенс. Однако ее содержание показывает, что она выражает объект.

Таким образом, внешний звуковой план и план содержания дифференцируются. Адекватность слова, реализующего объектный актант в фонетическом отношении, со словом, реализующим агенс, грамматически выражается подлежащим, а семантически является объектным актантом. Иначе говоря, в пассивной конструкции слово, означающее агенс, не является подлежащим предложения. В этом случае подлежащим является предмет, то есть объект, состояние которого выражено глагольным сказуемым¹².

Итак, если в синтаксической конструкции слово, выражающее объект, считается подлежащим, то словоформа, означающая агенс, состоит из синтаксически нереализуемой аналитической формы (*улар томонидан*¹³ 'с их стороны') с семемой (классемой) «личность». Когда единица речи синтаксически реализуется, то она выполняет функцию косвенного дополнения¹⁴. Поэтому возникает семантико-грамматическая асимметрия. Ср.: *Кечга бориб ёнгин ўчирилди* (Ф. Жаҳонгиров) 'К вечеру пожар был потушен'. *Кечга бориб улар томонидан ёнгин ўчирилди* 'К вечеру с их стороны пожар был потушен'. Последняя синтаксическая конструкция, являющаяся расширенной формой предшествующего предложения, нехарактерна для акта речи. Ср. еще: *Бу нодир совғалар ҳозирги кунда Ўзбекистон кино санъати музейида сақланмоқда* (Тошкент ҳақиқати) 'В настоящее время ценные подарки хранятся в музее киноискусства Узбекистана'. *Бўлимда шу кеча-кундуз ёғзани суғориш кучайтирилган* («Совет Ўзбекистони») 'В эти дни в отделениях полив хлопчатника усилился'.

V. Валентность агенса глаголов состояния во взаимном залоге. Глаголы состояния с интегральной семой «продолжительность», «исполнение», «навык», «физиологическое» и «психическое» в грамматической форме взаимного залога имеют валентности агенса.

Глагольная форма во взаимном залоге требует больше одного агенса. Данная глагольная форма выражает состояние, осуществляемое

¹² См.: С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана, стр. 125; И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. Указ. раб., стр. 75; Е. Б. Аристова. Категория субъекта и агентивные синтаксемы в современном английском языке. — В кн.: «Категория субъекта и объекта в языках различных типов», Л., 1982, стр. 46; Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974, стр. 217.

¹³ См.: Х. Г. Нигматов. Указ. раб., стр. 55; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XII вв. из восточного Туркестана. М. — Л., 1961, стр. 167.

¹⁴ См.: В. С. Храковский. Диатеза и референтность (к вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций). — В сб.: «Залоговые конструкции в разноструктурных языках», Л., 1981, стр. 5 и след.

параллельно, совместно с несколькими агенсами. Специфическая особенность этой словоформы, как подчеркивает А. Н. Кононов, в том, что «...субъект является действующим лицом и объектом того же действия»¹⁵ или состояния.

Таким образом, во взаимном залоге глаголов состояния (как в действительном залоге непереходных и некоторых переходных глаголов состояния) отношение субъекта и объекта реализуется в самом агенте. Агентный актант выражается в характере объекта. Поэтому непереходные глаголы состояния в действительном и взаимном залогах сходны между собой.

В функции агента, реализуемого в основном именем существительным, глаголом состояния с интегральной семой: «продолжительность» (*ўтиришмоқ* 'сидеть вместе'), «исполнение» (*салқинлашмоқ* 'вместе отдыхать в тени'), «навык» (*одатланишмоқ* 'привыкать вместе'), «физиологическое» (*қорайишмоқ* 'почернеть вместе'), «психическое» (*қўрқишмоқ* 'бояться вместе') — выступает личность. Предикативные синтагмы означают состояния продолжительности, исполнения, навыка, физиологические изменения и психическое состояние, в которых находятся субъекты. Сема «личность» выполняет функцию классемы: *Эр-хотин... индамай ўтиришарди* (С. Ахмад) 'Муж и жена... сидели молча'. *Сада соясида салқинлашади* (С. Юнусов) 'Отдыхают в тени густого вяза'. *Кўчманчи қирғизлар идиш-товоқни... турли материаллардан яшагга одатланишган* («Фан ва турмуш») 'Кочевые киргизы привыкли изготавливать посуду из разных материалов'.

Агентный актант (личность) глаголов состояния с интегральной семой: «продолжительность» (*ўтиришмоқ* 'сидеть вместе'), «психическое» (*ачинишмоқ* 'огорчаться вместе') в синтаксических конструкциях выступает не в единственном числе: *Қичап билан Барот эса ари кам чаққанига ачинишди* (Ф. Жаҳонгиров) 'Кичап и Барат огорчились тому, что оса слабо ужалила'. *Уйга келсам, ҳовлидаги стол атрофида бобом, бувим, дадам ўтришибди* (С. Юнусов) 'Когда пришел домой, во дворе вокруг стола сидели бабушка, бабушка, отец'.

Таким образом: 1) выражение отношения движения, состояния, направленных на субъект и объект, является одной из главных и важных функций семантики глагола. Залогами, как отдельными грамматическими категориями, полностью охватывается глагол и все его микросистемы. Залог активно влияет на лексико-семантическую, морфологическую и синтаксическую природу глагола; 2) глаголы состояния в узбекском языке по своему экстралингвистическому субстрату выражают определенные процессы, связанные с природой и обществом, растительным и животным миром, биологией, физиологией и психикой человека; 3) глаголы состояния в синтаксических конструкциях реализуются в действительном, возвратном, понудительном, страдательном и взаимном залогах; 4) глаголы состояния с интегральной семой: «продолжительность», «результат движения», «исполнение», «движение», «навык», «образность», «биологическое», «физиологическое» и «психическое» — реализуются в речи в основном в действительном залоге. Агентный актант глаголов состояния в действительной залоговой форме находит выражение в характере объекта. Агентный актант некоторых глаголов состояния в действительном залоге с интегральной семой: «результат движения», «исполнение», «образность», «физиологическое» и

¹⁵ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 188; См. еще: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 74.

«психическое» в функции объекта в синтаксических конструкциях не выступает. Необъектность агенса, а только его субъектность вытекает из переходности определенных глаголов состояния. Агенси некоторых переходных глаголов состояния в действительном залоге с интегральной семой «исполнение» и «психическое», несмотря на то что они имеют отдельный объектный актанта, является не только производителем (источником) состояния, но также и объектом произведенного состояния. Объектный актанта точно указывает на появление определенного состояния в агенсе, возникшего под влиянием какого-либо предмета; 5) возможность сочетания глаголов состояния в узбекском языке с прямым объектом, то есть их переходность, заслуживает особого внимания; 6) глаголы состояния с интегральной семой «исполнение», «физиологическое» и «психическое» реализуются в предложении в возвратной залоговой форме. Агенси во всех случаях считается объектом. Эти глаголы в семантическом плане становятся адекватными непереходным и некоторым переходным глаголам состояния в действительном залоге и непереходным глаголами состояния — во взаимном залоге; 7) глаголы состояния с интегральной семой «продолжительность», «результат движения», «движение», «биологическое», «физиологическое» и «психическое» реализуются в речи в повелительном залоге. Агенси здесь не считается объектом. В данном пункте указанные глаголы адекватны с определенными переходными глаголами в действительном залоге; 8) глаголы состояния с интегральной семой «результат движения», «исполнение» и «движение» в страдательной залоговой форме обладают валентностью агенса. В этом проявляется отношение объекта и состояния, что является основным, главным, тогда как агенси — второстепенным. Активность последнего ослабевает. Это составляет сущность страдательного залога — пассивной конструкции. Агенси глаголов состояния в страдательном залоге (как в глаголах состояния в повелительном и в определенных переходных глаголах состояния в действительном залоге), не будучи объектом состояния, отличается от агенса непереходных глаголов состояния в действительном, возвратном и взаимном залогах; 9) глаголы состояния с интегральной семой «продолжительность», «исполнение», «навык», «физиологическое» и «психическое» реализуются в синтаксических конструкциях во взаимном залоге. Агенси глаголов состояния во взаимном залоге проявляется в характере объекта. Он сходен с агенсом непереходных и некоторых переходных глаголов состояния — в действительной и непереходных глаголов состояния — в возвратной залоговых формах.

Э. А. УМАРОВ

ОБ «ИКАНИИ» И «ЭКАНИИ» В ГЕРАТСКОМ ДИАЛЕКТЕ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА XV ВЕКА

Изучение памятников орхон-енисейской письменности показывает, что в их языке нашли отражение диалектные особенности. В частности, одни и те же слова в разных памятниках пишутся то с буквой *i*, то *e*. Так, слово, означающее «народ», в одних памятниках пишется *il*, в других — *el*; слово, выражающее понятие «дай» или «давай», пишется то *bir*, то *ber*; слово с семантикой «земля» пишется то *jir*, то *jer*.

А. Н. Кононов указывает, что впервые на это чередование звуков *i* — *e* обратил внимание В. В. Радлов [1, с. 36]. Позднее это явление отмечалось и И. А. Батмановым [2, с. 116—125], который писал, что в енисейских памятниках № 6, 15, 29 и в памятниках Тоньюкука, Кюль-Тегина, Могиляна, Суджи, Моюнчура вместо *e* употребляется *i*.

На эту фонетическую особенность указывал еще Махмуд Кашгари в «Дивану лугат-ит-тюрк»: «канжаки многие слова произносят с касрой: *sin* 'ты'». И далее: «... тюрки слово „верблюды“ произносят с касрой *tivi*, огузы и с ними рядом живущие произносят *teve*. Тюрки *d* произносят с касрой: *bardim* 'пошел'. Это по правилу. Огузы и другие *d* произносят с фатхой: *bardem*. Это не по правилу».

К сожалению, как указывает С. Муталлибов, турецкий издатель «Дивану лугат-ит-тюрк» Бесим Аталай, считая слова с пометой «какра» написанными ошибочно, транслитерирует их с фатхой, то есть вместо *i* пишет *e* [3, с. 153].

На широкое распространение в средневековых памятниках «икания» указывал также Агах Сирри Левенд [4, с. XIV].

А. Н. Кононов, тщательно изучивший этот вопрос, показал, что данное явление представляет собой важный классификационный признак языка древнетюркских памятников. Он пишет: «...деление древнетюркского языка следует дополнить делением по очень важному признаку, проходящему красной линией по всей истории тюркских языков и являющемуся характерным классификационным признаком, который проявляется в чередовании узких и широких, передних и задних гласных в корнях-основах» [1, с. 36].

Наличие чередования звуков *i* и *e* в тюркских языках убедительно подтверждается материалами староузбекско-персидского словаря XV века «Бадаи-ал-лугат» («Редкости слов») [5]. Этот словарь, составленный крупнейшим лексикографом своего времени Тали Имани по приказу тимурида Султана Хусейна с целью увековечения памяти Алишера Навои, представляет собой первый научный глоссарий языка Навои. Исследование этого словаря показало, что в нем зафиксированы весьма

важные фонетические и лексические особенности гератского диалекта староузбекского языка XV века. Объясняется это тем, что Тали Имани при составлении своего словаря опирался на лучшие традиции арабо-персидской лексикографии.

Для передачи правильного чтения и произношения толкуемых слов автор словаря излагал «порядок следования звуков в слове и давал их характеристику» [6, с. 123]. Так, интересующее нас явление «икания» он передает посредством пометы *bil kasr* [7, с. 260] 'с касрой', а «экание» — пометы *bil fath* 'с фатхой', то есть через *e* [8]. Например, при описании слова, означающего «седло», Тали Имани сначала приводит самс это слово, затем объясняет его фонетическую структуру, пользуясь пометой *bil kasr*, указывая тем самым на употребление в первом слоге узкого гласного *i*:

igar — *bil kasr*... 'седло', стих:

Nam áltun igar dayi áltun ližam
Nam áltun taqa dayi áltun sitam (306)¹

'Также золотое седло и золотые снаряжения,
 Золотая подкова, также золотая сбруя'.

Аналогично объясняется фонетическая структура слова, означающего «пятьдесят». Тали Имани при описании данного слова ставит помету *bil kasr*:

Illik — *bil kasr*... 'пятьдесят', рубаи:

Illik bila áltmišqa jitti qadamim
Jir haq sabb itmadi irkin raqamim
Ni turfaki ajturmadi rangin qalamim
Kim jeq biridin hatir ara žam alamim (346)

'Достиг я возраста между пятьюдесятью и шестьюдесятью,
 Ни о чем не могу свободно писать.
 Каких только диких ни описало мое многоцветное перо,
 Но в памяти не сохранилось ничего, кроме печали'.

Лексикографическая помета *bil kasr* стоит и возле предлога «до», что указывает на то, что данное слово нужно читать с гласным *i*:

tigru — *bil kasr*... 'до', 'вплоть до'... Бейт:

Capib Hisravning urdusiqa tigru
Qaju urduki qaršusiqa tigru (546)

'Добежав до орды Хосрава,
 И не только до орды, но и до него самого'.

Тали Имани данную помету ставит и возле слова со значением «одержимый», «безумный»:

tilba — *bil kasr*... 'одержимый', 'безумный'... Стих:

Lavli šavqidin kongul hursand irur hunab ičib
Tilbaga rangin su birsang maj diban hušnud irur (536)

'Страсть к ее рубинам-устам радует сердце, глотающее кровавые слезы.
 Если подать безумцу красную воду, он возрадуется, думая, что это вино'.

Помета *bil kasr* стоит и при описании фонетической структуры слова, означающего «корабль». Это указывает на то, что данное слово в XV веке в Герате произносилось как *kīma*, а не как обычное для того

¹ Цифры в скобках указывают на страницу рукописи.

времени кема. Кстати, эта форма слова подтверждается рифмами, используемыми Алишером Навои. Так, в «Хамсе» поэт данное слово везде рифмует со словом *nima* 'вещь':

*Su uzra surub benihojat kima,
Solib anda bori keraklik nima* [9] и т. д.

'По реке плавали лодки без счета,
Имея на борту все необходимое'.

Словарь Тали Имани показывает, что современное слово *bel* 'поясница' в XV веке произносилось как *bil*. Такая форма слова подтверждается рифмами, используемыми Навои:

*Kimki maxluq xizmatiya kamar
Cust itar jaxširaq ušalsa bili
Qol qavuşturyuça bu avladur
Kim aning çiqsa igni sinsa ili
Cun hušamad demakni başlasa kaš
Kim tutulsa dami kisilsa tili* [10].

'Кто будет служить подлому негодяю,
Пусть у того сломается поясница.
Кто будет покорным ему,
Пусть у него плечо вывихнется, сломается рука,
Кто начнет угождать ему,
Пусть (у того) дыхание пересохнет, упадет язык'.

Словарь «Бадаи-ал-лугат» указывает на многочисленность примеров «икания» в языке Навои: *ilak* (276) 'сито', *ismak* (306) 'дуть', *ikilmak* (316) 'посев', *ikan* (31a) — форма прошедшего времени; *ivugmak* (346) 'поворачивать', *igirim* (346) 'водоворот', *bişik* (426) 'колыбель', *ting* (546) 'равный', *dikla* (57a) 'кафтан, надеваемый перед сражением', *din* (57a) 'из', 'от', *kingaš* (756) 'совет'.

Чтение рукописей Алишера Навои показывает, что помимо этих слов, приведенных Тали Имани, в них имеется еще немало и других слов с «икающим» произношением:

*Xuradmand çin sözdin özga dimas
Vale bari çin ham digulik imas* [11, с. 123].

'Мудрец одну лишь правду говорит
Но кое-что он про себя хранит' [12, с. 103].

*Ker dimak birla belmayil nadan
Ker jimak birla belmayil hajvan* [11, с. 142].

'Поменьше, друг, болтай и дураком не будь
Поменьше ешь и пей, мой друг, скотом не будь' [12, с. 92].

*Quşdin irmas xali ar kərning ili
Lek faxm elmas biriga quş tili* [13, с. 194].

'Птицы ведомы всюду, где род человеческий,
Но сокрыты от всех тайны птичьих наречий' [14, с. 295].

*Tiği qatil tartiban juz ming çirik
Közga kilmaj anda qaqimça irik* [13, с. 161].

'Там в ста тысячах орд каждый воин с кинжалом,
Как ворсинка, предстанет ничтожным и малым' [14, с. 228].

Современная транслитерация произведений Навои, повсюду заменившая *i* гласным *e* в аналогичных словах, привела к искажению рифмы Навои. Подобная модернизация фонетической структуры слова, с нашей точки зрения, противоречит важнейшему закону восточного стихосложения — обязательной и точной рифме. Например, в следующем бейте из «Махбуб-ал-кулуб»:

Xuštur xiradi көр el seziga kirmak
Ne bazi emak xušu ne bazi bermak [15]

трудно предположить, что слово kirmak Навои рифмовал со словом bermak. На основе электрокимографической записи было установлено, что общая длительность гласной *e*, произнесенной при частоте основного тона 160 *гц*, равна 200 *мс*, а гласного *i* — 150 *мс* [16]. Таким образом, при рифме kirmak—bermak нарушается характерная для поэзии Навои абсолютная точность рифмы².

Наряду с многочисленными примерами «икания» Тали Имани приводит и несколько примеров «экания». Поскольку гласный *e* произносится более открыто, чем узкий гласный *i*, Тали Имани «эkanie» передает посредством пометы бил фатх 'с фатхой'. Например, описывая слово, означающее «после», Тали Имани прибегает к этой помете, как бы указывая тем самым на употребление в первом слогe полуузкого *e*:

kejin — *k* с фатхой, *j* с касрой означает 'после'... бейт:

Ru ba ru bөлqäç juzung yam šami ällimdin kitar
Saja tuškandik kejin xuršid bolgaç utrudin (736)

'Когда твое лицо передо мною, ночная печаль уходит,
Так возникает тень, при появлении светила'.

Помета bil fath стоит и перед словом kejik — *k* с фатхой, *j* с касрой — «род горных газелей». См. бейт:

Girdida kejik tola jabani
Ul ortada ajlakim šabani (736)

'Вокруг в пустыне полно оленей,
Он (Меджнун) в центре, как чабан'.

Лексикографическую помету bil fath Тали Имани ставит и возле слова kelin 'невеста', тем самым подчеркивая, что его следует читать с полуузким *e*:

kelin — *k* с фатхой 'невеста'.... стих:

Kob zijnatu ajlab ikavni
Gulčexra kelin bila kejavni (73a)

'Сильно разукрасили обонх—
Красивую невесту и жениха'.

Приведенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Исследование памятника XV века «Бадаи-ал-лугат» («Редкости слов») подтверждает мнение ученых о наличии чередования звуков *i* и *e* в тюркских языках.

2. Для языка Алишера Навои, в основе которого лежит гератский диалект староузбекского языка, «икание» является более характерным нежели «эkanie», что должно учитываться в текстологических исследованиях.

² Насколько Алишер Навои был последователен в своей приверженности точной рифме, можно судить по следующему факту. В «Мажалис-ан-нафанс» («Собрание избранных») он, цитируя бейт Атаи:

Ul sanamkim su jaqasida paridek ölturur

Yojati nozukligidin su bila jytsa bөлur

'Та красавица, которая сидит, как перн, у берега,

Настолько грациозна, что можно ее запить единым глотком воды', критикует поэта за неточную рифму bөлur—ölturur и пишет: «В рифмах его есть некоторые погрешности». См. об этом: Алишер Навои, т. 9, Ташкент, 1970, стр. 57. Перевод С. Ганиевой.

3. Если согласиться с утверждением Махмуда Кашгари о том, что «икание» было характерно для канжаков [3, с. 153], то закономерно заключить, что канжаки сыграли важную роль в формировании староузбекского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VI—VIII вв. Л., 1980.
2. И. А. Батманов. Следы говоров в языке памятников орхон-енисейской письменности.—В сб.: «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964.
3. Махмуд Кошғарий. Девону лугатит турк. Т. III. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. Муталлибов. Тошкент, 1963, стр. 153.
4. Ağâh Sırrî Levend. Ali Sir Nevali. Cilt I, Ankara, 1965.
5. А. К. Боровков. Бадаи-ал-лугат. Словарь Тали Имани Гератского. М., 1961.
6. С. И. Баевский. Средневековая персидская лексикография.—В кн.: «История лингвистических учений. Средневековый Восток», Л., 1981.
7. А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 260.
8. Иранские тюркологи пометой фатх 'открытое' передавали также полуузкие гласные е и ө; см.: «Персидско-русский словарь». М., 1960, стр. 363; «Арабско-русский словарь», М., 1960, стр. 374.
9. Алишер Навоий. Хамса. Тошкент, 1960, стр. 669.
10. Алишер Навоий. Фаройиб-ус-сиғар. Тошкент, 1959, стр. 725.
11. Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов. М.—Л., 1948.
12. Алишер Навои, т. 10. Ташкент, 1970. Перевод А. Старостина.
13. Алишер Навоий. Лисон-ут-тайр. Илмий-танқидий текст. Тайёрловчи Ш. Эшонхўжаев. Тошкент, 1965.
14. Алишер Навои, т. 8, Ташкент, 1970. Перевод С. Иванова.
15. Алишер Навоий, т. 13, Тошкент, 1966, стр. 59.
16. А. Махмудов. Гласные узбекского языка. Ташкент, 1968, стр. 42—43.

В. Г. КОНДРАТЬЕВ

ЯЗЫК ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И СТАРОАНАТОЛИЙСКО-ТЮРКСКИЙ ЯЗЫК XIII—XV ВЕКОВ

Турецкий письменно-литературный язык развился на базе староанатолийско-тюркского языка [1, с. 257]. Последний является «прямым предком турецкого языка в пределах его распространения» [2, с. 14], будучи предшественником турецкого литературного языка в двух его разновидностях—письменной и разговорной [1, с. 261]. Староанатолийско-тюркский язык иногда называют «староосманским», однако этот термин неточен, так как ранние его памятники относятся к XIII веку [1, с. 281], то есть они были созданы еще до возникновения Османского государства (в 1299 г.) [2, с. 13]. Староанатолийско-тюркский язык «должен рассматриваться как совокупность языков или диалектов той части огузских племен, которая входила в сельджукское объединение и обосновалась в Малой Азии» [там же]. Базой староанатолийско-тюркского языка явились фонетико-грамматические и лексические элементы трех групп тюркской семьи языков (огузской, кыпчакской, карлукской) с преобладанием огузской основы [1, с. 257].

Грамматический строй староанатолийско-тюркского языка близок к грамматическому строю современного турецкого языка. Вместе с тем староанатолийско-тюркский язык имеет ряд специфических черт, которые отличают его от современного турецкого языка и сближают с языком памятников древнетюркской письменности Монголии и Турфана — памятников рунической, манихейской и уйгурской письменности VIII—XI вв.¹ К этим чертам относятся следующие [1, с. 262—263; 2, с. 40—79; 3, с. 161—181].

Определение в составе субстантивного словосочетания может быть в форме основного падежа и в том случае, если существительное-определение обозначает конкретный предмет или имеет аффикс принадлежности: *Şatat pamäsi* 'письмо от Шатата' [2, с. 79], *bānżüm gömişi* 'серебро моего лица' [3, с. 168]. В отдельных случаях аффикс винительного падежа имеет форму *-ni*, как и в более поздних древнеуйгурских памятниках: *sözümni* 'мою речь' [там же]. После аффикса принадлежности 3-го лица наряду с аффиксом *-ni*, как в современном турецком языке, используется аффикс *-n*. Местный падеж иногда употребляется в директивном и аблативном значениях: *Bunda sän düşäli* 'С тех пор, как ты спустился сюда' [там же, с. 169], *Ögindä gäcär* 'Через твой разум проходит' [там же]. Инструментальный падеж *-yn* и сравнительный падеж *-ça* еще сохраняют продуктивность: *biñ gäzin* 'тысячу раз' [там же],

¹ Памятники древнетюркской письменности; далее — ПДТП.

kuşca 'как птица' [2, с. 45], adâtinčâ 'по своему обыкновению' [там же], jolca gidü 'идя по дороге' [там же].

Предикативные показатели в староанатолийско-тюркском языке в ряде случаев те же, что и в языке ПДТП, то есть совпадают с личными местоимениями или близки к ним. В качестве предикативного показателя 1-го лица единственного числа иногда используется *mân*, в более ранних памятниках староанатолийско-тюркского языка предикативный показатель 2-го лица единственного числа *-sân*, в 3-м лице единственного числа, хотя и редко, употребляется *-ol*. В 1-м лице множественного числа предикативный показатель *-uuz*, во 2-м лице множественного числа предикативный показатель *-syz*.

В староанатолийско-тюркском языке очень широко используется форма будущего времени *-a*. Она выступает «центральной формой подгруппы форм будущего в памятниках раннего и отчасти среднего периода» [4, с. 39]. Форма *-a* прямо соотносится по своим свойствам с формой *-gaj* в языке ПДТП [там же] (форма *-a* восходит к форме *-gaj*). Как и форма *-gaj*, форма *-a* может передавать модальные оттенки: «Модальные преобразования постепенно выводят *-a* за пределы индикатива. Памятники среднего и нового периода еще стойко сохраняют эту форму, но в основном с указанными модальными значениями, что обусловило ее толкование как оптатива» [4, с. 40]. Наличие модальных оттенков позволяет включить форму *-a* и в состав временных форм изъявительного наклонения, и в состав таких косвенных наклонений, как желательное наклонение [2, с. 59—60, 64].

Другая форма будущего времени в староанатолийско-тюркском языке — форма *-asy*. В зависимости от контекста она могла выражать дополнительные значения долженствования и намерения. Форма *-asy* восходит к форме *-syq* в языке ПДТП. Э. А. Грунина пишет: «Представляется правомерным сопоставление огузо-кыпчакской формы *-asy* с древнетюркским *-syq*, где оно уже выступало с функцией глагольного имени со значением свойства, склонности, долженствования» [4, с. 43].

Форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения может принимать аффикс *-gyl*, усиливающий значение повелительного наклонения. 3-е лицо повелительного наклонения образуется с помощью аффикса, имеющего всегда губной гласный: *-sun*.

Очень широко в староанатолийско-тюркском языке распространена субстантивно-атрибутивная глагольная форма *-duq*. Как и в языке ПДТП, в аффиксе этой формы узкий гласный всегда губной. Отмечены некоторые случаи ее использования в предикативной функции в отрицательном аспекте в значении перфекта: Dillärindä qalmađuq hiç nâvâ söz 'На их языках не осталось никаких слов' [3, с. 174]. В функции предикативного обстоятельства причины в сочетании с послелогом *içün* и в отдельных случаях в функции предикативного определения форма *-duq* может не принимать аффикса принадлежности (в современном турецком языке употребление аффикса принадлежности является обязательным): Gärçäk söjlädük içün 'Так как он сказал правду' [3, с. 174]. İçärü girdük jerdä 'Там, куда он вошел' [там же].

Используются деепричастия *-uban* и *-madyn*. Деепричастие *-uban* передавало отнесенность одного действия к другому, деепричастие *-madyn* имело то же значение, но в отрицательном аспекте, указывая на отсутствие действия. В современном турецком языке деепричастие *-madyn* приняло форму *-madan*, а деепричастие *-uban* не употребляется. В староанатолийско-тюркском языке деепричастие *-a* может выступать не только в функции обстоятельства образа действия, но и в функции обстоятельства цели: Bu dilküji sora gâldi 'Пришла, чтобы спросить об

этой лисе' [2, с. 71]. Обычно оно не удваивается (в современном турецком языке, как правило, удваивается). Деепричастие *-galy* может употребляться и со значением обстоятельства цели: *algaly* 'чтобы взять' [3, с. 174].

Субъект действия при субстантивно-атрибутивной глагольной форме *-duq* — предикативном определении и при всех субстантивно-атрибутивных глагольных формах, выступающих в функции предикативного дополнения, может быть выражен именем в основном падеже и в том случае, если он обозначает определенный предмет: *Haq pazar qyldugy san* 'Душа, на которую бог обратил взор' [5, с. 124], *Bälä nädän gäläsin aqlagdy* 'Он понимал, откуда придет беда' [2, с. 70]. В современном турецком языке в указанных случаях субъект действия всегда выражается именем в родительном падеже. На субъект действия при субстантивно-атрибутивной форме (*-asaq*) может указывать аффикс принадлежности при определяемом, если эта форма является предикативным определением: *Vagasaq jегün* 'Место, куда ты пойдешь' [2, с. 70]. В современном турецком языке субъект действия формы *-asaq* — предикативном определении — обычно передается именем в родительном падеже.

Таким образом, различия, которые можно отметить при сопоставлении грамматического строя языка ПДТП и староанатолийско-тюркского языка, относительно невелики: в староанатолийско-тюркском языке отсутствуют форма дательно-направительного падежа *-garu*, субстантивно-атрибутивные глагольные формы *-gu*, *-guluq*, атрибутивная глагольная форма *-gma*, деепричастие *-r erikli*, причастие будущего времени *-dačy*.

В староанатолийско-тюркском языке существуют некоторые формы, отсутствующие в языке ПДТП: форма будущего времени *-ysar*, субстантивно-атрибутивная глагольная форма со значением долженствования *-malu*, субстантивно-атрибутивная глагольная форма с модальным оттенком долженствования *-asaq*, атрибутивная глагольная форма *-an*, имя действия *-maqluq*, деепричастие *-ycaq/-ycagaz*, передающее действие, предшествующее другому действию.

Многие формы в староанатолийско-тюркском языке те же, что и в языке ПДТП, но в языке староанатолийских памятников они подверглись некоторым фонетическим изменениям: будущее время *-gaj* > *-a*, компонент сложных временных форм плана прошедшего времени показатель *erti* (прошедшее категорическое время глагола *er* — 'быть') превратился в показатель предикативности прошедшего времени *idi*. Аффикс условного наклонения *-sar* утратил конечный согласный (в некоторых древнеуйгурских памятниках встречается аффикс условного наклонения без конечного согласного); деепричастия *-galy* и *-gynča* утратили начальный согласный аффикса; аналитическая форма невозможности, представляющая собой сочетание деепричастия *-a* с отрицательным аспектом глагола *u* — 'мочь', превратилась в синтетическую глагольную форму (показатель аспекта невозможности *-ama*, *-uma*); аффикс атрибутивной глагольной формы *-gly* принял форму *-ylu*.

Следует отметить, что язык ПДТП, староанатолийско-тюркский и современный турецкий языки имеют ряд общих признаков, отличающих их от других тюркских языков: перфект *-myš*, субстантивно-атрибутивная глагольная форма *-duq* ~ *-dyq*, имя действия *-maq*, форма невозможности, восходящая к сочетанию деепричастия *-a* с отрицательным аспектом глагола *u* — 'мочь'. Указанные признаки представляют собой характерные особенности огузских языков (турецкого, азербайджанского, туркменского, гагаузского).

Близость грамматического строя языка ПДТП и староанатолийско-

тюркского языка обусловлена историческими условиями формирования староанатолийско-тюркского языка.

З. Коркмаз устанавливает непосредственную связь между уйгурским языком караханидского периода и староанатолийско-тюркским языком, причем связующим звеном между этими двумя языками явился «тюркский язык сельджукской эпохи (XI—XIII вв.), сохранивший многие черты уйгурского языка караханидского периода» [6, с. 17—34]. Последний сложился на основе древнеуйгурского языка, базой которого был язык памятников рунической письменности. По ее мнению, язык памятников рунической письменности, древнеуйгурский язык и уйгурский язык караханидского периода представляют собой этапы развития единого письменного языка.

Г. Дёрфер считает язык памятников рунической письменности предшественником староанатолийско-тюркского («староосманского», по терминологии Г. Дёрфера) языка. При этом он дает следующую периодизацию: орхонские надписи VIII века, огузские языки и диалекты, о которых упоминает Махмуд Кашгарский в своем «Дивану лугат-ит-тюрк» (XI в.), язык тюркских анатолийских памятников XIII века [7, с. 83].

М. Мансуроглу пишет: «В староанатолийско-тюркском языке древнетюркские и анатолийско-тюркские форманты и слова встречаются параллельно. Поэтому многие исследователи были склонны видеть в первых произведениях староанатолийско-тюркского языка местные наречия. Напротив, другие усматривали в Малой Азии наряду с древнетюркским письменным языком литературный язык, находившийся в процессе становления, и пытались выделить эти два языка в первых тюркоязычных произведениях Малой Азии и соседних районов. На основе материала различных областей нет возможности выделить местные диалекты. Эти тексты составлены на языке, который Махмуд Кашгарский приписывает огузам и близким им народам. Одновременно те же тексты в большей или меньшей степени содержат элементы, присущие восточнотюркскому, точнее древнетюркскому языку. Это подтверждает положение о том, что первые произведения на письменном огузском языке, о котором сообщает Махмуд Кашгарский, были созданы в Центральной Азии. Мы знаем, что Джеляльеддин Руми и Деххани переселились в Анатолию из Туркестана. Трудно предположить, чтобы они начали писать на другом письменном языке. Язык, на котором они писали, по крайней мере на первых порах, не мог не подвергаться влиянию древнетюркского» [3, с. 180]. В данном случае М. Мансуроглу подразумевает под древнетюркским языком язык ПДТП.

Близость староанатолийско-тюркского языка и языка ПДТП отмечает и А. Н. Кононов. Давая характеристику выдающихся поэтов Малой Азии XIII—XIV веков Юнуса Эмре и Ашик-паши, он указывает, что «сочинения этих поэтов были написаны на языке, близком к народно-разговорному языку анатолийских (малоазиатских) тюрок, сохранявшему основные фонетико-грамматические признаки среднеазиатско-тюркского языка» [1, с. 260—261]. Эта близость проявляется не только в фонетике и морфологии, но даже и в графике: «В течение XIII—XV вв. анатолийско- (малоазиатско-) письменный тюркский язык в своей графике базировался на практике староуйгурского письма, что выражалось в стремлении наиболее полно обозначать гласные, а также писать форманты отдельно от основы; в области фонетики и морфологии произведения поэтов этого периода обнаруживают отчетливые и глубокие связи со среднеазиатским тюркским письменно-литературным языком, а через него и с древнетюркским» [там же, с. 262].

М. Эргин объединяет староанатолийско-тюркский язык (XIII—XV

вв.), османский язык (конец XV—начало XX в.) и турецкий язык после 1908 года под общим названием «западнотюркский язык» [8, с. 15—25]. Он так характеризует староанатолийско-тюркский язык: «Староанатолийско-тюркский язык — это турецкий язык XIII, XIV и XV вв. Староанатолийско-тюркский язык, образующий первый период западнотюркского языка, особенно с точки зрения турецкого языка, сильно отличается от языка двух последующих периодов. Его следует рассматривать как время становления западнотюркского языка. В этот период сильно ощущаются связи между западнотюркским и древнетюркским языками» [там же, с. 15]. (Отмечая значительные отличия староанатолийско-тюркского языка от языка двух последующих периодов «с точки зрения турецкого языка», М. Эргин имеет в виду особенности грамматического строя).

Турецкие лингвисты рассматривают староанатолийско-тюркский язык как первый период развития собственно турецкого языка [9, с. 17]. А. Н. Кононов выделяет два периода в процессе формирования и развития турецкого языка: предысторию турецкого языка и историю турецкого языка. Он пишет: «Предыстория турецкого письменно-литературного языка хронологически четко определяется и документируется литературными памятниками, созданными в Малой Азии в течение XIII—XV вв., а потому письменный язык этого периода следует именовать, как сказано выше, анатолийско- (малоазиатско-) тюркским языком. Анатолийско- (малоазиатско-) тюркский язык (XIII—XV вв.) — предшественник и основа турецкого языка — развивался в традициях среднеазиатско-тюркского письменно-литературного языка в сочетании с народно-разговорным языком тюрок Малой Азии» [1, с. 281].

Тесные связи, существовавшие между староанатолийско-тюркским языком и языком ПДТП (по терминологии ряда исследователей, «древнетюркским») [10, с. 6, 23, 27, 55], позволяют расширить рамки предыстории турецкого языка и включить в нее и язык ПДТП. Наиболее общие тенденции в развитии грамматического строя турецкого языка оформились еще до формирования собственно турецкого языка — в период его предыстории. Н. З. Гаджиева отмечает: «Для тюркских языков как относительно близкородственных характерно отсутствие резких контрастов. Их состояние более или менее нивелировано, т. е. в них нет таких языков и диалектов, которые непосредственно обнаруживали бы древнейшее состояние тюркских языков (ср. латинский или санскрит применительно к другим типологическим семьям языков). В них сохраняются основные праязыковые формы, а так называемые инновации подчинены общетюркским тенденциям развития» [11, с. 23].

Грамматический строй турецкого языка отличается большой устойчивостью. М. Эргин отмечает, что основные формы турецкого языка почти не изменились с конца XV века [8, с. 17]. Значительная устойчивость грамматического строя турецкого языка, очень медленный темп изменений в нем делают необходимым использовать данные языка ПДТП для выявления наиболее общих тенденций в развитии грамматического строя турецкого языка. Следует подчеркнуть, что язык ПДТП нельзя рассматривать в качестве непосредственного предшественника турецкого языка, но не подлежит сомнению, что тесные связи, которые, как отмечалось выше, существовали между староанатолийско-тюркским языком и языком ПДТП, позволяют использовать данные последнего при исследовании основных тенденций в развитии грамматического строя турецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Н. Кононов. К истории формирования турецкого письменно-литературного языка. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1976», М., 1978.
 2. В. Г. Гузев. Староосманский язык. М., 1979.
 3. М. Mansuroğlu. Das Altosmanische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». T. I. Wiesbaden, 1959.
 4. Э. А. Грунина. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении). Автореф. докт. дисс., М., 1975.
 5. Ш. С. Айляров. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М., 1974.
 6. Z. Korkmaz. Selçuklar çağı Türkçesinin genel yapısı. — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı». Belleten. Ankara, 1973.
 7. G. Doerfer. Das Vorosmanische. — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı». Belleten. Ankara, 1975—1976.
 8. M. Ergin. Türk Dil Bilgisi. Sofya, 1967.
 9. T. Banguoğlu. Türkçenin Grameri. Istanbul, 1974.
 10. А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол). Л., 1981, стр. 6, 23, 27, 55.
 11. Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
-

У. Д. ДОСПАНОВ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В КАРАКАЛПАКИИ В ХІ ПЯТИЛЕТКЕ

Ведущим научно-исследовательским учреждением Каракалпакии в области филологии является Институт истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР.

Учеными этого института в последние годы подготовлены такие издания, как «Диалектологический словарь каракалпакского языка», «Большой каракалпакско-русский словарь (буквы А—Н)», исследования «Морфологическая структура слова в каракалпакском языке», «Неполные и нечленимые предложения в современном каракалпакском языке». В этих работах использованы новые источники, показана динамика развития словарного фонда каракалпакского языка, описаны морфологическая структура слова и способы образования именных частей речи, глагола и служебных слов, семантические, морфологические и синтаксические особенности отдельных частей речи.

Работа «Неполные и нечленимые предложения в современном каракалпакском языке» посвящена синтаксису. В ней подробно описаны природа, основные типы и структурно-семантические особенности неполных и нечленимых предложений, выявлены основные критерии их отличия от других синтаксических конструкций. Авторами неполные предложения делятся на следующие группы: 1) неполные предложения монологической речи; 2) неполные предложения диалогической речи и 3) неполные предложения, входящие в состав сложных предложений.

Институтом изданы также монография, учебники и словарь, в которых освещены актуальные вопросы синтаксиса и фразеологии современного каракалпакского языка¹.

Составленный сотрудниками отдела словарей и терминологии «Каракалпакско-русский словарь (буквы А—Н)», отличающийся по объему и содержанию от аналогичного словаря, изданного в 1958 году в Москве, включает значительное количество слов лексического состава современного каракалпакского литературного языка. В нем нашли отражение различные новые термины, вошедшие в язык в связи с развитием экономики, культуры, науки и техники.

Коллектив отдела истории и диалектологии каракалпакского языка завершил исследование «Язык произведений классиков каракалпакской литературы (XVIII — начала XX вв.)».

Диалектологами и лексикографами института созданы работы по истории и диалектологии каракалпакского языка, а также терминологические словари². Они активно участвовали и в подготовке учебни-

ков и методических пособий для средних специальных учебных заведений³.

За последнее пятилетие дальнейшее развитие получило и литературоведение. Были подготовлены такие работы, как «Фольклор и развитие художественной самодеятельности (на материалах ККАССР, 1917—1980 гг.)», «Образцы каракалпакского фольклора» (25 томов), «История каракалпакской литературы дооктябрьского периода», «Каракалпакская советская литература 20—30-х годов», велась подготовка к изданию рукописи дастана «Гарип—Шахсанем».

Завершена подготовка к печати научно-критического текста образцов каракалпакского фольклора (т. XIII—XXV), включающих дастаны, народные песни, легенды и анекдоты. Например, XIV том охватывает лиро-эпические дастаны «Гарип—Ашык» и «Саятхан—Хамра». В XV—XXIII тома включены малоизвестные дастаны, записанные в свое время от Курбанбая жырау, Кыяса жырау, Есемурата жырау и др. В XXV том вошли избранные варианты анекдотов и легенд, широко распространенные в народе.

Вошедшие в издание произведения фольклора классифицированы по жанрам, им предпосланы обширные вступительные статьи, даются также краткие комментарии, прилагаются словари редких слов.

В 1981—1985 годах вышли в свет X—XIV тома «Каракалпакского фольклора», в которые вошли эпосы «Маспатша», «Шарьяр», «Айтыс» («Словесные состязания»), каракалпакские версии известных дастанов народов Средней Азии «Гарип—Ашык», «Саятхан—Хамра» и др. Изданы монографические исследования отдельных фольклористов⁴.

В монографии А. Алымова на фактическом материале таких произведений, как «Хурлиқа—Хамра», «Юсүп—Зилийха», «Фархад—Шийрин», «Саятхан—Хамра», «Ашық—Нәжеп», «Гарип—Ашық» прослеживаются пути возникновения и становления эпоса, анализируются композиционные особенности, художественные приемы, исполнительское мастерство народных баксы и жырау.

В работе С. Бахадыровой «Фольклор и каракалпакская советская проза» прослеживается роль фольклора в зарождении каракалпакской профессиональной литературы.

За годы XI пятилетки сотрудники отдела дореволюционной каракалпакской литературы и восточных рукописей завершили плановую тему «История каракалпакской литературы дооктябрьского периода» и продолжают работу над исследованием истоков творчества каракалпакских поэтов XIX века и подготовкой к печати многотомника их произведений. В настоящее время подготовлены к печати первые три тома, в которые включены образцы литературных произведений XVIII—XIX вв. таких авторов, как Жиен-Жрау, Кунходжи, Ажинияз, Бердах. Сотрудниками отдела опубликованы отдельные работы по плановой теме и учебники для учащихся средней школы и студентов вузов⁵.

Литературоведами разрабатывались темы: «Развитие реалистических принципов в современной каракалпакской литературе» и «Каракалпакская советская литература 20—30-х годов». В настоящее время продолжается работа над монографией «Каракалпакская советская литература 40—50-х годов». Подготовлена монография «История каракалпакской советской литературы»⁶, написанная на основе обширного фактического материала и прослеживания этапов и закономерностей формирования и развития художественной литературы.

Продолжается изучение отдельных проблем и вопросов развития современной каракалпакской прозы⁷ и поэзии⁸.

Значительное место в научных разысканиях отводится анализу творчества видных каракалпакских советских писателей А. Бегимова и Ж. Аймурзаева⁹.

Были изданы также работы, посвященные вопросам театра и драматургии¹⁰, режиссуре¹¹, влиянию переводных пьес на развитие каракалпакской драматургии и театра¹².

В 1986—1990 годах каракалпакскими языковедами будет продолжена работа по таким направлениям, как «История каракалпакского языка» (ч. I), составление «Каракалпакско-русского словаря (буквы Н—Я)» и «Грамматика современного каракалпакского литературного языка» (ч. II, синтаксис).

В планируемых исследованиях будет прослежена история каракалпакского языка дореволюционного периода на основе письменных источников, фольклорных материалов, памятников письменности тюркоязычных народов. Намечается также продолжение научной разработки синтаксиса простого предложения в современном каракалпакском языке.

Литературоведы планируют работу над темами: «Каракалпакская советская литература 40—50-х годов», «Творчество каракалпакских поэтов XIX века», «Национальное своеобразие каракалпакского фольклора и его связи с фольклором братских народов».

Многие отделы института исторического и филологического направления координируют свою работу с соответствующими кафедрами Нукусского госуниверситета, а их сотрудники принимают активное участие в преподавании отдельных дисциплин, руководят дипломными работами студентов, составляют учебники, учебные пособия и программы по каракалпакскому языку и литературе для студентов филологического факультета. Силами научных сотрудников отделов советской литературы, фольклора, современного каракалпакского языка, истории и диалектологии, словарей и терминологии совместно со специалистами соответствующих кафедр Нукусского госуниверситета составляются вузовские учебники по каракалпакской советской литературе, фольклору, современному каракалпакскому языку и др.

Институт и его отделы поддерживают тесные связи с академическими научно-исследовательскими учреждениями Москвы, Ленинграда, Баку, Ташкента, Алма-Аты и других городов, что способствует его успешной деятельности и повышению научного уровня подготавливаемых работ, соответственно современным требованиям.

Критически оценивая достигнутое, следует сказать, что еще многое предстоит сделать в будущем. Необходимо улучшить качество выполняемых научных работ, готовить исследования, отвечающие возросшим требованиям времени.

¹ М. Дәўлетов. Қарақалпақ тилинде пысықлаўыш категориясы. Нөкис, 1982; Е. Дәўенов, М. Дәўлетов. Қарақалпақ тили. Синтаксис (VII—VIII класс оқыўшылары ушын). Нөкис, 1983; Е. Дәўенов. Қарақалпақ тили (III класс оқыўшылары ушын). Нөкис, 1983; Ж. Ешбаев. Қарақалпақ тилинин кысқаша фразеологиялық сөзлиги. Нөкис, 1985.

² Д. С. Насыров, У. Д. Доспанов. Қарақалпақ тилинің диалектологиялық сөзлиги. Нөкис, 1983; «Қарақалпақ тилинің түсиндирме сөзлиги», I-том, Нөкис, 1982; 2-том, Нөкис, 1984; Н. А. Баскаков, У. Д. Доспанов. Инструкция для составления каракалпакско-русского словаря. Нукус, 1983.

³ Д. С. Насыров, У. Д. Доспанов, Ж. Қайырбаев. Қарақалпақ тили (фонетика, лексика, морфология, синтаксис). Нөкис, 1985; Д. С. Насыров, А. Бекбергенов. Илимпаз хэм педагог (о К. У. Убайдуллаеве). Нөкис, 1984.

⁴ Қ. Мәмбетназаров. Қарақалпақ ертеклери ҳақында. Нөкис, 1981; Т. Нийетуллаев. Қарақалпақ нақыл-мақаллары. Нөкис, 1982; Ә. Алымов. Қа-

ракалпақ лиро-эпикалық дәстанлары. Нөкіс, 1983; И. Т. Сағыйтов. Әдебиет хәм фольклор. Нөкіс, 1983; С. Бахадырова. Фольклор и каракалпакская советская проза. Нукус, 1984.

⁵ Б. Қәлимбетов. Әжинияздың лирикасы. Нөкіс, 1981; А. Қәриймов. Қарақалпақ әдебиятының тарихы (жоқарғы оқыу орнының студентлери үшін). Нөкіс, 1984; его же. Өтеш шайырдың творчествосы. Нөкіс, 1984 (в соавторстве); Б. Қәлимбетов. Ұатан әдебияты (6-класс оқыўшылары үшін). Нөкіс, 1982.

⁶ «История каракалпакской советской литературы». Ташкент, 1981.

⁷ З. А. Насурллаева. Проблема типа и характера в современной каракалпакской прозе. Нукус, 1984.

⁸ Т. Мәмбетниязов. Поэзия ҳақында ойлар, Нөкіс, 1985.

⁹ Қ. Байниязов. Биринши романның авторы. Нөкіс, 1984; Ә. Н. Насруллаев. Традиция хәм заманагөйлик. Нөкіс, 1985.

¹⁰ Т. Алланазаров. Театр хәм драматургия. Нөкіс, 1982.

¹¹ А. Пирназаров. Режиссура каракалпакского гостеатра им. К. С. Станиславского (исток и формирование). Нукус, 1983.

¹² Б. Турсынов. Қарақалпақ драматургиясы хәм театрының раўажланыўнда аўдарма пьесалардың тәсийри. Нөкіс, 1984.

Р Е Ц Е Н З И И

«ЧУВАШСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ»

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. И. СКВОРЦОВА, М., 1982. 712 стр.
ИЗД. 2-е, СТЕРЕОТИПНОЕ. М., 1985, 712 стр.

Чувашское языкознание имеет богатые традиции и опыт составления лексических словарей. Стоит вспомнить печатные и рукописные словари чувашского языка XVIII века, «Начертания правил чувашского языка и словарь, составленный для духовных училищ Казанской епархии» (1836), «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен» Н. И. Золотницкого (1875) и др.

Выдающимся произведением чувашской лексикографии является 17-томный «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина. Заметный след в практике составления двуязычных словарей оставил «Чувашско-русский словарь» В. Г. Егорова (Чебоксары, 1935; изд. 2-е, 1954).

Значительным событием в истории чувашской лексикографии явилось издание в Москве в 1961 году большого «Чувашско-русского словаря» под редакцией М. Я. Сироткина. Здесь нашел довольно полное отражение словарный состав чувашского языка 50-х годов.

В 1982 году издательство «Русский язык» выпустило в свет новый большой «Чувашско-русский словарь». В 1985 году вышло второе, стереотипное, издание этого словаря.

Ценность любого, в особенности большого, словаря определяется прежде всего его полнотой. С этой точки зрения рассматриваемый словарь, по сравнению с «Чувашско-русским словарем» 1961 года, является значительным шагом вперед. Если словарь 1961 года содержит 28 тысяч слов, то в словаре 1982 года их число доходит до 40 тысяч. Такое количество слов, включенных в словарь, позволило его составителям достаточно полно отразить современный уровень социально-экономического и культурного развития чувашского народа. Наряду с общенародной лексикой в словарь вошли слова и термины, связанные с современной промышленностью и сельским хозяйством, наукой и техникой и т. д.: *адаптац* 'адаптация'.

дезинсекци 'дезинсекция', *демагоги* 'демагогия', *изуверлăх* 'изуверство', *жатка*, *лазер*, *метеорит*, *метеоспутник*, *полифони* 'полифония', *утилизаци* 'утилизация' и т. д.

Отбор терминологической лексики в словарь общего назначения — вопрос сложный и не всегда бесспорный. В частности, нам представляется, что в словарь могли быть с полным правом включены такие вошедшие в активный словарь современного чувашского языка неологизмы, как *авангардлă* 'авангардный', *аграрлă-промышленнослă* (комплекс) 'аграрно-промышленный (комплекс)', *гегемонистла* 'гегемонистский', *мимеллĕ* (*шăмă*) 'мозговая (кость)' и др.

Составители словаря в целом последовательно придерживались принципа нормативности. Основное место в реестре отводится словам, утвердившимся в литературном языке. Следует отметить, что ашмаринская установка — с максимальной полнотой отразить лексическое богатство чувашского языка — во многом характерна и для рецензируемого словаря, охватившего все основные пласты исторически сложившегося словарного состава: лексику повседневной разговорной речи, устаревшие слова, употребляемые в основном в художественной литературе и в произведениях устного поэтического творчества (например: *атă* 'сосуд', *венчет* 'венчание', *йăтăм* 'ноша, бремя', *тарман* 'сила (физическая)', большое количество разговорно-просторечных и диалектных слов, например: *не́ртте* 'ненасытный, прожорливый', *пата* 'замысел, задумка', *пăккe* 'крыльцо', *таян* 'скот', *тикĕн* 'обыкновенно, обычно, нормально' и др.).

Включение в словарь диалектной, разговорно-просторечной и архаической лексики объясняется в «Предисловии» тем, что «процесс становления и стабилизации норм чувашского литературного языка еще далек от завершения: для пополнения его разных стилевых сфер эффективно используются богатства народной речи» (с. 6).

Авторами учитывается и то, что в художественной литературе и фольклорных произведениях нередко встречаются малоизвестные современному читателю архаизмы и диалектизмы. Таким образом, словарь призван служить для него и справочником. Тем не менее, на наш взгляд, в словарь оказалось включенным неоправданно большое количество диалектных слов, тогда как ряд общеупотребительных слов в него не вошел.

Для чувашского языка характерно обилие звуко- и образоподражательных слов, что нашло свое отражение в словаре. При этом следует отметить, что в процессе речи может быть образовано бесчисленное количество новых подражательных слов, многие из которых являются сугубо окказиональными. В словаре применены достаточно разумные критерии для их отбора: в реестр включены лишь те подражательные слова, которые закрепились в языке как самостоятельные и широко распространенные лексические единицы. Например: *ăвв* (подражание жужжанию или свисту летящего предмета); *ййшăл* (подражание шороху или легкому шуму).

Характерной особенностью нового «Чувашско-русского словаря» (по сравнению со словарем 1961 года) является широкий охват производных слов, образованных с помощью продуктивных аффиксов на базе чувашских и заимствованных основ — существительных на аффиксы *-çă* (*-çĕ*), *-лăх* (*-лĕх*), прилагательных на *-лă* (*-лĕ*), *-ла* (*-ле*), глаголов на *-лан* (*-лен*) и т. д. Богата группа существительных на *-лă* (*-лĕ*), образованных от заимствованных из русского языка слов со значением предметности. Такие существительные в чувашском языке, как правило, выступают эквивалентами русских относительных прилагательных или конструкций типа *человек с ружьем* 'пăшаллă сын' (или *человек без ружья* 'пăшалсăр сын'). Например: *индустриллĕ* 'индустриальный', *календарлă* 'календарный', *космополитла* 'космополитический', *орденлă* 'орденоносный', *парламентлă* 'парламентский; парламентарный'.

Полезным для читателя является список продуктивных словообразовательных аффиксов чувашского языка, напечатанный в словаре в виде приложения.

В рецензируемом словаре шире, чем в предыдущих словарях чувашского языка, представлена общественно-политическая и научно-техническая терминология. В большинстве своем это русские заимствования и интернациональные слова: *апартеид*, *готика*, *дельфиниум*, *кинокадр*, *крошфейн*, *метраж*, *паритет*, *подпольщик*, *теорема*, *шедевр* и т. д.

В методике лексикографической разработки словарных статей слов терминологического характера использованы новые приемы, что отличает анализируемый словарь от национально-русских словарей традиционного типа. Так, в прежних изданиях

чувашско-русских словарей словарные статьи, посвященные словам-терминам, в русской части содержали лишь лексические эквиваленты без каких-либо разъяснений: *апартеид* полит. апартеид; *гравитаци* физ. гравитация; *модернизм* иск. модернизм.

В новом же словаре термины толкуются (разумеется, кроме терминов, хорошо известных и освоенных), что повышает познавательную ценность словаря для широкого круга читателей. Причем толкование производится на чувашском языке:

аллерги мед. аллергия (организма силнĕ япаласем лекнипе унăн яланхи реакцийсĕм пăсăлли);

трал 1. трал (пулă тытмалли сĕреке) 2. трал (шыв тĕлĕнчи минăсене пухмалли хатĕр) 3. трал (тинĕс тĕпне тĕпчеме унти чĕрчунсемпе ўсентăрсене пухмалли хатĕр).

Чувашские же термины и обычные слова, не имеющие эквивалентов в языке перевода, объясняются на русском языке: *шăрттан* шыртан (рубец, начиненный рубленым мясом и зажаренный); *масмак* масмак (название головного украшения замужних женщин в виде вышитой ленты).

Использование в двуязычном словаре с выходным (вторым) русским языком элементов чувашского толкового словаря, несмотря на непривычность, представляется оправданным, так как словарь рассчитан прежде всего на чувашского, а не русскоязычного читателя.

Известно, что существенной особенностью чувашского языка, как и других языков тюркской семьи, является аналитический способ обозначения элементов предметного ряда. Описываемый словарь — убедительное тому подтверждение. В нем, как и в Словаре Н. И. Ашмарина, зафиксировано огромное количество составных названий, которые в языке восполняют «недостаток» лексических средств для номинации отдельных «элементов» и «деталей» действительности. Например: *вĕри чир* 1. 'горячка' 2. 'тиф', *йĕне кăпшанкă* 'мокрица', *йĕне пыр* 'глотка', *кĕçĕн алăк* (*хапха*) 'калитка', *чĕп куç курăкĕ* 'лютик', *куçлă кутан* 'пикульник', *мăк курăкĕ* 'лишайник', *мăнаса чулĕ* 'метеорит, аэролит', *нимĕс пăрçи* 'бобы', *пуклак пуç* 'головастик', *сăвăр кăмпи* 'гриб-дождевик', *упа сьрли* (*паланĕ*) 'толокнянка обыкновенная'.

В словаре довольно полно отразилось фразеологическое богатство чувашского языка. Здесь, помимо так называемых безобразных фразеологизмов (составных наименований, части глагольно-именных перифраз и др.), выполняющих чисто номинативную функцию, встречается множество фразеологических единиц с экспрессивно-оценочной функцией.

Словарь в основном освободился от тех недостатков в разработке фразеологического материала, которые были характерны для «Чувашско-русского словаря» 1961 года. Так, здесь нет разнообразия в размещении составных названий — фразеологиз-

мов: они даются в заромбовой части словарных статей. Однако в словаре не все отвечает требованиям современного уровня развития фразеологической теории. В частности, вызывает возражение то, что в нем идиомы-фразеологизмы рассматриваются как словосочетания, имеющие переносное значение. Поэтому нередко идиоматические сочетания помещаются рядом со словосочетаниями (свободными сочетаниями слов) в качестве их разновидностей. Ср.: *тир (тирне) сѳ* 1. снимать шкуру (с животного) 2. спускать, сдирать шкуру; *сѳвѳр автан* 1. молодой петух, петух-сеголетка 2. перен. драчун, забияка.

В словарь также включено много выдержек из фольклора, народных примет, афористических изречений, пословично-поговорочных выражений, загадок. По широте охвата материала чувашской фразеологии и паремии словарь, можно сказать, стоит в одном ряду со Словарем Н. И. Ашмарина.

Стилистическая дифференциация лексики принадлежит к числу малоисследованных проблем чувашского языкознания. Об этом же свидетельствует материал словаря. Здесь немало фактов субъективной оценки функционально-стилистических особенностей лексических элементов. Так, например, слово *армак-чармак* 'растопыренный; раскоряченный' отнесено к просторечному стилю, снабжено пометой *прост.*, тогда как его следует считать скорее словом разговорного стиля.

Что же касается системы функциональной характеристики терминологической лексики и грамматической характеристики слов вообще, то она отличается продуманностью и четкостью. Эта система, несомненно, будет способствовать дальнейшему повышению уровня лексикографических и лексикологических работ по чувашскому языку.

В чувашском языкознании имеются недостаточно разработанные вопросы, которые создавали определенные трудности при составлении данного словаря. Эти вопросы полисемии и омонимии, синонимии и антонимии, тождеств и различий слов. Надо отдать должное составителям словаря, они в затруднительных случаях находили в основном оптимальные решения возникавших вопросов. Особо следует указать, что ими сделан и определенный шаг в разграничении омонимов. В словаре отражены главным образом омонимы, возникшие вследствие совпадения по звучанию разных по значению слов в результате исторических фонетических изменений. Например: *тутӑх* 'ржавчина' — *тутӑх* 'ржаветь', *сӳре* 'борона' — *сӳре* 'бороновать'.

На наш взгляд, в словаре также успешно решены вопросы, связанные с проблемой семантических «ножниц», то есть несоответствия объема и характера значений слов двух языков.

Полное и глубокое раскрытие семантической структуры слова относится к ос-

новным достоинствам «Чувашско-русского словаря» 1982 (1985) гг. Каждая словарная статья, в особенности посвященная полисемантическим лексемам, создает богатую картину смыслового варьирования слова, убедительно показывает неисчерпаемые потенциальные возможности слова для выражения самых различных значений и их оттенков. Главное, смысловое содержание в словаре не просто фиксируется, а, по примеру Словаря Н. И. Ашмарина, представляется в словесном окружении, как бы в процессе функционирования. Значение слова и его сочетаемость, как органически связанные стороны лексической единицы, выступают в словаре в качестве основного лексикографического объекта. Например, в словарной статье *вут* 'огонь', отражено семь значений этого слова (в словаре 1961 года — три значения):

вут 1. огонь, пламя; огненный, пламенный; *вут пек вѳри* горячий как огонь; *вут чѳлхисем* языки пламени; *вут чѳрт* разжечь огонь 2. огонь (орудийный) 3. костер; *вут хур* развести костер 4. печь, печка; *вут хут* затопить печь; *вут уссинче* в то время, когда топится печь 5. пожар; *вѳрманта вут тухӑ* в лесу возник пожар; *вут сuti* 1) свет огня 2) зарево пожара 6. прям. и перен. искра; *кусран вут тухре* из глаз посыпались искры 7. перен. огонь, пламя; огненный, пламенный; *вѳрса вуче* пламя войны; *вут чѳре* пламенное сердце.

Приведенные и другие словарные статьи показывают, что контекст выступает как существенный фактор, актуализирующий то или иное значение слова. Учитывая это, составители широко пользуются иллюстративными примерами из произведений художественной и публицистической литературы, устного поэтического творчества и др.

Впервые в истории чувашской лексикографии при составлении чувашско-русского словаря широко использована словарная картотека Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. С помощью картотеки оказалось возможным не только значительно пополнить словник словаря, но и полнее, точнее характеризовать смысловую структуру слов, их системные связи и сочетаемостные возможности.

«Чувашско-русский словарь» 1982 (1985) гг. относится к тому типу словарей, который «может быть охарактеризован как однотомный двуязычный переводный иллюстративный словарь с элементами толкований» (из «Предисловия» словаря, с. 5). В словаре помещены серии черно-белых и цветных рисунков, фотографий (всего около 750 сюжетов) по различным отраслям науки и техники, строительству и архитектуре и т. д. Большой интерес для читателя представляют рисунки, изображающие предметы обихода, этнографические реалии чувашских крестьян. Основное назначение иллюстраций — это повышение информативных возможностей словаря. К со-

жалению, рисунки размещены в виде сводных таблиц с вынесением из текста, что создает определенные неудобства при пользовании словарем.

Вышеизложенное позволяет сделать следующий общий вывод. Новый «Чувашско-русский словарь» воплощает лучшие достижения чувашской лексикографии, а так-

же ценный опыт составления двуязычных словарей в нашей стране. Это обеспечило высокое качество словаря во всех его аспектах, широкое признание читателей и научной общественности. Недаром он выдержал два издания в течение трех лет.

М. Ф. Чернов

**Т. Р. ҚОРДАБАЕВ. ТҮРҚОЛОГИЯ ТАРИХЫНА
ҚАРАҒАНДЫ МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІНІҢ БАСПАСЫ,
ҚАРАҒАНДЫ, 1984, 59 стр.**

**Т. Р. ҚОРДАБАЕВ. ТҮРҚОЛОГИЯ ҒЫЛЫМЫНЫҢ
ДАМУ ТАРИХЫНА**

**ҚАРАҒАНДЫ МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІНІҢ БАСПАСЫ,
ҚАРАҒАНДЫ, 1985, 111 стр.**

Обе работы представляют собой учебное пособие для казахского отделения филологических факультетов вузов республики. В них творчески использованы основные выводы и публикации ведущих тюркологов, книги которых большей частью стали ныне библиографической редкостью. Обе работы основываются на последних достижениях советской и зарубежной тюркологии и отвечают требованиям, предъявляемым к подобному рода учебным пособиям по курсам «Введение в тюркологию», «Тюркские языки» и т. д.

В «Предисловии» работ раскрывается значение изучения тюркских (древних, старых и новых) языков. В первой главе «Тюркология и объект ее изучения» освещаются отдельные этапы истории тюркских народов и их языков: алтайский период, хуннский период, древне- и среднетюркский, новый и советский периоды.

Специальные главы посвящены изложению истории становления тюркологии как науки. Приводятся данные о трудах арабских филологов средневековья.

Обзор работ исследователей тюркских языков в Европе и России подразделяется на несколько разделов. В истории исследования тюркских языков выделяются два основных периода: дооктябрьский и послеоктябрьский. Дооктябрьский период включает: 1) историю изучения тюркских языков до второй половины XVIII века; 2) историю изучения тюркских языков со второй половины XVIII по вторую половину XIX века (подробно излагается изучение тюркских языков в России); 3) историю

изучения тюркских языков в конце XIX и начале XX века (до 1917 г.).

Второй период в истории изучения тюркских языков начинается с установлением в стране Советской власти и образованием национальных республик. Основные вехи этого изучения описываются в разделе «Объекты исследования отечественной тюркологии».

В пособии 1985 года издания послеоктябрьский период рассматривается особенно обстоятельно. Этот период характеризуется ростом числа квалифицированных кадров тюркологов и интенсивным развитием тюркологии в республике. Здесь Т. Кордабаев подробно останавливается на исследованиях русских тюркологов по казахскому языку. Автор устанавливает основные этапы развития казахского языкознания и формирования в республике кадров специалистов по казахскому языку.

Начало изучению казахского языка положили, как известно, видные русские тюркологи, такие, как Н. И. Ильминский (труды его изданы в 1860 и 1861 гг.), М. Терентьев (1875 г.), В. В. Радлов (1882 г. и след.), П. М. Мелиоранский (1894 и 1897 гг.), В. В. Катаринский (1897 г.), И. Лаптев (1900 г.), Н. Сазонов (1912 г.) и др. Историю становления и развития современного казахского языкознания автор рассматривает в неразрывной связи с успешным развитием тюркологии и ее новейшими достижениями в нашей стране.

Охарактеризовав основные объекты исследования отечественной тюркологии, Т. Р. Кордабаев останавливается на исто-

рин изучения всех уровней (ярусов) тюркских языков вообще и казахского в частности.

Следующий раздел работы посвящен «Письменным памятникам тюркских языков и состоянию их исследования». В нем дается обзор древне- и старотюркских памятников. Этот раздел написан предельно сжато, что, очевидно, объясняется отсутствием в республике до последнего времени программ по специальности «Древне- и старотюркские письменные памятники». Насколько нам известно, и в других тюркоязычных республиках наблюдается такая же картина. Было бы, как нам кажется, целесообразно объединить усилия ведущих специалистов-тюркологов для создания единой программы преподавания этого вузовского курса в стране.

В отличие от второй работы, первая (1984 года издания) включает отдельные темы, посвященные изучению таких общетюркологических вопросов, как классификация тюркских языков, памятники, зафиксированные в арабской графике, краткий перечень специальной литературы.

Рецензируемые работы Т. Р. Кордабаева удачно дополняют друг друга, особенно в части раскрытия связей казахского языкознания с общим развитием тюркологии в стране. В предшествовавших пособиях вопросы становления и развития казахского языкознания обычно рассматривались обособленно. Рецензируемые издания лишены этого методического недостатка. В них развитие тюркологии рассматривается в непосредственной связи с основными направлениями ее разработки в других тюркологических центрах. Приводится также обстоятельная характеристика научных школ и направлений (Арабский Восток, Европа, Россия и т. д.).

Как уже отмечалось, рецензируемые пособия являются первыми разработками по тюркологии на казахском языке. Существование подобного рода публикаций на русском языке, безусловно, облегчило работу автора, определило задачи и характер изложения, способствовало раскрытию содержания и значения данной проблемы.

Некоторые разделы пособий, по-видимому, нуждались в более углубленном изложении, но, будучи написанными соответственно учебной программе, они в настоящем виде не претендуют на роль научно-теоретических исследований, а в ряде случаев не дают научного освещения на должном уровне.

Один из подразделов главы о становлении тюркологии назван «Труды арабских исследователей по тюркским языкам». Такое название, разумеется, закономерно, хотя оно и носит в известной мере условный характер, ибо в истории формирования и развития средневековой арабской науки и культуры участвовало немало вы-

дающихся представителей тюркских народов и племен, особенно выходцев из Средней Азии и сопредельных с ней стран. То же самое можно сказать относительно изучения тюркских языков на Арабском Востоке. В данном случае следует назвать «пионера сравнительного изучения тюркских языков» (В. В. Радлов) Махмуда Кашгари (XI в.). Сюда же можно отнести целую плеяду арабских филологов XIII—XIV веков: Джамал ад-Дина ибн Муханну, Джамал ад-Дина Мухаммеда ат-Турки, Замахшари и др. С учетом этого правомернее было бы назвать этот подраздел «История исследования тюркских языков в странах Арабского Востока» или «Аработюркские авторы (филологи) о тюркских языках». Возможны, разумеется, и другие названия. Однако важно отразить усилия тюркоязычных авторов на поприще развития родного языка и вряд ли правомерно категорически утверждать, что изучением тюркских языков в период средневековья занимались только арабские ученые. Таково первое пожелание, которое хотелось бы адресовать автору.

В разделе «Исследования русских тюркологов о казахском языке» Т. Р. Кордабаев правильно оценивает педагогическую деятельность первого просветителя Казахстана Алтынсарина и значение его научных работ, посвященных изучению казахского языка. Однако это имя приведено в рубрике русских авторов (с. 38), хотя далее автор пишет, что до революции тюркологическими исследованиями занималось около десяти казахских ученых во главе с Ч. Ч. Валихановым и И. Алтынсариним (с. 47). В связи с этим автору, как нам кажется, следовало в своем обзоре выделить раздел «Исследование тюркских языков в Казахстане».

Указанное целесообразно было бы учесть и при составлении программ общих и специальных курсов «Введение в тюркологию», «Древне- и старотюркские письменные памятники», «История изучения казахского языка», «Современные тюркские языки» и т. д.

Известно, что тюркские языки располагают богатым арсеналом письменных литературных памятников, среди которых немало выдающихся произведений светского характера типа «Кутадгу билик», «Хибау-л-хакайик», «Гулистан», «Шахнаме» и т. д. В связи с этим полагаем уместным поднять вопрос о желательности ознакомления с этими произведениями учащихся средних школ тюркоязычных республик.

Рецензируемые работы Т. Р. Кордабаева в значительной мере способствуют изучению истории развития казахского языкознания, и в этом прежде всего заключается их значение.

А. К. Курышжанов

Д. Х. БАКЕЕВА. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. КАЗАНЬ. ИЗД-ВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
1985, 141 стр.

За последнее время исследователями накоплен определенный теоретический и практический материал по контрастивному анализу различных аспектов (грамматики, лексики, фонетики) разнотипных тюркских и германских языков, в том числе татарского и английского. Однако разбросанность этого материала по различным, подчас малодоступным изданиям (ученым запискам вузов, межвузовским научно-тематическим сборникам, научным и методическим журналам) и отсутствие специального учебно-методического пособия по сопоставительному изучению фонетического строя татарского и английского языков крайне затрудняли систематическое исследование параллелей этих языков.

Как свидетельствует наш собственный многолетний опыт преподавания английского языка в Башкирском государственном университете имени 40-летия Октября, довлеющее интерферирующее влияние родного (татарского и башкирского) языка обучающихся наиболее остро и ощутимо сказывается прежде всего на звуковом инвентаре изучаемого иностранного языка, что затрудняет пути реализации его коммуникативных функций.

В этом свете рецензируемая работа Д. Х. Бакеевой дает преподавателям английского языка в тюркоязычных вузах и школах необходимый методический материал, способствующий более рациональному и эффективному овладению учащимися фонетическими навыками английской речи.

Рецензируемому пособию предпослано введение, в котором обосновывается актуальность и необходимость обучения английскому произношению с учетом особенностей татарской фонетической системы. Автор подчеркивает, что преподаватель, знающий природу интерференции родного языка обучающихся, может предложить эффективную систему упражнений по предупреждению типичных ошибок в произношении английских слов¹. Здесь же приводятся основные различия между артикуляционными базами английского и татарского языков.

Два раздела пособия посвящены сопоставительной классификации и описанию систем гласных и согласных звуков анализируемых языков. Из числа 12 монофтон-

гов, 9 дифтонгов и 2 трифтонгов английского языка и 12 монофтонгов, 4 дифтонгов татарского языка Д. Х. Бакеева на основе экспериментальных данных выделяет следующие группы гласных: 1) почти совпадающие по качеству и способу артикуляции; 2) близкие по артикуляции, но не совпадающие по качеству; 3) отличающиеся по качеству и способу образования. Данные сопоставительной классификации гласных звуков приведены в таблицах.

Система английских согласных представлена 24 фонемами, система татарских гласных—27 фонемами. В системах согласных рассматриваемых языков автор указывает на сходства в качественном отношении и способе артикуляции, что проявляется в наличии: совпадающих [n], [l], [h], глухих и звонких, взрывных, фрикативных, носовых и губных, губно-губных и губно-зубных, передне-, средне-, заднеязычных, фарингальных согласных.

Д. Х. Бакеева считает, что расхождение в системах согласных проявляется в наличии или отсутствии: палатализации твердых и мягких вариантов, аспирации, озвончения/оглушения звонких конечных согласных, сочетаемости нескольких согласных в одном слове, а также отдельных фонем, специфичных для каждого из языков.

В разделе «Произношение звуков в потоке речи» автор останавливается на комбинаторных и позиционных изменениях звуков в результате их взаимодействия в речевом потоке, проявляющихся в виде прогрессивной и регрессивной ассимиляций, редукции. Здесь же выявляются сходные и отличительные особенности словесного и фразового ударений в сопоставляемых языках, анализируется процесс фонационного дыхания.

Отдельный раздел посвящен специфике ритмико-мелодического оформления синтагмы и предложения в каждом из анализируемых языков.

В последнем разделе пособия приводятся характерные фонетические ошибки студентов-татар, изучающих английский язык, и основные типы тренировочных упражнений для устранения ошибок в произношении, усвоения ритма и интонации английской речи. Даются методические рекомендации по преодолению интерферирующего влияния татарского языка.

Книга завершается общим заключением и приложением, где дана сопоставительная артикуляция звуков в обоих языках.

В целом учебное пособие Д. Х. Бакеевой по сравнительной фонетике английского и татарского языков является, по нашему мнению, ценным в теоретическом и практическом плане исследованием.

¹ По данным М. А. Хасанова, 95% ошибок в английской речи национальной аудитории объясняются интерференцией родного языка (см.: М. А. Хасанов. Организация обучения английскому языку в V классе башкирской школы. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 3).

Вместе с тем работа не лишена отдельных погрешностей. Так, на стр. 15 автор пишет, что для обозначения гласного монофтонга в словах типа *pol*, *hot* она принимает транскрипционный знак [ɤ], однако в дальнейшем в книге многократно встречается другой знак — [ə] (см. стр. 19, 21, 23—25 и т. д.).

На стр. 16 среди знаков транскрипции автор представляет знак краткой паузы [|], необязательной паузы [:] и более долгой паузы [||], однако далее в тексте эти знаки не используются.

Разделы «Гласные» и «Согласные» в пособии даются как самостоятельные. В то же время общие выводы по гласным и согласным звукам приводятся только после раздела «Согласные». Правомерно было бы, на наш взгляд, в таком случае объединить оба раздела.

Как известно из методической литературы, при изучении иностранного языка легко усваиваются языковые явления, совпадающие с явлениями родного языка, труднее — расходящиеся с ними, и наиболее трудносходные, близкие². В пособии Д. Х. Ба-

кеевой также констатируется относительная легкость овладения совпадающими звуками (с. 53), в то время как звуки [x], [ɤ:], [a:], близкие по артикуляции к татарским, определены в этом отношении как менее трудные (с. 38, 54), а из группы гласных, далеких по способу образования и по качеству, [u:], [u], [au], [ai] отнесены к числу наиболее трудноусвояемых; монофтонг [ə] характеризуется как легко усвояемый. Эти и некоторые другие отдельные утверждения автора, по нашему мнению, нуждаются в дальнейшем уточнении и конкретизации. Например, на стр. 53 [t] определен как наиболее трудный, а звук [d], характеризуемый одинаковыми с [t] параметрами (кроме звонкости), отнесен к ряду менее трудных для усвоения.

Из других неточностей можно отметить следующие: советский германист Б. А. Ильин ошибочно указан как Б. А. Ильин (с. 20, сноска 1), слово *port* в татарском передано как «пор» (с. 24), звуки [ei], [oi]. [ɔ:], [ə] названы трифтонгами (с. 38), предложение *Where do you go?* представлено как трехсложное, а не четырехсложное (с. 71).

Следует сказать, что указанные выше неточности не умаляют общего значения работы и могут быть легко устранены автором в последующих изданиях.

Ч. Ю. Латыпов

С. Х. АКБИЕВ. СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ДРУЖБА ЛИТЕРАТУР (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНСКО-ТАТАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ)

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО, МАХАЧКАЛА, 1985, 128 стр.

Культурно-исторические связи народов многонационального Дагестана с народами братских республик нашей страны — один из наиболее интересных аспектов изучения истории дагестанской литературы. В последние годы были опубликованы работы, посвященные русско-дагестанским¹ и азерб-

байджанско-дагестанским² литературным контактам. Рецензируемая книга С. Х. Акбиева «Связь времен и дружба литератур» посвящена дагестанско-татарским литературным связям.

С. Х. Акбиев — автор книг и ряда публикававшихся в периодической печати статей по проблемам дагестанско-поволжских культурных связей и книговедению³.

В рецензируемой книге ему удалось собрать большой фактический материал о

¹ Р. Ф. Юсуфов. Дагестан и русская литература конца XVIII и первой половины XIX в. М., 1964; У. Далгат, Б. Кирдан. Дагестан в творчестве русских писателей. — В кн.: «Дагестан в русской литературе», том I, Махачкала, 1960; В. Д. Лебедев. Из истории дагестанско-русских литературных связей (1900—1917 гг.). — «Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Серия филологическая», т. 18, Махачкала, 1968; Г. Г. Ханмурзаев. Дагестанская тема в русской литературе второй половины XIX века. Махачкала, 1982 и др.

² М.-Г. М. Садыки. Творчество лезгинских поэтов XIX века на арабском и азербайджанском языках. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1969; З. Н. Магомедов. Дагестанско-азербайджанские фольклорные связи. Автореф. канд. дисс. Баку, 1984.

³ С. Х. Акбиев. От рукописной книги к печатной. Махачкала, 1982 (на кумыкском языке).

культурных контактах населения Дагестана с народами Нижнего и Среднего Поволжья. Предки поволжских татар и тюркских народов Кавказа, в том числе кумыков и ногайцев, принимали определенное участие в создании общетюркских и региональных памятников культуры, таких, как «Кодекс Куманикус», «Китаби деде Коркуд», «Юсуф и Зулейха», «Тахир и Зухра», «Боз-Иигит», «Кисекбаш китаби», легенд и преданий о Чора-Батыре, Тохтамыше, Аманхоре и др. (с. 6, 18).

Одним из наиболее ранних сведений о поволжско-дагестанских контактах можно считать сообщение арабского автора XIV века Ибн Батуты о том, что он встретил в столице золотоордынского ханства «между наставников шафитов правоведа, имама Садреддина Сулеймана ал-Лекзи, одного из достойнейших людей» (с. 6). Судя по нисбе, последний был из Дагестана: «Лекзи» — древнее наименование Дагестана, встречающееся у раннесредневековых арабских и персидских авторов. Некоторые из известных впоследствии татарских ученых-алимов XVII—XVIII веков получили в свое время образование в Дагестане, в их числе — Таджетдин Ялчыгулов, автор весьма популярной среди татар «Истории болгар» (с. 6).

В XIX — начале XX века культурные связи дагестанцев с татарами Поволжья значительно расширились. В рукописных и печатных произведениях татарских ученых Шихабетдина Марджани и Ризаутдина Фахретдинова содержатся сведения о дагестанских ученых — их биографии, названия созданных ими трудов. Известный дагестанский ученый, поэт и просветитель Гасан Алкадари (1834—1910), в течение нескольких лет живший в татарских деревнях и Астрахани, довольно подробно описывает в своей книге «Диван ал-Мамнун» жизнь и быт татар, приводит имена многих деятелей культуры.

В 1897—1899, 1904 годах в Казани было издано несколько книг на ногайском⁴, кумыкском и аварском языках, среди них «Наставление» («Насиغبат») кумыкского просветителя и поэта М.-Э. Османова (с. 8). Следует отметить, что основанию и развитию типолитографского дела в Дагестане во многом способствовал опыт татарских издательств (Казани, Крыма, Оренбурга). Зачинатель национального книгоиздания в Дагестане кумыкский писатель, поэт, ученый и просветитель Абусуфьян Акаев (1870—1931) изучал в Казани издательское дело, и в начале нынешнего столетия в Темирханшуре (тогдашнем административном центре Дагестанской области) была открыта первая типография, предназначенная для печатания книг на восточных и дагестанских языках. Первая книга бы-

ла издана в 1903 году. В развитии и распространении просветительских идей в Дагестане значительную роль сыграл А. Акаев. В становлении его как просветителя, отмечает автор рецензируемой книги, огромное значение имело личное знакомство с прогрессивными деятелями татарского просветительства, с их трудами, идеями.

Одна из глав рецензируемой книги посвящена сравнительно-типологическому анализу просветительской деятельности и трудов двух видных представителей культуры татарского и кумыкского народов — Каюма Насырова (1825—1902) и Абусуфьяна Акаева. Прослеживая их творческую судьбу, автор указывает на типологическую близость их деятельности и идейной направленности созданных ими трудов. В то же время С. Х. Акбиев отмечает, что проблемы, которыми занимался К. Насыров, получили дальнейшее развитие в творчестве А. Акаева (с. 64).

Сопоставительное изучение деятельности и трудов представителей культуры разных народов позволяет выявить общие и отличительные черты в их идейно-теоретических воззрениях, глубже понять эпоху, в которую они жили и творили. Именно этот путь и избрал автор в своем исследовании. Это сказалось и на названиях отдельных глав книги: «Нухай Батырмурзаев и татарские прозанки-просветители», «Габдулла Тукай и кумыкская литература», «Саид Габиев и Молла-Нур Вахитов».

Интересны и убедительны, по нашему мнению, факты, приводимые автором в главах, посвященных татаро-кумыкским (с. 12—26) и татаро-ногайским литературным связям. В устном народном творчестве кумыков, ногайцев и татар прослеживаются весьма близкие по семантике и лексическому составу фразеологизмы, поговорки, пословицы, загадки, частушки. Большая близость наблюдается также в названиях, сюжетах произведений, именах персонажей и в общей структуре сказок этих трех народов. Автор объясняет это как этногенетической общностью народов, так и родством их языков, близостью бытового уклада и психического склада. В то же время памятники устного творчества этих народов носят оригинальный самобытный характер. Не лишено интереса предположение С. Х. Акбиева, что название населенного пункта Актаж (или Акташ), откуда, по преданию, родом герой известного ногайского и татарского сказания Шора (Чора-Батыр), может быть связано с названием реки Акташ в северном Дагестане (с. 18).

Одна из глав книги посвящена деятельности А. К. Казем-бека в Казани (с. 40—48). Уроженец Дербента, азербайджанец по национальности, ставший известным ученым-востоковедом, Мирза Александр Касимович Казем-бек (1802—1870), начал свою научную деятельность в Астрахани и Казани (1826—1849). Именно в этот период он приобрел известность в научном мире.

⁴ Имеется в виду книга, не упомянутая в рецензируемой работе: «Қыссаи үч қыз. Нұғай һәм қазақ теленде». (Казан, 1897).

В последней главе освещается значение творчества видного драматурга, одного из зачинателей социалистического реализма в татарской литературе — Галиаскара Камала (1879—1933) для развития театрального искусства кумыков. Первыми пьесами, сыгранными на кумыкской сцене, были произведения Г. Камала «Несчастный юноша», «Любовник» и «Тайны нашего города». Они были поставлены в начале XX века в Хасавюрте и, Темирханшуре еще до создания кумыкского профессионального театра. С. Х. Акбиев отмечает, что современный Государственный кумыкский музыкально-драматический театр им. А.-П. Салаватова нередко «перенимал опыт сценического искусства» у татарского театра (с. 124). Впоследствии в кумыкском театре ставились пьесы и других татарских авторов — Ф. Бурнаша, Б. Турая, Т. Миннуллина и др.

Содержание рецензируемой книги полностью подтверждает слова автора о том, что в ней «сделана лишь одна из первых попыток специального освещения некоторых вопросов дагестанско-татарских литературных связей» (с. 4, 125).

В работе С. Х. Акбиева имеются, к сожалению, и некоторые упущения. Нам представляется, что автор зачастую несколько преувеличивает роль и значение татарской переводной литературы в развитии кумыкской литературы, а в творчестве кумыкских авторов часто усматривает влияние татарских просветителей, поэтов, драматургов и т. д. (с. 6, 8, 51, 63, 98, 101 и др.). По этой причине оригинальная и самобытная литература дагестанцев, в частности кумыков, предстает перед читателем несколько односторонне освещенной. То же можно сказать и об анализе межддагестанских, русско-дагестанских, азербайджано-дагестанских литературных контактов. В переводах отрывков, приводимых автором в качестве иллюстраций, встречаются неточности, особенно часты они в цитатах из работ А. Акаева (с. 54, 56, 60, 64).

Выходные данные о некоторых изданиях, упоминаемых в работе, следовало бы, на наш взгляд, уточнить. Например, название кумыкской литографированной книги, изданной в 1922 году, — «Яшлары дюнъасы» (а не «Яшлар дюнъасы», с. 20, 53); издавал ее не А. Акаев, а М. Дибиров. Правда, в эту школьную хрестоматию составителем

были включены пять стихотворений А. Акаева. Книгу татарского писателя Загира Бигиева «Красавица Хадича» издал в 1912 году не А. Акаев, как это утверждается на с. 8, 53, 85, а перевел ее на кумыкский язык и издал в 1913 году Абдулхамид сын Шихаммат-кади из сел. Эрпели, текст же для литографирования подготовил Гасан сын Ибрагима из сел. Нижнее Казанище. Название азербайджанского журнала, в котором была опубликована известная статья Б. Чобан-заде о кумыкском языке и литературе, не «Маариф» или «Путь просвещения» (с. 52), а «Маариф ва маданият» («Просвещение и культура»). Год издания книги Г. Алкадарского «Асари Дагестан» не 1908 (с. 7), а 1903 год; книга «Дербенд-наме» была издана в 1851 году (ср. с. 47).

Желательно было бы унифицировать систему подачи названий книг, изданных на национальных языках, то есть дать названия в русском переводе или же на языке оригинала, но в русской транскрипции. Этот принцип не всегда выдержан в рецензируемой работе. К примеру, одна из известных кумыкских книг А. Акаева, озаглавленная в оригинале по-арабски: «Маджмӯ' ул-ан'ар ал-'аджамиййат», издавалась несколько раз в Симферополе, Бахчисарае (1903) и в Темирханшуре (1912)⁵. В работе же С. Акбиева название ее встречается в трех разных модификациях: «Сборник народных песен, пословиц и поговорок» (с. 13), «Сборник народных произведений» (с. 63), «Аджам шиърулары мажмуасы» (с. 57).

Отдельные частные недочеты, разумеется, не умаляют общего значения книги С. Х. Акбиева, написанной на должном научном уровне и насыщенной богатым фактическим материалом. Книга, несомненно, с интересом будет прочитана литературоведами и исследователями истории культурных связей тюркоязычных народов нашей страны.

Г. М.-Р. Оразаев

⁵ В буквальном переводе это название означает: «Сборник аджамской поэзии». В дореволюционной дагестанской литературе термин «аджамский» употреблялся в значении «неарабский». В данном случае его следует понимать как «кумыкский» («Сборник кумыкской поэзии»).

З. Х. ТОЛГУРОВ. ДВИЖЕНИЕ БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗД-ВО «ЭЛБРУС», НАЛЬЧИК, 1984, 250 стр.

В рецензируемой монографии З. Х. Толгурова «Движение балкарской поэзии» исследуются проблемы, связанные с различ-

ными этапами становления социалистического реализма в литературах народов Северного Кавказа. Автор предпринимает по-

пытку выявить пути возникновения типологической общности новописьменных литератур, в частности литератур Северного Кавказа: балкарской, карачаевской, ногайской, кабардинской и др. Им рассматриваются вопросы творческого метода, стиля, формы и содержания, партийности литературы и искусства.

Исследуя становление метода социалистического реализма, автор затрагивает такие важнейшие философские и эстетические проблемы, как соотношение в творчестве объективного и субъективного, гносеологическая природа национального искусства. В книге дан анализ поэтики и эстетики различных жанров не только литератур Северного Кавказа, но и некоторых других новописьменных литератур; рассматривается переход этих жанров от фольклорных традиций к современным художественным формам и методам.

В монографии, состоящей из четырех глав, в первой главе «У истоков социалистического реализма» исследуются вопросы теории и поэтики мифотворчества, особенности нартского эпоса, историко-героических и лирических песен народов Северного Кавказа, анализируется творчество крупнейшего представителя дореволюционной литературы этого региона Кязима Мечиева. Автору удалось показать глубокую, уходящую корнями в древность, культурную общность северокавказских народов, что убедительно подтверждается нартским эпосом. Эта общность, как отмечает автор, была обусловлена единством процесса исторического развития, общностью экономического и бытового уклада.

Исследуя дореволюционное культурное наследие народов Северного Кавказа, З. Х. Толгуров не ограничивается только историко-литературным анализом. Он обращается к таким категориям, как магия, табуирование, рассматривает связь табуирования с религией, особенности мифологического мышления, перехода мифа в художественно-познавательный образ, формирования субъективного начала и т. д.

В главе, посвященной начальному этапу формирования социалистического реализма (20—30-е годы) в новописьменных литературах, автор выделяет в них просветитель-

ские тенденции, особенности художественного воплощения идейного содержания. З. Х. Толгуров раскрывает сложности, которые приходилось преодолевать молодым литераторам в процессе эстетического освоения требований эпохи, традиций литератур братских соседних народов и прежде всего русского.

На наш взгляд, интересны выводы автора о том, что эстетическая оценка тех или иных событий зависела как от уровня внутренней культуры читателей, так и от характера существовавших в то время общественных отношений.

Значительная часть главы посвящена творчеству К. Мечиева. «Идея свободы и равноправия является душой всей его поэзии. И в этом плане К. Мечиев стоит рядом с большими художниками слова других народов», — подчеркивает автор. З. Х. Толгуров глубоко раскрывает сложный, противоречивый творческий путь поэта. Выходец из трудовых низов, он тем не менее был далек от революционного движения и причиной социальной несправедливости считал недостаточную просвещенность народа. Автор касается и неопубликованных поэм К. Мечиева, сюжетной основой которых явились некоторые суры Корана. Интересно дан в книге анализ раннего творчества Кайсына Кулиева. Автор останавливается на поисках поэтом новых художественных средств выражения, способствующих раскрытию сложного внутреннего мира человека.

В монографии З. Х. Толгурова рассматриваются также проблемы создания образа литературного героя, нравственные истоки подвига, соотношение романтизма и реализма в творчестве Р. Гамзатова, К. Кулиева, Д. Кугультинова, А. Кешокова, Б. Куашева и др.

Монография З. Х. Толгурова содержит много интересного в области решения таких проблем советского литературоведения, как стиль и метод, социалистический реализм и романтизм, социалистический реализм и мифология, национальное и интернациональное.

Х. Малкондугев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ТРЕТЬЕ РАСШИРЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭТИМОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ»

28—30 мая 1986 года в Алма-Ате на базе Института языкознания Академии наук Казахской ССР проходило «Третье расширенное совещание по проблемам этимологии тюркских языков», организованное по инициативе Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР. В работе совещания приняли участие ученые-этимологи из Абакана, Баку, Горно-Алтайска, Казани, Киева, Кызыла, Ленинграда, Львова, Москвы, Нальчика, Ташкента, Улан-Удэ, Уфы, Фрунзе, Чебоксар, Черкесска, Якутска, городов Казахстана — Караганды, Кокчетова, Кызыл-Орды, Усть-Каменогорска, академических учреждений и вузов Алма-Аты. Общее количество участников превышало 250 человек, в том числе 150 докладчиков. Совещание открыл академик Академии наук Казахской ССР *С. К. Кенесбаев*.

На пленарном заседании с докладами выступили *А. А. Ахундов* (Баку), *Г. А. Абдурахманов* (Ташкент) и *А. Т. Кайдаров* (Алма-Ата).

Доклад *А. А. Ахундова* «Из опыта составления историко-этимологического словаря азербайджанского языка» был посвящен характеристике словника словаря, его структуры и словарных статей.

Г. А. Абдурахманов в докладе «Этногенез узбекского народа и периодизация истории развития его языка» на основе исторических, археологических и лингвистических материалов выделил четыре периода в истории узбекского языка: 1) древнейшие тюркские языки (до VI в.); 2) древнетюркский этап (VI—X вв.); 3) староузбекский язык: а) XI—XIV вв. и б) XIV—первая половина XIX в.; 4) новоузбекский язык (со второй половины XIX в. по настоящее время).

А. Т. Кайдаров в докладе «Тюркская этимология: проблемы и задачи» остановился на общих и частных аспектах истории, теории и практики этимологических исследований тюркских языков, на методах и критериях этимологической реконструкции.

Работа первой секции была посвящена

следующим вопросам: фоно-морфо-лексико-семантической природе тюркского корня, теоретическим проблемам и типологии, семасиологии и этнолингвистике, терминологическим пластам лексики, фразеологическим аспектам языка.

В докладе *Р. Г. Сыздыковой* (Алма-Ата) «Роль семантической реконструкции словоформ в обнаружении этимона слова» на примере фоно-семантического анализа гомогенных рядов и омоформ корня **ал*, а также его модификаций была показана перспективность использования при определении истоков слова, наряду с фонетическими и морфологическими критериями, также семантических характеристик.

М. И. Скворцов (Чебоксары) в докладе «Реконструкция лингвистической непрерывности как одна из задач этимологического словаря чувашского языка» подчеркнул необходимость при подготовке полного этимологического словаря чувашского языка обеспечения в нем реконструкции временной непрерывности и учета территориального распространения чувашско-булгарского языка в разные периоды его истории.

Факты специфического морфонологического и фонологического коррелирования морфем на примере уйгурского языка привел в своем докладе «Некоторые фонетические факторы уйгурского языка, приводящие к этимологическому затемнению морфем» *Г. С. Садвакасов* (Алма-Ата).

А. М. Мамедов (Баку) в докладе «О хронологической разнородности пратюркской лексики» утверждал, что само «общетюркское» состояние, не будучи локально и хронологически ограниченным, отражает реальную историческую языковую общность.

В докладе «О мотивации наименований животных в тюркских языках» *М. М. Копыленко* (Алма-Ата), выделив несколько номинационных факторов, предложил новую методику этнолингвистического анализа содержания единиц рассматриваемого лексического пласта.

Ряд частных этимологий бытовых слов—

названий предметов домашнего обихода в тюркских языках типа: *дашқазан* (узб., уйг., кирг.), *пакки* (узб.) ~ *бэкэ* (уйг.) ~ *бэки* (казах), ~ *баки/маки* (кирг.) ~ *пэки* (каракалп., туркм.) и т. д. предложил *И. А. Исмаилов* (Ташкент).

В докладе «Этимология и понятийное содержание звукосемантизма» *К. Ш. Хусаинов* (Алма-Ата) проследил наблюдающиеся в тюркских и семитских языках случаи взаимного перемещения анлаутных и ауслаутных согласных в односложных корнях, в основном звукоизобразительного типа, как результат восприятия равнокомпонентного фоносемантического единства, цельного звукового образа. Близким аспектам этой же проблемы был посвящен доклад *С. В. Воронина* (Ленинград) «Этимология и фоносемантика: на материале тюркских и некоторых других языков», зачитанный на совещании.

На этимологических аспектах терминологизации и некоторых моделях этого процесса в казахском языке остановился *У. А. Айтбаев* (Алма-Ата). *О. В. Субракова* (Абакан) в докладе «Этимология некоторых архаичных слов хакасского языка: на материале героического эпоса» уточнила семантику и этимологию некоторых архаичных терминов бытовой лексики, материальной и духовной культуры, бытующих только в пассивной, малоупотребительной лексике и языке фольклора. *Г. Д. Ажибекова* (Алма-Ата) на убедительных примерах раскрыла способы образования плеоназмов в тюркских языках с этимологически затемненными компонентами. В сообщении «К этимологии некоторых названий птиц в карачаево-балкарском языке» *И. М. Отаров* (Нальчик) предложил ряд новых этимологий некоторых терминов и привел перечень наименований, происхождение которых остается пока невыясненным. Лингвистические данные к общетюркскому вопросу государственности кочевников в плане соотношения древнетюркской триады и казахских жузов привели *А. Нутушев* и *М. Мухитденов* (Алма-Ата). Этнолингвистическому аспекту семантической структуры именных словосочетаний со значением, относящимся к внешности человека, посвятил свое выступление *М. Ержанов* (Караганда). *Г. Анесов* (Алма-Ата) остановился на некоторых реликтовых моделях именного словообразования и пережиточных деривационных форматах казахского языка.

Е. Ф. Васильева (Чебоксары) в докладе «Фонетическая структура односложных корней и основ в чувашском языке» остановилась на фоно-морфо-семантических структурах односложных имен существительных, частоте употребления фонем во всех позициях моносиллаба.

Результаты историко-этимологического анализа социальной титулатуры в киргизском языке были изложены в выступлении *Ч. К. Дыйкановой* (Фрунзе). Этимологии

некоторых терминов ювелирного искусства казахов привел *Р. Шойбеков* (Алма-Ата). Индоиранские заимствования в древних тюркских языках, вопросы этногенеза тюрков по данным эволюции языка были темой выступления *Н. И. Егорова* (Чебоксары). Отдельные итоги исследования устойчивых словосочетаний в казахском языке (в этимологическом аспекте) привела *Ж. Манкеева* (Алма-Ата).

Д. Х. Базарова (Ташкент) в докладе «Этимологические разработки в рамках отдельных тематических групп слов» показала, как историко-этимологический анализ слов в рамках отдельных тематических групп позволяет выявить строго определенные словообразовательные модели, по которым они построены.

Несколько этимологий терминов охоты у казахов (мотивы номинации) привел *Е. Косбасаров* (Алма-Ата). Отдельные замечания к прочтению буквенных и надстрочных знаков древнегреческой письменности, проливающих, по мнению докладчика, определенный свет на древнегреческо-древнетюркские связи, высказал *Т. Мамедов* (Баку). Об этимологическом изучении семантически затемненных компонентов в казахских пословицах и поговорках рассказала *Г. Турабаева* (Алма-Ата), а об архаичных элементах лексики казахского эпоса доложила *А. Мукатаева* (Алма-Ата). Образной основе мотивации казахских народных загадок посвятила свое выступление *Н. Онгарбаева* (Алма-Ата).

В сообщении *Г. Е. Корнилова* (Чебоксары) «Проблемы преодоления этимологического примитивизма в теории и практике современных исследований» говорилось о том, что к этимологическому примитивизму приводит незавершенность исследования, которое с точки зрения теории имитативов должно определить исходный, первоначальный статус не только словообразовательных компонентов, но и каждого отдельно взятого звука в границах исходного корня.

В сообщении *Е. З. Кажобекова* (Алма-Ата) «Фоно-семантическая характеристика пратюркского корня» была подчеркнута особая значимость для тюркских языков в связи с их спецификой взаимоотношений звуков и значений. Тюркское слово *қара* 'черный' в историко-типологическом аспекте проанализировал *И. С. Меликов* (Баку). Историческому пути развития корневых и аффиксальных морфем казахского языка с выделением этапов эволюции и природы фоно-морфологических и семантических модификаций посвятил свое выступление *М. Оразов* (Ташкент).

Л. П. Петров (Чебоксары) в докладе «Общее и отличительное в коневодческой терминологии чувашского и казахского языков в этимологическом освещении» указал, что в чувашском языке, в особенности в животноводческой лексике—одной из наиболее архаичных, сохранились сло-

ва, свидетельствующие о прошлом кочевом образе жизни предков чувашей. Кроме того, чувашский язык включает значительную часть общетюркской коневодческой терминологии.

В докладе Д. Х. Базаровой и К. А. Шариповой (Ташкент) «Из наблюдений над этимологией названий домашних животных в узбекском языке» говорилось о том, что различные по своему внешнему облику названия мастей лошади, как, например, *жийрон* 'рыжий' и *қўнғир* 'бурий' и т. п., трактуются как этимологические вариантные формы со следами позднейших инноваций.

Отдельные этимологические аспекты повторов в казахском языке затронула в своем выступлении З. Н. Кожабергенова (Алма-Ата).

Вторая секция обсуждала вопросы: фонетической реконструкции и грамматической этимологии, диалектных данных, заимствований и лексических параллелей, алтаистики.

П. И. Кузнецов (Москва) в докладе «О происхождении личных аффиксов в тюркских языках: спорные вопросы» подчеркнул роль гласных основ (а также роль основ времен и наклонений, утративших конечный согласный) в образовании аффиксов принадлежности и усеченных личных аффиксов; остановился на вопросе о происхождении аффиксов *-из* и *-к*.

Об использовании данных монгольского языка при этимологизации казахских слов сообщил Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата). В докладе Р. С. Амирова (Алма-Ата) «Этимологизация как средство комментирования фольклорных текстов» была охарактеризована лексика казахских фольклорных произведений, подчеркнута роль этимологизации в раскрытии значения слов.

Свой доклад «Этимология керексура» Н. К. Антонов (Якутск) посвятил каменным могильникам Монголии, Забайкалья, Тувы и Алтая.

Т. Т. Галипов (Алма-Ата) в своем выступлении проанализировал генезис тюркского словообразовательного аффикса *-мач/-мача*. В докладе З. Г. Ураксина (Уфа) «Сравнительное изучение и этимологизация фразеологизмов в тюркских языках» были определены основные аспекты сравнительного изучения и этимологизации фразеологических единиц в тюркских языках. В сообщении А. Нурмагамбетова (Алма-Ата) «Этимология некоторых лексем, образованных при помощи показателя *-дай*», этимологизировался ряд архаичных прилагательных: *дэсердей*, *зілдей*, *мауыздай*, *нартгай*, *мірдей* или *мірдің*, *огындай*, *сынтай*. О проблемах этимологизации монголизмов в тюркских языках говорил В. И. Рассадин (Улан-Удэ).

В докладе Г. Калиева (Алма-Ата) «Об этимологии некоторых казахских диалектных корней и основ» были раскрыты особенности структуры и функционирования

древнетюркских корней, сохранившихся в казахских говорах.

А. Д. Шукuroв (Баку) в докладе «Вопрос об этимологизации первообразных послелогов в тюркских языках» показал, что все слова, выражающие грамматические отношения между именем и глаголом, а также между именем и именем имеют именное происхождение. Послелоги же, выражающие грамматические отношения только между именем и глаголом, обособились от глагола.

В своем докладе «К этимологии залоговых аффиксов» А. К. Калыбаева (Алма-Ата) особо остановилась на понудительном залоге, отличающемся от других, помимо семантики, еще множеством и разноморфемностью аффиксов.

А. Д. Джунисбеков (Алма-Ата) и Ж. Абуов (Кзыл-Орда) в докладе «К вопросу о сингармонизме в этимологическом аспекте» утверждали, что важнейшим исследовательским инструментом в этимологических исследованиях в тюркских языках является закон сингармонизма. Основными фонологическими показателями компонентов агглютинации слова (в древнетюркском) являются, сказал в своем выступлении Б. О. Тайлакбаев (Кзыл-Орда), их размер (равный одной минимальной произносительной единице), равенство вокалистических и консонантных составляющих, наличие у последних совместного комитативного признака.

В сообщении С. Омарбекова (Алма-Ата) «Этимологический аспект замены конечных *к>у* в казахских говорах» на основе материала казахских народных говоров было высказано предположение об общности аффикса *-у* в производных основах и древнего конечного увулярного *-ғ*. В докладе Р. Г. Ахметьянова (Казань) «Об особенностях этимологии служебных слов» на примерах служебных слов *мазар* и *та*, *таң* были прослежены пути превращения полнозначных слов в служебные, история частиц *ни* и *пә* (в татарском варианте). В выступлении В. С. Сагиндыкова (Алма-Ата) «Этимология аффиксов принадлежности» обосновывался тезис о том, что аффикс *-н* и его варианты *-ан*, *-ун*, *-ин* в праязыке употреблялись как показатели именных основ.

В докладе Б. И. Татаринцева (Кызыл) «Об этимологиях некоторых предполагаемых заимствований и „алтаизмов“ в общетюркской бытовой лексике» была высказана мысль, что в бытовой лексике (в частности, тюркских языков) имеются относительно устойчивые компоненты (слова). Существующее мнение о них, что они якобы являются заимствованиями, нуждается в проверке и уточнении.

Б. Хасанов (Алма-Ата) в сообщении «О роли этимологических исследований при обучении второму языку в условиях двуязычия» доказывал важность этимологии в изучении родного языка и повышении культуры речи, а этимологического

объяснения слов—при обучении второму языку в условиях двуязычия.

В выступлении *Т. Айдарова* (Ташкент) «Этимологическое изучение диалектной лексики казахского языка» был приведен ряд этимологий диалектизмов, свойственных речи казахов, проживающих в Узбекистане. В своем сообщении «Принципы этимологизации тюркизмов в русском языке» *Т. У. Жолтаева* (Алма-Ата) основное внимание уделила методике проведения таких исследований. *Э. С. Кулиев* (Баку) в сообщении «Историко-типологический анализ архетипа *аң в тюркских языках» утверждал, что архетип *аң в тюркском праязыке являлся полисемантическим словом, обозначающим понятие «человек», «животное», «растение».

Особенности употребления прошедшего времени на *-ып* в народном языке, соотношение личных и временных форм, характерных для конкретного региона, рассматривались в сообщении *Ж. К. Туймебаева* (Алма-Ата) «К этимологии аффиксов временных форм». *Ж. А. Абуов* (Кзыл-Орда) в сообщении «Принципы исследования восприятия тюркской речи» остановился на механизмах взаимодействия разных уровней языка при фонемной идентификации звуков, представляющих собой фонетически сходные, но функционально различные единицы в казахском, киргизском, узбекском и каракалпакском языках. Отдельные этимологии диалектных слов, обозначающих родственные отношения, привел в своем выступлении *Х. К. Каримов* (Алма-Ата). В докладе *Д. Ю. Алтайбаевой* (Кзыл-Орда) «К этимологии некоторых фразеосочетаний казахского языка, возникших под влиянием русского», обосновывалась необходимость расчленения сочетаний фраз казахского языка на собственно кальки, абсолютные эквиваленты и индуцированные образования, что, по ее мнению, должно способствовать системному описанию лексики. Опытом этимологизирования грамматических терминов тюркских языков поделилась *З. А. Ахметжанова* (Алма-Ата). Этимологическим изысканиям в области терминов верблюдоводства в казахском языке посвятил свое выступление *А. Жакипов* (Кзыл-Орда). О фонетических изменениях в этимологическом аспекте сделал сообщение *Ж. А. Аралбаев* (Алма-Ата). Этимологии некоторых имен существительных арабского происхождения привела *Ш. А. Абишева* (Алма-Ата). О значении установления видов грамматического процесса в этимологизации отдельных имен прилагательных говорил *Ж. Т. Сарбалаев* (Алма-Ата).

Третьей секцией обсуждались вопросы ономастологии (этнонимия, топонимия, антропонимия), частные этимологии и этимологии отдельных лексических пластов.

В докладе *И. Г. Добродомова* (Москва) «Роль топонимического материала в этимологии местных географических терминов применительно к тюркским языкам» была

подчеркнута важность привлечения к этимологии географических терминов, входящих в состав топонимов.

Как базу для этимологических исследований представил материалы древней топонимии Казахстана *Т. Д. Джанузаков* (Алма-Ата). Роль топонимических изоглоссов в разграничении тюркских и монгольских исходных основ в географических именах Горного Алтая осветила *О. Т. Молчанова* (Львов). С этнонимическими этюдами *Тюрк, Тюргеиш и Найман* ознакомил собравшихся *А. С. Аманжолов* (Алма-Ата). На вопросах стратиграфии и этимологии географических названий Киргизстана остановился *К. Конкобаев* (Фрунзе). Об этимологическом изучении средневековых топонимов Центрального Казахстана рассказал *А. Абдрахманов* (Алма-Ата). Интересные этимологии этнонимов предложили: *ас* — *С. Я. Байчоров* (Черкесск) и *қаңлы* — *Т. Арынов* (Алма-Ата). Данные ономастологии для реконструкции общего словарного фонда языков таксономического типа привел *А. Г. Шайхулов* (Уфа). На некоторых этимологиях древней тюркских антропонимов остановился *В. У. Махпиров* (Алма-Ата). *В. Н. Тадыкин* (Горно-Алтайск) предложил новые этимологии топонимов Алтайского края: *Катунь, Чолушман, Башкаус, Барнаул, Паспаул*.

Об этимологических этюдах в «Шаджра-и турк» Абулгази рассказал *Б. А. Абилясимов* (Алма-Ата). Ряд этимологий древнетюркских антропонимов привел *Ч. Гусейнзаде* (Баку). Поделились опытом ретроспективного подхода к этимологии исторической лексики на примере анализа этимона *тәңгі* *А. М. Ибатов* и *Е. Х. Жубанов* (Алма-Ата). О принципах номинации и этимологизации слов, относящихся к флоре и фауне, говорил *Э. Ф. Ибердин* (Уфа). Этимологии конкретных слов привели *Г. Айдаров* (Алма-Ата) (казах, *ұшқын*), *И. Абдувалиев* (Фрунзе) (кирг. *агыл*), *Ш. Баратов* (Алма-Ата) (уйг. *йесимук* 'чечевица'). Об этимологии некоторых оронимов и гидронимов Карагандинской области говорил *А. Жартыбаев* (Караганда), о топонимах региона Кустаная — *Б. Бектасова* (Алма-Ата), о некоторых топонимах бассейна Урала — *С. Ескендинова* (Алма-Ата).

М. Т. Томанов (Алма-Ата) в сообщении «Из истории имен прилагательных в казахском языке» показал на основе сравнительного анализа фактов древне- и средне-тюркских памятников и современного казахского языка правильность известной в тюркологии теории о генетической связи имен прилагательных с именами существительными.

Этимологическим основам мотивации названий по народной номенклатуре растений (на материале казахского языка в сопоставлении с другими языками) посвятила свое выступление *Г. И. Уюкбаева* (Алма-Ата). *Б. О. Осмонналиева* (Фрунзе) этимологизировала в общеалтайском

плане киргизские термины родства: *келин, куда, кудагый, кайын, кудача, байбиче, жээн, үкө/үке, эне* и др. Об этимологии некоторых антропонимов в памятниках армяно-кыпчакского языка XVI—XVII вв. доложил *С. Ж. Кудасов* (Алма-Ата). О Ч. Ч. Валиханове как этимологе рассказал *О. А. Султаньяев* (Кокчетав), историко-этимологические объяснения названий растений привел *Б. К. Калиев* (Алма-Ата), названий продуктов питания в казахском языке — *А. М. Жылкубаева* (Усть-Каменогорск). О происхождении некоторых топонимов в романе-эпопее *М. О. Ауэзова*

«Путь Абая» говорила *К. С. Еспаева* (Алма-Ата). О загадочном народе тюрк-сиров (этимология древнетюркского этнонима) рассказали *М. Мухитденов* и *А. Нутушев* (Алма-Ата). Модели на -ас, -аш, -с гидронимов Семиречья этимологически интерпретировал *Т. Омирзаков* (Алма-Ата).

В заключение совещанием были приняты соответствующие рекомендации для проведения этимологических исследований.

А. А. Ахундов, Е. З. Кажобеков

PERSONALIA

ДИЛЯРА ГАРИФОВНА ТУМАШЕВА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и тридцать пять лет научно-педагогической деятельности заведующей кафедрой татарского языка Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, заслуженного деятеля науки ТАССР, доктора филологических наук, профессора Дилыры Гарифовны Тумашевой.

Д. Г. Тумашева родилась 19 июля 1926 года в г. Тюмени. С отличием окончив в 1949 году тюркское отделение Московского государственного университета, она там же продолжила учебу в аспирантуре. После защиты кандидатской диссертации в 1952 году Д. Г. Тумашева была направлена на работу в Казань. С того времени вся ее научно-педагогическая деятельность связана с Казанским государственным университетом, где с 1965 года она заведует кафедрой татарского языка. В 1969 году Д. Г. Тумашева защищает докторскую диссертацию. С 1971 по 1980 г. она — декан историко-филологического факультета Казанского университета и председатель совета по защите диссертаций исторического и филологического профиля.

Основным направлением научной деятельности Д. Г. Тумашевой является иссле-

дование диалектов сибирских татар. Ее монографии «Язык западносибирских татар. Грамматический очерк и словарь» (1961), «Язык сибирских татар. Часть 2» (1968), «Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования» (1977), многочисленные статьи получили заслуженное признание советских и зарубежных тюркологов. В этих работах автором впервые вводятся в научный обиход материалы неизвестных и малоизвестных говоров, собранные ею на протяжении более чем двадцатилетней полевой экспедиционной работы.

Научные разыскания Д. Г. Тумашевой позволили ей выдвинуть и обосновать историко-лингвистическую концепцию о том, что диалекты, на которых говорят сибирские татары в настоящее время, квалифицируемые обычно как диалекты татарского языка, исторически восходят к языкам и наречиям, принадлежавшим различным этническим общностям обширного тюркского ареала Сибири, точнее — его западной части. Весьма плодотворной является высказанная Д. Г. Тумашевой мысль о выравнивании диалектов сибирских татар на основе взаимодействия с татарским языком и тоболо-иртышским койнз.

Весьма ценными для татарского языкознания являются грамматические исследования Д. Г. Тумашевой. В 1964 году ею был опубликован курс морфологии современного татарского литературного языка для вузов республики, написаны раздел «Глагол» для книги «Современный татарский литературный язык» (М., 1969), ряд статей, в том числе «Перифрастические формы татарского глагола», «Способы номинации пространственной характеристики действия» и др. В 1986 году вышла в свет книга Д. Г. Тумашевой «Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий».

Д. Г. Тумашева отдает много сил и энергии воспитанию научной смены. Под ее руководством защищено десять кандидатских диссертаций.

При участии Д. Г. Тумашевой и под ее редакцией издан ряд школьных учебников по родному языку, различные методические пособия для учителей.

Д. Г. Тумашева принимает активное участие и в общественной жизни республики, часто выступает с докладами на все-союзных и международных научных конференциях, совещаниях и симпозиумах.

Научная, педагогическая и общественная деятельность Д. Г. Тумашевой получила высокую оценку: она награждена орденом Ленина и медалями СССР. В 1977 году ей

было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки ТАССР.

Многочисленные друзья, коллеги и ученики Дилияры Гарифовны Тумашевой поздравляют ее с юбилеем и желают ей доброго здоровья, счастья, дальнейших успехов в научной и педагогической работе.

*Б. А. Серебренников,
Д. Ш. Шайхайдарова*

ВАХИТ ХОЗЯТОВИЧ ХАКОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения профессора Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, доктора филологических наук Вахита Хозятovichа Хакова.

Семнадцатилетним юношей В. Х. Хаков добровольно вступил в ряды Красной Армии, служил на фронтах Великой Отечественной войны.

Окончив после демобилизации из армии Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, он несколько лет работал учителем в школах Татарской АССР. В 1960 году окончил аспирантуру при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, а через год защитил кандидатскую диссертацию «Язык и стиль татарской публицистики в годы первой русской революции». В 1971 г. В. Х. Хаков защитил докторскую диссертацию «Образование и развитие татарского национального литературного языка и его стилей».

Почти вся научно-педагогическая деятельность В. Х. Хакова связана с Казан-

ским университетом, где он работает уже более четверти века. Основные научные интересы В. Х. Хакова сосредоточены в области истории тюркских (главным образом—татарского) литературных языков, развития их стилистических категорий, а также тюркско-татарских письменных памятников. Он занимается также общими вопросами языкознания, проблемами лексикологии, терминологии, фразеологии, орфографии, этимологии, культуры речи, методики изучения языка в школе и др.

В монографиях и книгах В. Х. Хакова «Вопросы языка и стиля» (1961), «Введение в стилистику татарского языка» (1963), «Очерки по истории татарского литературного языка» (1965), «Образование и развитие татарского национального литературного языка» (1972), «Стилистика и искусство слова» (1979), «Развитие татарского литературного языка в советский период» (1985) и других публикациях исследуются вопросы развития лексических, фонетических, грамматических норм и стилистических категорий татарского литературного языка. Им написаны также такие учебные пособия, как «Изучение стилистики в школе» (1970), «Стилистика татарского языка» (1980), «Изучение языка татарских писателей в школе» (1984) и др.

В. Х. Хаковым созданы также вузовские курсы «История татарского литературного языка» и «Стилистика». Недавно он завершил работу над курсом «История татарского литературного языка». В. Х. Хаковым разработаны также спецкурсы «Основные этапы истории развития татарского литературного языка», «Функциональные стили татарского языка», «Основы социолингвистики» и др.

В. Х. Хаков—активный участник многих всесоюзных, межвузовских, региональных научных конференций.

Много сил отдает В. Х. Хаков подготовке научных кадров. Он также активный пропагандист культуры речи. Уже больше десяти лет под его руководством и при непосредственном участии по республикан-

скому радио ведутся передачи по татарскому языку и культуре речи.

В. Х. Хаков награжден орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями СССР, рядом почетных грамот, нагрудным знаком Минвуза СССР.

Друзья, коллеги и ученики Вахита Хозя-

товича Хакова сердечно поздравляют его с юбилеем и желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в научно-педагогической деятельности.

С. М. Ибрагимов, И. М. Низамов

ТАГИР ГАЛЛЯМОВИЧ БАИШЕВ

(К столетию со дня рождения)

Научная общественность Башкирии отметила столетие со дня рождения одного из основоположников башкирского советского языкознания, исследователя башкирских диалектов и говоров Тагира Галлямовича Баишева.

Т. Г. Баишев родился в августе 1886 года в с. Старо-Халилово Дуванского района Башкирии в семье крестьянина. После окончания сельской школы он стал учителем, одновременно усиленно занимаясь самообразованием.

После победы Великого Октября Т. Г. Баишев активно участвовал в работе по развитию народного образования, составлял школьные программы, учебники, методические пособия по родному языку и литературе и одновременно продолжал учебу в Башкирском педагогическом институте им. К. А. Тимирязева.

Проблемами башкирского языкознания Т. Г. Баишев начал заниматься с середины 30-х годов, когда формировался литературный язык и вырабатывались его нормы. Он усердно изучал народный язык, ежегодно отправлялся в экспедиции, собирая материал по башкирским диалектам и говорам, этнографии и фольклору. Позднее он обобщил эти материалы и опубликовал монографию «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» (М., 1955) и ряд больших статей. В монографии он впервые предложил обоснованную классификацию башкирских диалектов и говоров, установил их границы, описал характерные особенности фонетики, морфологии и лексики, поставил вопрос о нормализации литературного языка.

Существенный вклад внес Т. Г. Баишев и в башкирскую лексикографию. Он смело использовал в словарных статьях материалы своих диалектологических экспедиций, разработал целые отрасли лексики, в том числе терминологию родства, животноводства, растениеводства и др. Под его редакцией были опубликованы терминологические словари по математике, физике и зоологии. Он является также одним из основных составителей первого большого «Русско-башкирского словаря» (М., 1948) и «Башкирско-русского словаря» (М., 1958).

Тагир Галлямович Баишев тесно сотрудничал с видными советскими тюркологами и всю свою энергию и знания отдавал языковому и культурному строительству в Башкирской АССР.

За заслуги в области науки и культуры Т. Г. Баишев был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями СССР и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета БАССР.

З. Г. Ураксин

С О Д Е Р Ж А Н И Е

- Э. Р. Тенишев (Москва). Сотый номер журнала «Советская тюркология» . . . 3
 ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА ЯЗЫКА

- В. Г. Гузев (Ленинград). Значения форм страдательного и возвратного залогов.
 Состав категории залога 5

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- А. Меметов (Ташкент). Русские кальки в крымскотатарском языке 13

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Ф. Урманчиев (Елабуга). Имя эпического героя 22

ОНОМАСТИКА

- Н. Я. Мингбаев (Сырдарья). Об этимологии макротопонима «Мирзачуль» . . . 34

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Н. А. Баскаков (Москва). О некоторых общих задачах тюркского языкознания . 39
 Б. А. Серебренников (Москва). О несостоятельности аргументов, применяемых
 для доказательства звукоперехода г в з 53

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- М. М. Мусаев (Баку). Структурно-функциональная классификация определитель-
 ных придаточных предложений в тюркских языках 60
 Р. Расулов (Ташкент). Агенсная валентность залоговых форм глаголов сос-
 тояния 68
 Э. А. Умаров (Ташкент). Об «икании» и «экании» в гератском диалекте старо-
 узбекского языка XV века 78
 В. Г. Кондратьев (Ленинград). Язык памятников древнетюркской письменности
 и староанатолийско-тюркский язык XIII—XV веков 83
 У. Д. Доспанов (Нукус). Филологические науки в Каракалпакии в XI пятилетке . 89

РЕЦЕНЗИИ

- М. Ф. Чернов (Чебоксары). «Чувашско-русский словарь» 93
 А. К. Курышжанов (Караганда). Т. Р. Кордабаев. Түркология тарихына; Т. Р.
 Кордабаев. Түркология ғылымының даму тарихына 96
 Ч. Ю. Латыпов (Уфа), Д. Х. Бакеева. Сопоставительная фонетика английского
 и татарского языков 98
 Г. М.-Р. Оразаев (Махачкала). С. Х. Акбиев. Связь времен и дружба литератур . 99
 Х. Малкондуев (Нальчик). З. Х. Толгуров. Движение балкарской поэзии . . . 101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. А. Ахундов (Баку), Е. З. Кажобеков (Алма-Ата). «Третье расширенное сове-
 щание по проблемам этимологии тюркских языков» 103

PERSONALIA

- Б. А. Серебренников (Москва), Д. Ш. Шайхайдарова (Казань). Диляра Гарп-
 фовна Тумашева 108
 С. М. Ибрагимов, И. М. Низамов (Казань). Вахит Хозятович Хаков 109
 З. Г. Ураксин (Уфа). Тагир Галлямович Баишев 110

C O N T E N T S

- L. R. Tenishev* (Moscow). The hundredth issue of the magazine «Soviet Turkology» 3

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- V. G. Guzev* (Leningrad). Meanings of forms of passive and reflexive voices. Composition of voice category 5

LANGUAGES IN CONTACT

- A. Memetov* (Tashkent). Russian calques in Crimean-Tatar 13

QUESTIONS OF FOLKLORISTICS

- F. Urmancheyev* (Yelabuga). Name of epic hero 22

ONOMASTICS

- N. Ya. Mingbayev* (Syrdarya). On etymology of «Mirzachul» macrotoponym . 34

DISCUSSIONS

- N. A. Baskakov* (Moscow). On some common aims of Turkic linguistics . . . 39
B. A. Serebrennikov (Moscow). Unfoundedness of arguments to prove *r* in *z* sound-transition 53

REPORTS, SURVEYS

- M. M. Musayev* (Baku). Structure and function classification of attributive subordinate clauses in the Turkic languages 60
R. Rasulov (Tashkent). Agent valency of voice forms of state verbs 68
E. A. Umarov (Tashkent). On «ikanye» and «ekanye» in Herat dialect of the Old Uzbek language of the XV 78
V. G. Kondratiyev (Leningrad). The language of monuments of ancient Turkic writing and the Old Anatolian-Turkic language of the XIII—XV 82
U. D. Dospanov (Nukus). Philological sciences in Karakalpak in the XI Five-Year Plan 89

REVIEWS

- M. F. Chernov* (Cheboksari). «Чувашско-русский словарь» 93
A. K. Kuryshjanov (Karaganda). Т. Р. Кордабаев. Туркология тарихына; Т. Р. Кордабаев. Туркология ғылымының даму тарихына 96
Ch. Y. Latypov (Ufa). Д. Х. Бакеева. Сопоставительная фонетика английского и татарского языков 98
G. M.-R. Orazayev (Makhachkala). С. Х. Акбиев. Связь времен и дружба литератур 99
Kh. Malkonduyev (Nalchik). З. Х. Толгуров. Движение балкарской поэзии . . 101

SCIENTIFIC LIFE

- A. A. Akhundov* (Baku), *Y. Z. Kajibekov* (Alma-Ata). «The 3-rd Enlarged Session on Problems of the Turkic languages etymology» 103

PERSONALIA

- B. A. Serebrennikov* (Moscow), *D. Sh. Shaykhydarova* (Kazan). Dilara Garifovna Tumasheva 108
S. M. Ibragimov, *I. M. Nizamov* (Kazan). Vahit Hozyatovich Hakov 109
Z. G. Uraksin (Ufa). Tagir Gallyamovich Baishev 110